

РУХАНИ
ЖАҢҒЫРУ

Болашақ

**ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҒЫЛЫМИ-ПРАКТИКАЛЫҚ КОНФЕРЕНЦИЯ:
«ТОТАЛИТАРИЗМ КЕЗЕҢІНДЕГІ ХАЛЫҚТАР ДЕПОРТАЦИЯСЫ:
ТАРИХИ САБАҚТАР»**

**МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«ДЕПОРТАЦИЯ НАРОДОВ В ЭПОХУ ТОТАЛИТАРИЗМА:
ИСТОРИЧЕСКИЕ УРОКИ»**

**INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE
«DEPORTATION OF PEOPLES IN THE EPOCH OF TOTALITRISM:
HISTORICAL LESSONS»**

**МІЖНАРОДНА НАУКОВО-ПРАКТИЧНА КОНФЕРЕНЦІЯ
«ДЕПОРТАЦІЯ НАРОДІВ В ЕПОХУ ТОТАЛІТАРИЗМУ:
ІСТОРИЧНІ УРОКИ»**

Қарағанды | Караганда | Karagandy
2017

**ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҒЫЛЫМИ-ПРАКТИКАЛЫҚ КОНФЕРЕНЦИЯ:
«ТОТАЛИТАРИЗМ КЕЗЕҢІНДЕГІ ХАЛЫҚТАР ДЕПОРТАЦИЯСЫ:
ТАРИХИ САБАҚТАР»**

**МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«ДЕПОРТАЦИЯ НАРОДОВ В ЭПОХУ ТОТАЛИТАРИЗМА:
ИСТОРИЧЕСКИЕ УРОКИ»**

**INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE
"DEPORTATION OF PEOPLE IN THE EPOCH OF
TOTALITARIANISM: HISTORICAL LESSONS"**

**МІЖНАРОДНА НАУКОВО-ПРАКТИЧНА КОНФЕРЕНЦІЯ
«ДЕПОРТАЦІЯ НАРОДІВ В ЕПОХУ ТОТАЛІТАРИЗМУ:
ІСТОРИЧНІ УРОКИ»**

**Қарағанды – Караганды - Karagandy
Болашақ-Баспа
2017**

Қарағанды облысының Қазақстан халықтары Ассамблеясы Секретариаты
Секретариат Ассамблеи народа Казахстана Карагандинской области
The Secretariat of the Assembly of the people of Kazakhstan of Karaganda
region

«Болашак» академиясы» жекеменшік мекемесі
Частное учреждение «Академия «Болашак»
Private institution "Bolashak" Academy

Е.А.Букетов атындағы Қарағанды мемлекеттік университеті
Карагандинский государственный университет им. Е.А.Букетова
Karaganda State University named after E.A.Buketov

«Рідне слово» атты Т. Шевченко атындағы украин тілінің Қарағанды
облыстық серіктестігі
Карагандинское областное товарищество украинского языка
им. Т.Г.Шевченко
«Рідне слово»
Karaganda Regional Association of the Ukrainian language named after
T.Shevchenko
"Native word"

Қазақстан Республикасындағы Украина елшілігі
Посольство Украины в Республике Казахстан
Embassy of Ukraine in the Republic of Kazakhstan

Т. Шевченко атындағы Киев ұлттық университеті
Киевский национальный университет им. Т.Г.Шевченко
Kiev National University named after T.G.Shevchenko

Украин ұлттық тарихы институты
Украинский институт национальной памяти
Ukrainian Institute of National Remembrance

«Тоталитаризм кезеңіндегі халықтар депортациясы: тарихи сабақтар»
Халықаралық ғылыми-практикалық конференция шеңберінде
дөңгелек үстел
МАТЕРИАЛДАРЫ

МАТЕРИАЛЫ
круглого стола в рамках Международной научно-практической
конференции
«Депортация народов в эпоху тоталитаризма: исторические уроки»

MATERIALS
round table in the framework of the International Scientific and
Practical Conference
«Deportation of people in the epoch of totalitarianism: historical lessons»

Қарағанды – Караганды - Karagandy
Болашак-Баспа
2017

«Тоталитаризм кезеңіндегі халықтар депортациясы: тарихи сабақтар» дөңгелек үстел шеңберінде өтетін Халықаралық ғылыми-практикалық конференция материалдары. Караганды: «Болашақ-Баспа», 2017. -139 бет.

Материалы круглого стола в рамках Международной научно-практической конференции «**Депортация народов в эпоху тоталитаризма: исторические уроки.**» Караганды: «Болашақ-Баспа», 2017. – 139 стр.

Materials round table in the framework of the International Scientific and Practical Conference «**Deportation of People in the Epoch of Totalitarianism: Historical Lessons.**» Karagandy: Bolashak-Print, 2017. –139 p.

Бұл басылымға «Тоталитаризм кезеңіндегі халықтар депортациясы: тарихи сабақтар» халықаралық ғылыми практикалық конференциясының дөңгелек үстел материалдары қамтылған. Аталмыш ғылыми жинақ мемлекеттің саяси репрессия кезеңіндегі әртүрлі этникалық топтарды Карағанды облысы аумағына жаппай депортациялау мәселелеріне арналған.

В настоящее издание включены материалы круглого стола Международной научно-практической конференции «**Депортация народов в эпоху тоталитаризма: исторические уроки.**» Данный сборник научных трудов посвящен вопросам массовой депортации различных этнических категорий на территорию Карагандинской области в период репрессивной политики государства.

The following issue includes the materials of the International Scientific and Practical Conference "**Deportation of People in the Epoch of Totalitarianism: Historical Lessons.**" The collection of scientific papers is devoted to the mass deportation of different ethnic categories in the territory of Karaganda region in the period of the repressive policies of the state.

Редакциялық алқа /Редакционная коллегия/Editorial Board

Қ.Н.Менлібаев, Г.М.Рысмагамбетова, Т.П.Смолькина, З.Г.Сактаганова,
Е.Б.Касенов, Е.В.Грузина, В.Я.Говера

Қ.Н.Менлибаев, Г.М.Рысмагамбетова, Т.П.Смолькина, З.Г.Сактаганова,
Е.Б.Касенов, Е.В.Грузина, В.Я.Говера

K.N. Menlibaev, G.M. Rysmagambetova, T.P.Smolkina, Z.G.Saktaganova, E.B.Kasenov,
E.V.Gruzina, V.Ya.Hovera

© Авторлар ұжымы

© «Болашақ» академиясы

«Болашақ-Баспа» РББ., 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Алланиязов Т.К., Ошанов Н.З. Украинская «диаспора» в особых лагерях гулага (Казахстан).....	6
Бажан О.Г. Депортации населения Украины в Казахстан в 1930-1940-е годы в документах советских спецслужб.....	18
Говера В.Я. Религиозная жизнь спецпереселенцев в Казахстане.....	29
Диканбаева С.А. Лексика лагерной прозы: социальные символы лагерной жизни.....	35
Єремєєва К.А. Незручна тема: кримські татари та інші депортовані народи в радянській етнографії.....	45
Ковальчук В.М. Депортація поляків до Казахстану в 1930-х роках у світлі свідчень жителів південно-східної волині.....	55
Мухатаева Г.А. Орталық қазақстанға депортацияланған халықтар тарихынан (қарағанды облысының материалдары негізінде).....	62
Пастушенко Т.В. Украинский образ гулага в Казахстане: тематические доминанты национального нарратива.....	69
Кульпеисова Т.С. Лингвокультурная ситуация в Республике Казахстан.....	78
Рожкова Л.І. Депортація та повсякденне життя у Казахстані в 1940х рр..(за спогадами уляни любович).....	89
Рыспекова Б.Т. Процесс формирования и изменения социальной структуры населения центрального региона...	99
Сактаганова З.Г. Депортации народов в Казахстан: этапы истории.....	110
Сактаганова З.Г., Досмагамбетов Е.С. Депортации народов в Казахстан: к обсуждению проблемы.....	119
Ускембаев К.С., Мухатаева Г.А. Из истории депортации народов северного Кавказа в центральный Казахстан.....	125
Цафт Т.В. Многочисленные судьбы депортированных и репатриированных народов в годы сталинских репрессий.....	130

Т.К.Алланиязов

Жезказганский университет им.О.А.Байконурова

Жезказган, Республика Казахстан

klio56@mail.ru

Н.З.Ошанов

Карагандинский государственный технический университет

Караганда, Республика Казахстан

noshanov@mail.ru

УКРАИНСКАЯ «ДИАСПОРА» В ОСОБЫХ ЛАГЕРЯХ ГУЛАГА (КАЗАХСТАН)

***Аннотация.** В статье рассматривается количественный и качественный состав осужденных из украинской нации, которые переместились на территорию КазССР в период с 1948 по 1956 год в Специальный лагерь Главного управления лагерей МВД СССР. Приводятся данные об использовании рабочей силы контингентом лагеря на промышленных и строительных объектах Карагандинской и Павлодарской областей. Приводятся факты непослушания начальнику лагеря в Разделе 3 «Уловки» в виде отказа от работы, побега, организации терроризма для определенных осужденных, выхода и сдерживания.*

***Ключевые слова:** Украина, Казахстан, восстание, члены Националистической Организации Украины, специальные лагеря, саботаж, восстание.*

В 1948 – 1956 годах на территории Казахстана (Карагандинская и Павлодарская области) дислоцировались Особые лагеря ГУЛАГа – Степной №4 (28.02.1948 – 24.04.1956), Песчаный №8 (05.09.1949 – 24.08.1955), Луговой №9 (10.10.1949 – 01.09.1951) и Дальний №11 (24.04.1952 – 08.04.1954) [1].

Контингент этих лагерей по своему национальному составу отличался представительством практически всех национальностей СССР. При этом преобладали русские и украинцы. Последнее было связано с тем, что большую часть украинского контингента заключенных составляли репрессированные участники антисоветского повстанческого движения, начавшегося на Украине

в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период, а также пособники повстанцев, сочувствующие и др. Политическое руководство этим движением осуществляла Организация украинских националистов (ОУН) возглавлявшаяся Степаном Бандерой. Военные действия осуществлялись боевыми структурами Украинской повстанческой армии (УПА) во главе с Романом Шухевичем [2].

Основное содержание деятельности Особых лагерей было активное использование дешевой рабочей силы из числа трудоспособных контингентов заключенных на промышленных и строительных объектах Карагандинской и Павлодарской областей. Большую часть этих контингентов составляли представители украинского этноса. Это дает основание говорить о значительном вкладе украинцев в создание материально-технической и производственной базы Центрального Казахстана.

В числе трудоспособных контингентов Степлага украинцы были задействованы на добыче бурого угля в Байконуре, медной руды в Джезказгане, плавке меди в Карсакпае, строительстве Балхаша, Джезказгана, Джезказганского горно-металлургического комбината, поселков Весовая и Рудник [3].

Заключенные украинцы Песчанлага строили заводы горно-шахтного оборудования и металлоконструкций, обогатительные фабрики шахты №105 и шахты им. Костенко, участвовали в жилищном строительстве города Сарань и поселков Майкудук и Черубай-Нура, на горных работах новостроящихся шахт №109, №35 и 1-вертикальная, на поверхностных и горно-строительных работах шахт №37, №70, №101, №102, №107 и №109 [4]. Кроме того, их активно привлекали к работам по реконструкции Центральной обогатительной фабрики и шахты №20, строительству паровозного депо и рудоремонтного завода, а также использовали на строительных работах в трестах Ленинуголь, Молотовуголь, Кировуголь, Сталинуголь, Промжилстрой [5].

Контингенты заключенных Луглага были задействованы на строительстве Черубай-Нурина шахтерского города, деревообделочного комбината, авторемонтного завода, шахт №№1, 2, 4 и 6-7, завода пено-железобетонных изделий, строительстве и эксплуатации Карабасского камнедробильного карьера и известкового завода, Белоглинищенского кирпичного завода и поселка [6].

Заклученные Дальлага использовались на объектах треста «Иртышуглестрой» Минуглепрома СССР: на строительстве электровозного депо, ТЭЦ, деревообделочного комбината, бетонно-растворного узла, административно-бытового комбината, рыбохолодильника, бани, жилых домов, а также механических мастерских, каменном карьере [7].

Имеющиеся в нашем распоряжении архивные материалы ГАРФ позволяют в самых общих чертах раскрыть количественный и качественный состав украинской «диаспоры» в Особых лагерях ГУЛАГа МВД СССР, дислоцированных на территории Казахстана. Количественная динамика заключенных Особых лагерей украинской национальности представлена в нижеследующей таблице 1 в разрезе по годам и лагерям [8].

Из данных, приведенных в таблице, видно, что наибольшее число украинцев, находившихся в заключении в названных выше Особых лагерях, приходится на 1952 год - 27933. При этом по количеству украинцев выделяются Песчаный и Степной лагеря – 17844 и 15427 соответственно. Количество заключенных украинцев в целом по лагерям составляло в среднем от одной трети до половины от общего числа контингента. Это в известной мере определяло состояние оперативной обстановки в лагерных отделениях и лагпунктах Песчанного и Степного лагерей.

В 1951 году оперативная обстановка в Песчанном лагере характеризовалась активными действиями ОУНовцев, которые путем убийств терроризовали заключенных, дважды организовывали групповые волынки с массовым неподчинением лагерной администрации, совершали побеги и другие нарушения лагерного режима. За год было убито 49 человек, в том числе 9 бригадиров, 13 работников хозобслуги и 14 человек агентуры МВД-МГБ, совершено 8 побегов с количеством бежавших 25 человек [9].

Особо выделялось лаготделение №3, где было совершено 11 убийств и 5 попыток убийства заключенных со стороны «бандитствующих контрреволюционных бунтовских элементов». В числе убитых и потерпевших заключенных оказались 7 осведомителей, в том числе один осведомитель отделения МГБ и бывший работник органов МВД [10]. В июле 1951 года 450 заключенных из числа наиболее активных ОУНовцев были этапированы из 3-го в 6-е лаготделение, где их разбили по производственным бригадам. Но и здесь они продолжили действия по дезорганизации лагерной жизни: преследовали честно

работавших заключенных, выявляли лиц, сотрудничавших с оперативным составом, захватывали командные должности лагерной obsługi [11]. В ходе укрепления режима содержания заключенных было арестовано 4 участника подкопа, ряд убийц заключенных и вывезено 250 з/к в Камышлаг [12].

Таблица 1. Количественная динамика заключенных Особых лагерей украинской национальности представлена в нижеследующей *

Период	Степной	Песчанн ый	Луговой	Дальний	Итого
1950, март	15427/ 11580 (28846)	-	-	-	15427
1951, январь	7845 (17077)	9734 (20023)	3410 (10040)	-	20989
1952, январь	10089 (21288)	17844 (36054)		-	27933
1953, январь	9580/ 7365 (19568)	12710/69 95 (27585)		1022/654 (2498)	23312
1954, июнь	9596 (20698)	-		-	9596

* - Числитель – общее число з/к украинцев, знаменатель – осужденные за националистическую деятельность. В скобках – общее число з/к без иностранцев. Прочерк – нет данных.

29 сентября 1951 года в лагпункте №1 лаготделения №3 произошла волынка среди заключенных. Во время прогулки заключенные, находившиеся в штрафном бараке, пытались передать в карцер продукты питания, но были задержаны надзирателем. Начальник лагпункта старший лейтенант Торгов приказал начальнику надзорслужбы лейтенанту Попкову водворить заключенных Петрашука, Коружака и Шевчука в карцер. При изъятии указанных заключенных из камеры штрафного барака, последние оказали сопротивление и, по сигналу заключенного Петрашука, большинство содержащихся в штрафном бараке заключенных разобрали нары, выломали двери и с криком «Ура, бей чекистов» бросились на надзирателей. В результате надзорсостав разбежался. 32 человека под руководством названных выше украинцев проникли в жилую зону, где в результате

запугивания расправой, склонили всех заключенных к отказу от приема пищи и выхода на работу. Администрации лагеря были предъявлены следующие требования: прекращение водворения их за отказ от работы и нарушение лагерного режима в штрафбарак, увеличение питания, сокращение рабочего дня до 8-ми часов, освобождение всех заключенных, содержащихся в карцере, разрешение пересылки писем до 2-х раз в месяц и отстранение от работы оперуполномоченного младшего лейтенанта Тарасова.

На неоднократные попытки администрации лагеря, а также прокурора Карлага Моисеенко прекратить волынку, заключенные вытесняли их за зону, забрасывали камнями и угрожали ножами. Кроме этого, 22 заключенных, вооружившись ломом и ножами, ворвались в карцер и путем взлома дверей освободили заключенного Михайлишина, одновременно попытавшись проникнуть в другую камеру и расправиться с находившимися там 14 заключенными, которых они подозревали в сотрудничестве с лагерной администрацией. Указанная попытка была предупреждена младшим лейтенантом Тарасовым, который с наружной стороны зоны открыл огонь поверх карцера. Этой же группой заключенных были уничтожены имевшиеся в помещении надзорслужбы постановления о водворении заключенных в карцер. 30 сентября 1951 года после беседы с заключенными прокурора Карлага Моисеенко и администрации лагеря, заключенные приняли пищу и вышли на работу [13].

22 января 1952 года имела место волынка в Экибастузском отделении особого Песчаного лагеря, которая была ликвидирована 27 января. Все заключенные были выведены на работу, 33 активных участника волынки были изолированы в Павлодарскую тюрьму, 90 человек было переброшено в другие подразделения Песчаного лагеря [14]. МВД СССР было дано разрешение руководству лагеря вывести из Экибастузского лагерного отделения 500 человек заключенных, бывших оуновцев в Степной лагерь МВД [15].

Прибыв в Степлаг, заключенные продолжили свои действия по неповиновению лагерной администрации. О фактах бандпроявлений заключенными из числа ОУНовцев можно судить по данным, приведенным в докладной записке начальника Управления Степного лагеря А.А.Чечева заместителю начальника ГУЛАГа П.И.Окуневу «О работе по нейтрализации бандитско-повстанческого элемента из числа оуновцев, прибывших из

Экибастузского отделения Песчаного лагеря в феврале-апреле 1952 г.» датированной 21 апреля 1952 года.

Прочитируем некоторые фрагменты документа:

«Прибывшие заключенные были размещены в штрафных бараках двух лагерных отделений – лаготделение №1 (пос.Рудник) – 328 чел. и 3-лаготделение (г.Джезказган) – 304 чел. При оперативной обработке прибывшего из Песчаного лагеря контингента было установлено, что бандитствующий элемент из числа авторитетов и украинских националистов от своих преступных намерений не отказался, а наоборот, пытается активизироваться, установить связь с оуновцами и авторитетами бандитского элемента, содержащимися в Степном лагере с целью парализовать действия лагерной администрации и организовать срыв выполнения производственного плана.

Так, вновь завербованный из числа прибывших агент <...> в своем донесении от 20 марта 1952 г. сообщил: „...В пути следования из Экибастузского лаготделения в Степной лагерь заключенные в разговорах сожалели, что мало сделали в Экибастузе и надеялись на возможность повторения этого же в Степном лагере“.

По прибытии в Степной лагерь источник был водворен в камеру №11, в которой сможет охарактеризовать следующих заключенных: вдохновителем камеры является заключенный КАЛЬЧИНСКИЙ, у которого весь разговор насыщен репликами «смерть стукачам», «смерть бригадирам» и т.п., ведет разговоры о совершенных в Экибастузе убийствах и жалеет, что многих убить не успели. Высказывает мнения, что как только выйдем из камеры в зону, то «поддадим душку», «дело пойдет и мы наведем порядок наш», т.е. бандеровский. 17 марта с.г. во время раздачи пищи заключенный ЗАХАРЧЕНКО потребовал от раздатчика полнее наливать миску супом. Раздатчик ответил, что можно взвесить, разливает по норме. На это ЗАХАРЧЕНКО ответил, что взвешивать мы не будем, а будем вешать таких, как ты, указывая на раздатчика.

Активно ведет себя КРАЧКОВСКИЙ, который после того, как раздали бумагу для заявления, запретил кому-либо писать заявления. И действительно, все заключенные камеры отказались писать заявления. Преследует тех, кто просится на работу, угрожая, что таким потом не поздоровится. Утром 17 марта с.г.

источник попросил ложку у заключенного КУЛЬЧИНСКОГО для завтрака. На этой ложке рукою КУЛЬЧИНСКОГО была сделана надпись «смерть стукачам». С целью проверки данных источника <...> была проверена вся посуда штрафбарака, где обнаружено на 11 мисках и ложках надпись «смерть стукачам», которая из пользования была изъята. Все активно проявляющие себя заключенные переведены от общей массы заключенных в отдельные камеры...

...Все авторитеты бандитствующего элемента и украинских националистов от общей массы изолированы в отдельные камеры и находятся под агентурным наблюдением. Одновременно через агентурно-осведомительную сеть устанавливаются непосредственные участники совершенных преступлений в Песчаном лагере. Из числа поступивших в 3-лаготделение – 250 заключенных в настоящее время выводятся на отдельный от остальных заключенных объект работы под усиленной охраной и используются на строительных работах. Для остального контингента, особенно из числа активного бандитско-повстанческого элемента, готовятся объекты по добыче камня, на которые они в скором времени будут выводиться...» [16].

В течение II полугодия 1952 года в лаготделении №3 была вскрыта «бандитско-террористическая» группа, состоящая преимущественно из заключенных особого контингента, осужденных за националистическую деятельность в прошлом. Указанная группа ставила главной своей задачей систематическое терроризирование заключенных, работающих в хозлагодоблуге и физическое уничтожение заключенных, заподозренных в связи с органами МВД-МГБ. Из состава этой группы 16 активных участников были привлечены к уголовной ответственности по статье 59-3. Кроме того, была проведена изоляция 35 заключенных, в той или иной степени причастных к данной группе [17].

В начале февраля 1954 года на деревообделочном заводе часовой военизированной охраны Мелешенко незаконно применил оружие по заключенному Сысоеву, который в зоне объекта был убит [18]. Воспользовавшись этим случаем, часть заключенных организовала массовое неповиновение, и в течение 4 и 5 февраля отказалась выходить на работу. Решительными действиями всего надзирательского состава 3-го лагерного отделения организаторы неповиновения были изолированы, а все остальные заключенные выведены на работу [19].

Организаторами массовой волынки являлись в большинстве своем украинцы и литовцы. В их числе были следующие 23 заключенных: Лаптев Иван Максимович, личный номер СИ-466, Урбанас Альфонсас Станислав - СЗЗ-703, Кулик Макар Иванович - СД-38, Розенбергс Вилли Карлович - СМ-468, Скрипчук Константин Максимович - СЗЗ-941, Новак Алексей Петрович - СЗЗ-639, Скирюк Виталий Петрович - СК-363, Ключак Степан Петрович - СЗЗ-957, Савицкий Василий Ильич - СЦ-218, Грыник Михаил Гаврилович - САА-516, Лимарев Василий Игнатьевич - СЮ-489, Свистун Петр Яковлевич - СЗ-822, Курциновский Фабион Устинович - СЗЗ-807, Клименко Иван Федорович - СИ-435, Тацуняк Иван Владимирович - СЦ-239, Кульчак Илья Евдокимович - СЗЗ-448, Солнышкин Георгий Калистратович - СМ-464, Гаврилюк Владимир Филиппович - СЫ-272, Держак Петр Петрович - СЕЕ-69, Квятковский Владимир - СШ-288, Куликовский Иосиф Иосифович - СЦ-25, Парасекс Лев-Леопольд Мартынович - СЖЖ-842. Все перечисленные организаторы были водворены в штрафной барак сроком на 2 месяца с выводом на работу [20].

В 1954 году в Степном лагере МВД содержались представители более 34 национальностей. Обращает на себя внимание тот факт, что из 20698 человек 9596 составляли украинцы и 2690 литовцы, значительная часть которых была осуждена за участие в антисоветских повстанческих националистических движениях. Больше половины заключенных имели сроки от 15 до 25 лет. 18180 человек были осуждены за измену Родине, шпионаж, терроризм, повстанчество и политбандитизм. В совокупности своей эти группы заключенных представляли подавляющее большинство контингента лагерных отделений Степлага. А сосредоточенные в общей массе заключенных, они являли собой гремучую смесь, взрыв которой мог произойти в любую минуту и по любому поводу.

С 16 мая по 25 июня 1954 года в 3-м отделении Степлага состоялось знаменитое на весь мир Кенгирское восстание, в руководящих органах которого находились и представители украинской национальности. В том числе: *«Супрун Лидия Кондратьевна, 1904 года рождения, уроженка г. Одессы, проживала в с. Биткив Надворнянского района Станиславской области, украинка, б/н, образование среднее педагогическое, работала до войны учительницей. Осуждена в 1945 году по ст. 54-1 «а» и 54-11 с применением Указа Президиума Верховного Совета*

СССР от 19.IV.1943 года к 15 годам каторжных работ. Супрун, проживая на оккупированной немцами территории, вступила добровольно в члены ОУН, имела кличку «Орел». По заданию станичного руководителя для действующей банды УПА собирала среди населения продукты питания, подготовила двух женщин в члены ОУН, изучив с ними 10 заповедей ОУН. При отступлении немецких войск занималась сбором данных о Советской Армии и передавала их подпольному центру ОУН. Ее сын, Владимир Супрун, в 1944 году ушел с немцами в составе дивизии СС», «Михайлевич Анна Автономовна, 1925 года рождения, уроженка с. Славка Дрогобычской области, образование 7 классов, украинка, б/п. Осуждена в 1945 году по ст. 54-1 «а» с применением Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19.IV. 1943 года к 20 годам каторжных работ. В 1943 году Михайлевич вступила в члены ОУН. С 1944 года по заданию ОУН Михайлевич носила эстафеты в села. В сентябре 1944 года была назначена районной ОУН старшей сельской сетки 13 населенных пунктов (женская сотня ОУН)», Е.Сунчук, «в прошлом священник и скрытый деятель УПА» [21].

Поводом к восстанию явился расстрел группы заключенных, организовавших массовое неповиновение лагерной администрации в виде нарушения лагерного режима и попыток проникновения в женский лагерный пункт. Восстание было обусловлено комплексом причин как объективного, так и субъективного характера, генезис которых был предопределен всей логикой развития лагерной системы СССР в конце 40-х – начале 50-х годов прошлого века. Здесь и режим содержания заключенных в соответствии с требованиями к особым лагерям, и действия лагерной администрации, граничащие с произволом и беззаконием, и недовольство заключенных из числа спецконтингента своим положением, и поведение группы заключенных из общего контингента, и беспечность и халатность лагерной администрации по отношению к своим прямым обязанностям.

Движущими силами явились заключенные, осужденные по 58-й и 59-й статьям УК РСФСР из числа бывших военнослужащих Советской Армии и украинских и прибалтийских националистов. Военная подготовка большинства из них, опыт участия в прошлом в акциях неповиновения, в повстанческих и подпольных движениях обусловили высокий уровень организующего начала в восстании заключенных и нашли выражение в деятельности «лагерной комиссии» и «конспиративного центра», в создании структур сопротивления.

Подавление восстания было четко спланировано и осуществлено жесткими методами с применением танков. Техническое превосходство, неравенство сил, несмотря на ожесточенное сопротивление отдельной части заключенных, предрешили поражение восстания. Последствия для руководителей восстания и активных его участников были трагическими: гибель во время подавления восстания, аресты, суд и репрессии вплоть до расстрела некоторых из них.

Значение Кенгирского восстания в том, что это был один из самых массовых, организованных и крупных протестов заключенных против системы подавления личности. Руководители восстания и его активные участники продемонстрировали мужество, смелость, организаторский и военный талант. Осознавая полную бесперспективность в положительном исходе дела лично для себя, окруженные колючей проволокой, изолированные от мира в степях Центрального Казахстана под прицелом солдат, вооруженных автоматами, винтовками и пулеметами, поддержанных гусеницами танков, они вступили в неравную и ожесточенную борьбу с бездушной машиной террора, с огромной системой насилия и порабощения, уничтожения личности. Решающий вклад в эту борьбу внесли и заключенные украинцы.

Обобщая вышеприведенный статистический и фактический материал можно сделать следующие выводы.

1. По своей численности украинцы из числа членов ОУН и УПА составляли значительную долю лагерных контингентов Особых лагерей.

2. В составе лагерных контингентов заключенные украинцы будучи задействованные в промышленном и гражданском строительстве, на добыче угля и меди, приняли участие в создании и укреплении производственно-технической потенциала Центрального Казахстана.

3. Заключенные украинцы принимали самое активное и массовое участие в различного рода нарушениях лагерного режима, выражавшееся в отказах от работы, побегах, противодействии представителям лагерной администрации, физическом и моральном терроре против несогласных с ними заключенных иных национальностей, волынках, забастовках и в восстании в 3-м лагерном отделении Степлага.

4. Активность, решительность и жесткость с которой действовали в условиях Особых лагерей вчерашние члены ОУН и

бойцы УПА против лагерных порядков свидетельствует об их организованности, высоком моральном духе, непримиримости к коммунистической идеологии, бескомпромиссности в борьбе против советской политической системы и, в конечном итоге, демонстрировали свободолюбивый характер украинского народа.

Список использованных источников:

1 Дулатбеков Н.О., Алланиязов Т.К., Жумадилова Н.Т., Баймурынов Ж.М., Жунусова Б.А., Фалезжинская И.Ю. *Особлаги в Казахстане: Степной. Песчаный. Луговой. Дальний.* – Алматы, 2014. – С.22

2 Гогун А. *Между Гитлером и Сталиным. Украинские повстанцы.* - СПб.: Издательский дом «Нева», 2004. – С. 33, 177.

3 ГАРФ. Ф.9414. Оп.1. Д.1858. л.100-101.

4 ГАРФ. Ф.9414. Оп.1. Д.1858. л.100-101.

5 ГАРФ. Ф.9414. Оп.1. Д.1855. л.83.

6 ГАРФ. Ф.9414. Оп.1. Д.1863. л.23-25, 48, 51.

7 ГАРФ. Ф.9414. Оп.1. Д.2602. л.31.

8 ГАРФ. Ф.9414. Оп.1. Д.1356. л.25, 32, 63, 68, 91, 96, 123, 128, 155, 160. Д.1385. л.5, 9, 11, 57, 61, 63, 93, 97, 99, 132, 136, 139, 165, 169, 171, 189, 193, 185, 218, 223, 226, 251, 256.

9 ГАРФ. Ф.9414. ОП.1. Д.2611. л.149-150.

10 ГАРФ. Ф.9414. Оп.1. Д.465. л.6.

11 ГАРФ. Ф.9414. Оп.1. Д.465. л.7-8.

12 ГАРФ. Ф.9414. Оп.1. Д.465. л.10.

13 ГАРФ. Ф.9414. Оп.1. Д.465. л.21-22.

14 ГАРФ. Ф.9414. Оп.1. Д.465. л.99.

15 ГАРФ. Ф.9414. Оп.1. Д.465. л.101-102.

16 *История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7-ми томах/ Т.6. Восстания, бунты и забастовки заключенных /Отв. ред. и сост. В.А.Козлов. Сост. О.В.Лавинская.* – М.: РОССПЭН. 2004. – С.268-270.

17 ГАРФ. Ф.9414. Оп.1. Д.2616. л.20-23.

18 *Государственный архив города Жезказгана. Ф.89. Оп.3. Д.19. Л.165.*

19 *Архив Жезказганского УВД. Ф.12. Оп.1. Д.120. Л.Л.38-39.*

20 *Архив Жезказганского УВД. Ф.12. Оп.1. Д.120. Л.25.*

21 *ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918-1960. М.: МФД. 2000. - С.630-631, 644.*

Т.К.Алланиязов, Н.З.Ошанов
ГУЛАГТЫҢ (ҚАЗАҚСТАН) АРНАЙЫ ЛАГЕРЛЕРІНДЕГІ
УКРАИНА «ДИАСПОРАСЫ»

Аңдатпа. Мақалада КССТ Ішкі істер министрлігінің арнайы лагерьлерінің Бас басқармасы 1948-1956 жылдар аралығында ҚазССР территориясына қоныс аударылғандағы украин ұлтынан сотталғандардың сандық және сапалық құрамы қарастырылады. Қарағанды және Павлодар облыстарының өндірістік және құрылыс нысандарында лагерь контингентінің жұмыс күші пайдаланылғандығы туралы мәліметтер келтірілген. Жұмыстан бас тарту, қашу, жекелеген сотталғандарға террор ұйымдастыру, көтеріліске шығу, істі тежеу түріндегі Степлагтың 3-ші бөліміндегі лагерь басшысына бағынбау фактілері туралы мәліметтер келтірілген.

Түйінді сөздер: Украина, Қазақстан, көтеріліс, Украина ұлтшылдар ұйымы мүшелері, ерекше лагерьлер, кертартпалық.

T.K.Allaniyazov, N.Z.Oshanov
UKRAINIAN "DIASPORA" IN SPECIAL CAMPS OF GULAG
(KAZAKHSTAN)

Summary. The article considers the quantitative and qualitative character of the prisoner's population of Ukrainian nationality in the Special Camps of the Camps' chief administration of the Ministry of Internal Affairs of the Soviet Union, located in the territory of the Kazakh SSR from 1948 to 1956. Data on industrial and construction sites in Karaganda and Pavlodar regions, where the labor force of the camp contingents was used, is presented. Information is based on the facts of rebellion against the camp authorities in the form of refusal to work, escapes, terror against individual prisoners, strikes, sabotage, and uprisings in the 3rd division of Steplag.

Keywords: Ukraine, Kazakhstan, revolt, members of Ukrainian national organizations, osoblag (special camps), sabotage, uprising.

О.Г.Бажан
Институт истории Украины НАН Украины
Киев, Украина
bazhanclio@ukr.net

ДЕПОРТАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ УКРАИНЫ В КАЗАХСТАН В 1930-1940-е ГОДЫ В ДОКУМЕНТАХ СОВЕТСКИХ СПЕЦСЛУЖБ

Аннотация. В статье освещаются основные этапы массовых депортаций различных этнических, социальных категорий с материковой Украины и Крымского полуострова на казахские земли, осуществлявшихся сталинским режимом накануне, в ходе и по окончании Второй мировой войны.

Ключевые слова: депортации, Украина, Крымский полуостров, Казахстан, операция «Запад», операция «Волна».

Депортация как средство криминального или административного наказания известно со времен Киевской Руси (изгнание за пределы сообщества или края за «Русской правдой» было составной частью наказания за тяжелые преступления). В Великом княжестве Литовском применялась разновидность депортации – «выволакивание». Первые массовые депортации с Украины за национальным признаком имели место в начале XVIII века, когда по приказу русского царя Петра I тысячи украинцев насильственно направлялись на тяжелые работы в Россию (строительство Санкт-Петербурга, прокладка Ладожского канала).

Депортации населения с украинских земель происходили и в годы Первой мировой войны. С целью «нейтрализации немецкого национального элемента» военным ведомством Российской империи в течение 1915-1916 годов на Кавказ, Сибирь, Приуралье было депортировано 150 тысяч немецких колонистов, которые проживали в Волынской губернии. В полосе действий Юго-Западного фронта подлежали выселению чехи, поляки, евреи как потенциальные враги Российской империи. В ходе боевых действий и в период оккупации Восточной Галичины российскими войсками проводились принудительные высылки

«неблагонадежного элемента» (на протяжении 1914-1915 годов с региона вглубь России было выселено 13 тысяч лиц). Депортации украинского населения с территории Галичины и Буковины во времена военного конфликта практиковались и правительством Австро-Венгрии.

Однако наиболее масштабные репрессивные действия, связанные с депортациями, наблюдаются в Украине именно в период становления и функционирования советской тоталитарной системы. На протяжении 1930-1952 годов в Украине получила распространение практика выселения и депортации значительных масс людей и даже целых народов. Репрессивные мероприятия подкреплялись соответствующими законодательными актами, приказами, на базе которых силовыми ведомствами УССР только в 1936-1952 гг. было выселено на спецпоселение за пределы республики больше 522 тысяч граждан [1].

Главное внимание в статье концентрируется на депортациях населения Украины в Казахстан, имевших место в Советском Союзе в 1930-1940-е годы. В процессе исследования систематических массовых депортаций различных этнических, социальных категорий с территории Украинской ССР на казахские земли, осуществлявшихся сталинским режимом накануне, в ходе и по окончании Второй мировой войны, можно выделить следующие этапы: первый - 1936-1938 годы – превентивные мероприятия по обеспечению безопасности приграничных территорий посредством их освобождения (чаще всего по этническому признаку) от неблагонадежных, с точки зрения советского руководства, элементов, а также кампании по изоляции «врагов народа» республики в эпоху «Большого террора»; второй - 1940-1945 годы – принудительное выселение советскими карательными органами «нелояльных лиц» с территории аннексированных польских земель, репрессии относительно потенциальных коллаборантов в период немецко-советской войны; третий – вторая половина 1940-х годов - борьба сталинского режима с национально-освободительным движением в Западной Украине (операция «Запад»), изъятие на Юге Украины «иностранным подданных» и «антисоветских, чуждых и сомнительных элементов» (операция «Волна»).

Проблема выселения немцев и поляков с приграничных территорий УССР на основании постановления СНК СССР № 776-120сс от 28 апреля 1936 года, совершенное за отсутствия элементарных условий для размещения и расселения

спецпоселенцев в Казахстане, нашло отображение в украинской, польской и казахской историографиях. В научных трудах анализируются причины, география депортационных акций, раскрываются судьбы репрессированных. При этом следует отметить, что обнародованная учеными статистика за количественными и национальными параметрами не всегда совпадает. К примеру, российский историк Николай Бугай утверждает, что в связи с реализацией в жизнь постановления союзного правительства «О выселении из УССР и хозяйственное устройство в Карагандинской области Казахской АССР 15 тысяч польских и немецких хозяйств» прибыло на казахские земли 35735 поляков, то есть половина от числа депортированных из приграничных районов Киевской и Винницкой областей [2]. Более точные данные о выселенных с 800-метровой полосы вдоль тогдашней государственной границы с Польшей, указывает в своем исследовании немецкий историк Виктор Денингхаус: «В два приема - в июне и в сентябре 1936 г. - с украинского пограничья выселили 15000 хозяйств (69 283 лиц), из них поляки составляли 75,7%, немцы - 23,4%, украинцы - 0,8%» [3]. Сводные данные центрального аппарата НКВД УССР, хранящиеся в Ведомственном архиве Службы безопасности Украины, отражают иное количество депортированных в Казахстан (в отличие от подсчетов Н.Бугая, В.Денингхауса, Г. Стронского и других исследователей) - 69 977 лиц [4]. К сожалению в документе НКВД УССР отражена лишь информация о количестве польских и немецких хозяйств, подлежащих выселению в Казахстан и общее число депортированных лиц в мае-июне и сентябре 1936 года из районов Винницкой и Киевской областей, при этом отсутствуют данные позволяющие определить процент репрессированных за этническим происхождением, особенно украинцев в смешанных семьях.

За неимением достаточного количества источников в украинской историографии практически не освещены вопросы планирования и возможной реализации массовой депортации семей репрессированных из пограничных районов Украинской ССР весной 1938 года. Известно, что нарком внутренних дел УССР Александр Успенский в телеграфном распоряжении № 47035 от 5 апреля 1938 года приказывал начальникам УНКВД Винницкой, Каменец-Подольской, Житомирской, Одесской областей и наркому внутренних дел Молдавской АССР подготовить и провести

выселение с приграничной полосы в Казахстан «семей осужденных за шпионаж, диверсию, террор, бандитизм, вредительство, повстанческую и контрабандную деятельность и лиц в разное время бежавших за границу». Спустя 4 дня после получения секретной директивы начальник УНКВД по Винницкой области капитан госбезопасности Иван Кораблев уведомил руководство в Киеве о составлении списка на 4820 семей (15381 чел.), намеченных на выселение, количестве транспорта (463 железнодорожных вагонов) и финансовых затратах на операцию (60 тысяч рублей). В докладной записке начальника УНКВД по Житомирской области Г.Вяткина, отправленной наркому внутренних дел УССР А.Успенскому в первой декаде апреля 1938 года, указывалось, что «подлежат выселению 7051 семья, общим количеством 26223 человека, из них: взрослых 10188, детей до 16 лет – 16035». С целью «политического укрепления» пограничной полосы Каменец-Подольское областное управление НКВД наметило произвести выселение 12668 семей (42114 чел.) План, разработанный сотрудниками Николаевского УНКВД, предусматривал выселения 1305 семей репрессированных и семей лиц, бежавших за границу в количестве (всего 4321 чел.). В ходе будущих «мероприятий по очистке приграничных районов» в Одесской области выселению в Казахстан подлежали 2119 семейств с общим количеством -76922 человек [5]. Судя по переписке, руководители приграничных управлений НКВД к первой декаде мая 1938 года, были готовы приступить к высылке более чем 90 тысяч лиц из Украины. Последующей информации о ходе выполнения упомянутой депортационной акции или причинах приостановки чекистской операции в фондах ведомственного государственного архива Службы безопасности Украины исследователями на сегодня не выявлено.

Новый всплеск принудительных высылки населения с территории Украины приходится на годы Второй мировой войны. После присоединения Западной Украины в состав СССР согласно постановлениям СНК СССР №2010-558 сс от 5 декабря 1939 г., №2122-617 сс от 29 декабря 1939 г. 10 февраля 1940 года органами НКВД осуществлена акция с выселения польских осадников и работники польской государственной лесной охраны с территорий Волынской, Дрогобицкой, Львовской, Ровенской, Станиславской, Тернопольской областей. Всего из западных областей Украины и Белоруссии депортировано 140 тысяч осадников, сотрудников

лесной охраны и членов их семей. Большинство выселенных составляли поляки (81, 7%), украинцы (8,8%) белорусы (8,1%). «Спецконтингент» разместили в отдаленных уголках Советского Союза. Состоянием на 1 апреля 1941 года в Казахской ССР насчитывалось 5307 спецпоселенцев-осадников [6].

За первой волной масштабной депортации на присоединенных землях последовала вторая волна, которая приходится на весну 1940 года. В начале марта 1940 года политбюро ЦК ВКП (б) приняло решение №П13/114, которым предусматривалось административное выселение с Западной Украины семей военнопленных польских офицеров и репрессированных представителей польского государственного аппарата, крупных землевладельцев и промышленников, представителей польских и украинских националистических партий в Акмолинскую, Актюбинскую, Кустанайскую, Павлодарскую, Северноказахстанскую, Семипалатинскую области Казахской ССР. Депортация семей репрессированных в западных областях Украины была проведена 13 апреля 1940 года силами 4,1 тыс. оперативных групп НКВД. За один день было выселено 10475 семей в количестве 32076 лиц. Национальный состав спецконтингента выглядел следующим образом: поляки - 24039 лиц (74,9%), украинцы - 6256 (19, 5%) евреи - 1311 лиц (4,1%) [7].

Очередная массовая депортация семей «арестованных оуновцев и кулаков» из Галичины, Волыни, Черновицкой и Измаильской областей УССР в Казахстан состоялась в мае-июне 1941 года. По данным советских спецслужб с 6 западных областей в мае 1941 года органами НКВД «изъято» 11 тыс. лиц, а в июне 1941 г. с Молдавии, Северной Буковины и Южной Бессарабии – около 30 тысяч человек.

Депортации населения Украинской ССР в Казахстан продолжались и в ходе немецко-советской войны 1941-1945 годов. В разряд «неблагонадежных» народов советская власть зачислила граждан немецкой национальности. В августе 1941 года из Запорожской, Сталинской (ныне Донецкая) и Ворошиловградской (ныне Луганская) областей Украины немцев выселяли в Казахстан - в Актюбинскую и Кустанайскую области.

Депортации было подвергнуто 79569 лиц немецкой национальности из Запорожской, Ворошиловградской, Донецкой областей и 3384 человек из Днепропетровской области [8].

Незаконные репрессивные акции советского тоталитарного режима имели место и в Крыму. Объектом превентивной депортации, обусловленной обстоятельствами чрезвычайного положения в СССР, стали представители так называемых «нелояльных» народов – немцы, итальянцы, турки. В соответствии с постановлением Совета с эвакуации СССР от 15 августа 1941 года на полуострове было начато выселение немцев в Орджоникидзевский край (ныне Ставропольский край), а оттуда, спустя месяц, отправка под конвоем в Восточно-Казахстанскую, Джамбульскую, Карагандинскую, Павлодарскую, Семипалатинскую и Южно-Казахстанскую область Казахской ССР. Выполняя установки союзного руководства местными органами НКВД в течение августа-сентября 1941 года было в тыловые районы СССР было депортировано 61.184 лиц немецкой национальности (выселение осуществлялась под видом эвакуации из опасной вследствие военных действий зоны) [9].

Черода «этнических чисток» в регионе с принудительным выселением в Казахстан наблюдалась зимой и летом 1942 года, после успешно проведенной советским войсками Керченско-Феодосийской десантной операции. По приказу заместителя наркома обороны СССР, армейского комиссара 1-го ранга Л. Мехлиса в течение 29 января 1942 года была проведена акция по выселению итальянцев – граждан СССР, которые проживали на Керченском полуострове. Всего в Казахстан было выселено 138 итальянских семей, численностью 438 человек.

Вслед за итальянцами, в период с 4 по 10 апреля 1942 года, вынуждены были оставить Керченский полуостров и переселиться в Казахстан и Туркменистан 202 иностранноподанных греков и турков. Последние были включены советскими органами безопасности в «государственно опасные элементы» согласно директивному письму №157 наркома внутренних дел СССР Л. Берии от 4 апреля 1942 года [10].

В дальнейшем «изъятие вражеского элемента» в Крыму наблюдается в мае-июне 1944 года, после освобождения полуострова от нацистских оккупантов войсками 4-го Украинского фронта и Отдельной Приморской армии. В отличие от превентивных депортаций «неблагонадежных» национальностей в начальный период немецко-советской войны, массовое выселение населения Крыма весной-летом 1944 года совершалось на

солидарной основе как наказание целых народов за сотрудничество отдельных представителей с немецким оккупационным режимом.

Оперативные мероприятия органов НКВД по «очищению» территории Крымской АССР от «антисоветских элементов» коснулась в первую очередь крымских татар. Депортация коренного народа проводилась согласно постановлению ГКО СССР «О крымских татарах» от 11 мая 1944 года (№ 5859-сс). Для выполнения этого задания в Крым было направлено 5 тысяч оперативных работников НКВД и НКГБ ССР и 20 тысяч бойцов и офицеров внутренних войск НКВД. Согласно составленного графика, операция по детатаризации Крыма длилась в течение 18-20 мая 1944 года. За данными Отдела спецпоселений НКВД в ноябре 1944 года в местах депортации оказалось 193.865 крымских татар, из них - в Узбекистане -151136, в Марийской АССР – 8597, в Казахской ССР – 4286, остальные были распределены в областях Российской Федерации [11].

Одновременно с выселением из Крыма татар, в соответствии с постановлением ГКО СССР № 5984/сс от 2 июня 1944 года подлежали выселению «немецкие пособники» с числа греков, армян и болгар. В течение нескольких июньских дней 1944 года органами НКВД было отправлено на спецпоселение в Гурьевскую (ныне Атырауская область Казахстана), Молотовскую, Свердловскую, Кемеровскую области и в Башкирскую АССР все семьи, проживающих в Крыму греков, армян и болгар в количестве 37 455 чел. (из них: греков – 16006 чел.; армян - 9 821; болгар 12628) [12].

На завершающем этапе Второй мировой войны и после ее окончания депортационная политика на территории западных областей Украины приобретает новые обороты. Ради ослабления национально-освободительного движения в Западной Украине советская власть обращается к проверенным временем карательным акциям против местного мирного населения, обвиняемого в пособничестве и сочувствии к Украинской повстанческой армии.

Импульсом к репрессивным мероприятиям касательно близких и родственников повстанцев послужило распоряжение наркома внутренних дел СССР Л. Берии № 7129 от 31 марта 1944 года, в котором заместителям наркома внутренних дел СССР И.Серову и С.Круглову, а также наркому внутренних дел УССР В.Рясному приказывалось: «Всех совершеннолетних членов семей осужденных оуновцев, а также активных повстанцев как

арестованных, так и убитых в столкновениях - ссылатъ в отдаленные районы Красноярского края, Омской, Новосибирской и Иркутской областей, а их имущество конфисковать, в соответствии с приказом НКВД СССР № 001552 от 10 декабря 1940 года» [13]. Опираясь на архивные документы ведомственного архива Министерства внутренних дел Украины, можно утверждать, что во время длительной операции (1944-1946 гг.) по «зачистке» западноукраинских земель от симпатиков ОУН и УП выселению были подвергнуты также лица, уклонившиеся от призыва в Красную армию. Согласно отчету заместителя I спецотдела НКВД УССР майора госбезопасности Резницкого на середину апреля 1945 года на комбинат «Карагандауголь» было направлено 4.793 «уклонистов» от срочной службы [14].

За данными отраслевого государственного архива СБУ в 1944-1946 годах с территории Западной Украины в отдаленные местности СССР было депортировано 14728 семей участников национально-освободительного движения в количестве 36608 человек [15]. Однако партийное руководство УССР требовало от силовых ведомств не останавливаться на достигнутом.

Наибольшая депортация населения из шести западных областей Украины состоялась в октябре 1947 года. Она вошла в историю под кодовым названием «Запад». Подготовка силовых ведомств к операции длилась два месяца, а реализация чекистских мероприятий всего один день - 21 октября 1947 года. Результаты наиболее массовой депортационной акции на территории Западной Украины были подведены в конце октября 1947 года. Министр внутренних дел СССР С. Круглов в письме на имя заместителя председателя Совета министров СССР Л. Берия докладывал об «изъятии» из западных областей Украины 26682 семей спецпереселенцев или 76.192 чел., в том числе мужчин - 18866, женщин - 35152, детей - 22174. Из них в принудительном порядке было направлено на предприятия угольной промышленности восточных районов СССР 21 380 семей (60814 чел.), в том числе на комбинат «Карагандауголь» - 8191 человек [16].

В то самое время, когда на Западной Украине с помощью депортационных акций советская власть боролась с Украинской повстанческой армией, в других 18 областях республики в послевоенный период на основании Указов Президиума Верховного Совета ССР от 21 февраля и 2 июня 1948 года происходило выселение в отдаленные районы Советского Союза

лиц, которые уклонялись от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и вели паразитический образ жизни. В информации заведующего административным отделом ЦК КПУ Н.Кузнецова и заведующего сектором административного отдела ЦК КПУ Опанасюка секретарю ЦК Компартии Украины А.Кириченку от 18 апреля 1956 года указывается, что в течение 1948 года с УССР в Казахскую, Карело-Финскую ССР, Бурят-Монгольскую и Якутскую АССР, Красноярский и Хабаровский края, Иркутскую, Кемеровскую, Молотовскую, Тюменскую и Читинскую области было выселено 9850 лиц, не отвечающие социально-политическому облику советского гражданина [17].

Административное выдворение различных категорий лиц из Украины в Казахстан продолжалось до конца 1940-х годов. 17 мая 1949 года политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение «О высылке греческих подданных, бывших греческих подданных, которые не имеют на настоящее время гражданства, и бывших греческих подданных, принятых в советское гражданство», в соответствии с которым Министерству госбезопасности СССР поручалось осуществить «зачистку» Черноморского побережья (Краснодарский край, Крымская, Херсонская, Николаевская, Одесская, Измаильская области), Грузинской ССР и Азербайджанской ССР от «политически неблагонадежного элемента» с отправкой на вечное поселение в Южно-Казахстанскую и Джамбульскую области Казахской ССР. Месяцем раньше (4 и 11 апреля 1949 года) Кремль принял подобное решение о высылке из Черноморского побережья, Грузии, Армении и Азербайджана турок и дашнаков.

Руководство операцией по выселению с Херсонской, Николаевской, Одесской, Измаильской областей и Крымского полуострова «враждебных лиц» было возложено на министра госбезопасности УССР генерал-лейтенанта С. Савченка и заместителя министра госбезопасности генерал-майора М.Попереку. Чекистские мероприятия по выявлению и учету подданных Турции и Греции, лиц без гражданства, турок и греков, которые получили советское гражданство, их последующая депортация с Украинского Причерноморья в Казахстан в период с 10 апреля по 9 июля 1949 года получила название - операция «Волна» [1, ф.1, оп.1, д. 41]. Как свидетельствуют архивные документы операция «Волна» началась в ночь с 5 на 6 июля 1949 года и была завершена на рассвете 6 июля. Всего с Одесской, Николаевской, Измаильской областей было выселено 300 греческих

и турецких семей, общей численностью 448 чел. (мужчин - 231; женщин - 172; детей - 45) [18].

Массовые депортации на украинских землях утихают за год до смерти диктатора И. Сталина, в 1952 году, а начало реабилитации депортированных лиц в Украинской ССР приходится на 1957-1958 годы.

Список использованных источников:

1 Отралевої державний архів Міністерства внутрішніх справ України. Колекція документів.

2 Бугай Н.Ф. Л. Берія — І. Сталіну: Згідно Вашого вказання... — М.: «АИРО-ХХ», 1995. — С. 11.

3 Деннингхаус В. В тени «Большого Брата»: Западные национальные меньшинства в СССР (1917–1938 гг.) / В. Деннингхаус; [пер. с нем. В. Деннингхауса; науч. ред. А.И. Савин]. — М., 2011. — С. 534.

4 Отраслевой державний архів Службы безопасности Украины. — Ф. 16. — Оп. 29. — Д. 11. — Л. 115.

5 Отраслевой державний архів Службы безопасности Украины. — Ф. 42. — Д. 38. — Л. 1-8,14-15,65-66.

6 Баран В.К., Токарський В.В. «Зачистка»: політичні репресії в західних областях України у 1939-1941 рр.- Л.: Ін-т українознавства ім. І. Крип'якевича НАН України. — С.292-293.

7 Баран В.К., Токарський В.В. «Зачистка»: політичні репресії в західних областях України у 1939-1941 рр.- Л.: Ін-т українознавства ім. І. Крип'якевича НАН України. — С. 303.

8 Земсков В.Н. Спецпоселенці (по документації НКВД-МВД ССРСР) // Соціологічні дослідження. — 1990. — №11. — С.8.

9 Отраслевой державний архів Службы безопасности Украины. — Ф. 68. — Д. 99. — Л.4.

10 Отраслевой державний архів Службы безопасности Украины. — Ф. 9. — Д.32. — Л.317.

11 Бекірова Г. Кримськотатарський національний рух в 50-60-ті роки: становлення, перші перемоги і зневіра // Кримські студії. — 2001. — №5-6. — С. 69.

12 Центральний державний архів громадських організацій України — Ф. 1. — Оп. 24. — Д.3614. — Л. 7-8.

13 Отраслевой державний архів Службы безопасности Украины. — Ф. 2. — Оп. 103. — Д.2. — Л.4.

14 Отраслевой государственный архив Министерства внутренних дел Украины. — Ф. 15 — Оп. 1. — Д.39. — Л.137.

15 Отраслевой государственный архив Службы безопасности Украины. — Ф. 2. — Оп. 103. — Д.2. — Л.1.

16 Депортації. Західні землі України кінця 30-х- початку 50-х рр. Документи, матеріали, спогади. У трьох томах. Т. 2. 1946-1947 рр. — Львів, 1998. — С. 287-289.

17 Центральный государственный архив общественных организаций Украины — Ф. 1. — Оп. 24. — Д.4307. — Л. 5-7.

18 Отраслевой государственный архив Службы безопасности Украины. — Ф. 2. — Оп. 52. — Д.3. — Л.7-12.

О.Г.Бажан

КЕҢЕСТЕР ОДАҒЫНЫҢ АРНАЙЫ ҚЫЗМЕТТЕРІНІҢ 1930-1940-ЖЫЛДАРЫ УКРАИНА ХАЛҚЫН ҚАЗАҚСТАНҒА ДЕПОРТАЦИЯЛАУЫ

Аңдатпа. Мақалада екінші дүниежүзілік соғыстың аяқталуы қарсаңында, сталиндік режим жүзеге асырған, Қырым жарты аралы мен материктік Украинадан әртүрлі әлеуметтік, этникалық топтарды қазақ жеріне жаппай депортациялаудың негізгі кезеңдері көрсетілген.

Түйінді сөздер: депортация, Украина, Қырым жарты аралы, Қазақстан, «Батыс» операциясы, «Толқын» операциясы.

O.G.Bazhan

DEPORTATIONS OF THE UKRANIAN POPULATION TO KAZAKHSTAN IN THE 1930s-1940s IN THE DOCUMENTS OF THE SOVIET SPECIAL SERVICES

Summary. The article examines the process of deportation of the clergymen of the Greek Catholic Church to the territory of Kazakhstan from Western Ukraine, identifies the main events that accompanied the prosecution of the GSC in Ukraine in accordance with the persecution of the church ministers. The author describes the peculiarities of the life of the deported Ukrainians, who retained their religious identity, according to the reminiscences of the special settlers.

Keywords: deportations, Ukraine, Crimean peninsula, Kazakhstan, operation "West," operation "Wave."

В.Я.Говера
Апостольский Делегат для греко-католиков в Казахстане и Средней
Азии
Караганда, Республика Казахстан
pokrovakaz@gmail.com

РЕЛИГИОЗНАЯ ЖИЗНЬ СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ В КАЗАХСТАНЕ

Аннотация. В статье рассматривается процесс депортации на территорию Казахстана из Западной Украины священнослужителей Греко-Католической Церкви, обозначены основные события, которые сопровождали процессы запрещения ГКЦ в Украине и сопутствующие этому процессы гонения церковных служителей. Автор по воспоминаниям спецпереселенцев описывает особенности жизни депортированных украинцев, сохранивших свою религиозную идентичность.

Ключевые слова: Греко-католическая церковь, спецпоселения, репрессии, депортация, религиозные обряды, религиозная жизнь, архивные документы.

17 сентября 1939 года, согласно пакту Рибентроппа-Молотова Западная Украина было присоединена к Украинской Советской Социалистической Республике. Наконец-то после многих веков разделения большая часть исторических украинских земель снова оказались в одном государстве. Но одновременно присоединенные территории быстро на себе ощутили особенности советского режима. Начались гонения, преследование по политическим и национальным признакам, массовые аресты, расстрелы и депортации. Быстрыми темпами насаждалась советизация с самых западных рубежей необъятной страны.

Уже с самого начала провозглашения советской власти в Западной Украине с 1939-1940 годов началось принудительное переселение целых семей в отдаленные части Советского Союза, в первую очередь в Сибирь и Казахстан. С наступлением Второй мировой войны, этот процесс временно приостанавливается, но после её окончания, в связи с продолжением военных действий в

Западной Украине, которые вела Украинская Повстанческая Армия, начинается процесс массовых депортаций жителей Галиции с формулировкой «депортировать как пособника банд ОУН и УПА». Начало массового принудительного переселения жителей Западной Украины в связи с действиями УПА начинаются в октябре 1947 года и продолжаются вплоть до 1953 года, года смерти Сталина. Согласно справке о количестве спецпереселенцев-украинцев по состоянию на 1 июля 1953 года было 175 013 человек, из них 39 192 человека это дети до 16 лет, сколько из них находилось на территории Казахстана, к сожалению неизвестно. Нужно констатировать, что работы в этом направлении сделано мало, т.к. необходим доступ к полным архивным материалам и работа специалистов, ученых-историков.

Выше были обозначена актуальность изучения данного вопроса, далее следует остановиться на религиозной жизни спецпереселенцев, которые проживали на территории Карагандинской области.

Большинство спецпереселенцев в Карагандинскую область были высланы с территории Западной Украины, нынешних Львовской, Ивано-Франковской и Тернопольской областей. В указанных областях прихожане в большинстве принадлежали Греко-Католической Церкви. В период присоединения Западной Украины к Советскому Союзу в 1939 году и 1945-1946 годов, следует остановиться на анализе событий связанных с ликвидацией Греко-Католической Церкви, так как это имело непосредственное отношение к религиозной жизни спецпереселенцев, хотя, безусловно среди спецпереселенцев высланных в Казахстан были представители различных конфессий: православные, баптисты, различного рода сектанты. В данной статье акцент будет сделан на греко-католиках, так как о них была собрана информации из воспоминаний бывших спецпереселенцев.

В 1939 году после прихода советской власти в Западную Украину, несмотря на заметное ограничение религиозной деятельности и репрессий по отношению к отдельным ревностным представителям Церкви, советская атеистическая машина изначально не трогала Греко-католическую Церковь, разрешая ей, хотя и ограниченно, но продолжать свое служение. После прихода советских властей в западную Украину в 1944 году начинается процесс давления на Церковь, разрабатывается план ликвидации Греко-Католической Церкви. Для реализации созданного плана в

начале 1945 года в прессе печатается статья, обвиняющая Греко-Католическую Церковь в сотрудничестве с нацистами, а уже в марте этого года НКВД арестовывает всех греко-католических епископов.

Одновременно с этим создается инициативная группа по соединению греко-католиков с Русской Православной Церковью. Для придания этому процессу легитимности в марте 1946 года во Львове собирается так-называемый псевдособор Греко-Католической Церкви, который ликвидирует решение Брестской Унии 1596 года и декларирует переход греко-католиков в православие.

Конечно, же, с церковной точки зрения данное мероприятие нельзя назвать церковным собором, так как на нём не присутствовал ни один законный епископ, потому что в это время все действующие епископы уже были арестованы и находились в тюрьме. С этого времени начинается преследование Греко-Католической Церкви. Все священники, отказавшиеся перейти в русское православие, арестовываются и отправляются в лагеря Сибири и Казахстана. Репрессиям подвержено около 70 % процентов всего духовенства, более 1 600 священников оказались в тюрьмах и лагерях Гулага.

На территории Казахстана в Карлаге, Кенгире, Спасске находилось несколько сотен греко-католических священников. Все они арестованные после 1946 года оставались в заключении вплоть до 1955 года. Только начиная с 1955 года, вместе с другими невинно осужденными, начался процесс освобождения священников из лагерей и тюрем.

Спецпереселенцы-украинцы греко-католики с 1947 года по 1955 год практически не имели доступа к своим священникам, поэтому они приспособивались удовлетворять свои духовные потребности в зависимости от обстоятельств и ситуации. Вопрос особенно остро стоял, когда необходимо было проводить обряд крещения, таинства венчания и др.. В тех поселениях, где была православная церковь, люди посещая православные храмы, там крестили своих детей, венчались. Но были и зафиксированы факты, когда переселенцы сами крестили детей или жили без венчания, надеясь в будущем встретить своего греко-католического священника.

Начиная с 1955 года из лагерей священников выпустили на свободу. Часть священнослужителей не уехали к себе на родину, а оставались в Казахстане, чтобы служить для своих земляков.

Согласно архивным документам в поселке Никольский, теперь город Сатпаев, Карагандинской области и в городе Джезказган в 1955 году служил греко-католический священник Куцах, в городе Караганде в поселке шахты №20 священник Редько, в поселке шахты №17 священник Шабан, посёлок станция Майкудук Александр Хира и с 1956 года священник Бендас. Все богослужения в тот период проводились нелегально в землянках прихожан.

В 1957 году была предпринята попытка организовать небольшую часовню на шахте №17 города Караганды в одной из землянок, в этой часовне служили отец Дмитрий Кузьминский и отец Алексей Зарицкий, но после непродолжительного времени своего существования, часовня была ликвидирована местными властями. Священники в большинстве случаев проводили богослужения в частных домах своих прихожан. На такие службы приглашались знакомые, соседи и родственники, которым доверяли и не боялись, что их предадут. На засекреченные богослужения приходило по несколько десятков человек. Такие богослужения проводились конспиративно, так как любая нелегальная деятельность священнослужителей пресекалась властями, а официально регистрировать католические религиозные объединения советские власти отказывались. Однако, не все спецпереселенцы знали о существовании и деятельности подпольных греко-католических священников на территории их спецпоселений.

Несмотря на официальное атеистическое направление в воспитании граждан в государстве, спецпереселенцы, которые были практически все воцерковлены, т.к. изучали религию в школе они пытались хранить свои религиозные традиции и обычаи. Ведь до 1939 года «Религия» была обязательным предметом школьной программы. Практически невозможно встретить среди людей поколения 1920-1940 гг. граждан, которые не были бы крещены или венчаны.

Гражданами всегда особо почитались такие христианские праздники как Рождество и Пасха. На Рождество организовывали вертеп (небольшая сценка о Рождестве Христовом), где переодетые участники ходили от дома к дому, колядовали и поздравляли друг

друга. Семьи собирались все вместе накануне Рождества на общий ужин - «святой вечер», ели кутью (специальное рождественское блюдо из вареной пшеницы с орехами и медом), вместе колядовали и радовались Рождению Божьего Сына. В каждой семье, как правило, пели колядку, которая называлась «Сумный святой вечер 47 года». Реальные истории из тяжелой жизни людей вошли в религиозный фольклор. Например, в вышеназванной песне говорилось, как семья садится за общий рождественский стол, и ребенок спрашивает маму, почему за столом нет отца, а мама отвечает, что отца нет потому, что он находится в далекой Сибири и не может с ними ужинать.

На Пасху также соблюдались все обряды и традиции, во всех домах пекли пасхальный хлеб, красили пасхальные яйца. Если была возможность, то шли или в православный храм на богослужение, или в частные дома, где служили подпольные греко-католические священники, иные праздновали сами дома. Так, например, в 1998 году с группой прихожан действующие священники, посещая украинские семьи в районе Новой Узенки в Караганде, отмечали, что практически в каждом доме была кутья, что говорит о том, что в течение всего этого времени с 1947 года были сохранены украинские традиции.

Священникам запрещали проводить нелегальные богослужения, их предупреждали, наказывали, штрафовали, вызывали на допросы в Комитет государственной безопасности СССР. Но, несмотря на все эти притеснения, они, официально работая на гражданских работах, в свободное время, часто ночью или рано-утром совершали богослужения в домах своих прихожан.

Некоторые священники работали коротко полгода или год и при первой же возможности возвращались в Украину. Но были и такие священники, которые оставались в Казахстане практически всю свою жизнь. Среди них можно отметить подпольного греко-католического епископа из Ужгорода Александра Хиру, служившего с 1957 по 1983 год, до своей смерти в Караганде, священников Васильян Николая Шабана и Стефана Пришляка, которые служили в Караганде с 1955-1956 годов до конца 80-х годов и только в 1988 и 1989 соответственно вернулись в пожилом возрасте в Украину. Священник о. Дмитрий Кузьминский, умер в Караганде в 1964 году. Блаженный священномученик Алексей Зарицкий, после освобождения из лагерей в 1955 году, продолжил свое священническое служение среди ссыльных украинцев и

немцев в Сибири и Казахстане. В 1962 году он был повторно арестован и осужден на 3 года тюрьмы и умер 30 октября 1963 года в поселке Долинка возле Караганды.

Начиная с 60-х годов многие священники стали возвращаться на историческую Родину в Украину. Они не всегда могли трудоустроиться, т.к. по требованию советских властей, надо было в течение суток покинуть территорию западной Украины, вернуться в Казахстан или переехать в восточную Украину: Донецкую, Кировоградскую, Луганскую и другие восточные области. Многим из священнослужителей, кто в силу различных обстоятельств не смог вернуться в Украину, все таки удалось сохранить свою религиозную и национальную идентичность. Более того, они смогли дожить до времени, когда в месте их когда-то принудительного переселения были построены греко-католические храмы и организована полноценная религиозная жизнь прихожан. Для многих депортированных украинцев Греко-Католическая Церковь заменила Родину, на которую они так и не смогли вернуться. В Церкви они могли молиться, разговаривать на родном украинском языке и чувствовать себя, как у себя дома, на далекой, но такой родной для них Украине.

В.Я.Говера

ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ АРНАЙЫ ЖЕР АУДАРЫЛҒАНДАРДЫҢ ДІНИ ӨМІРІ

Аңдатпа. Мақалада Грек-Католик шіркеуінің дін қызметкерлерінің Батыс Украинадан Қазақстан аумағына депортациялау процесі қарастырылып, Украинадағы ГКЦ-ның (МӘЖ-нің) тыйым салу процесімен қатар жүргізілген шіркеу қызметкерлерін қуғындауадың негізгі оқиғалары көрсетілген. Автор арнайы қоныс аударушылардың естеліктерімен өздерінің діни бірегейлігін сақтап қалған депортацияланған украиндердің өмірілерін сипаттайды.

Түйінді сөздер: грек-католик шіркеуі, арнайы қоныстар, репрессиялар, депортация, діни салт-жоралар, діни өмір, мұрағаттық құжаттар.

V.Ya.Hovera
RELIGIOUS LIFE OF THE SPECIAL SETTLERS IN
KAZAKHSTAN

Summary. The article examines the process of deportation of the clergymen of the Greek Catholic Church to the territory of Kazakhstan from Western Ukraine, identifies the main events that accompanied the prosecution of the GSC in Ukraine in accordance with the persecution of the church ministers. The author describes the peculiarities of the life of the deported Ukrainians, who retained their religious identity, according to the reminiscences of the special settlers.

Keywords: Greek Catholic Church, special settlements, deportation, repressions, religious customs, religious life, archive documents

УДК 81:0/9

С.А.Диканбаева
ЧУ Академия «Болашак»
Караганда, Республика Казахстан

ЛЕКСИКА ЛАГЕРНОЙ ПРОЗЫ: СОЦИАЛЬНЫЕ СИМВОЛЫ
ЛАГЕРНОЙ ЖИЗНИ.

Аннотация. Автором статьи рассмотрены особенности лексики произведений о ГУЛАГЕ. Автор указывает на происхождение термина «лагерная проза», на расхождение описаний труда политзаключенных в произведениях официальной литературы и в лагерной прозе, где активно используется лексика и термины политического дискурса эпохи строительства социализма и советского уголовного права, а также лексика ограниченного употребления (просторечия, жаргон, аргю).

Ключевые слова: лагерная проза, репрессии, жанры лагерной прозы, лексика лагерной прозы.

Значительное место в русской советской литературе занимает тема ГУЛАГа. В произведениях А. Солженицына, В.Шаламова, А.Горбатова, Г.Жжёнова, Е.Гинзбург, Б.Ширяева, Е.Федоровой и многих других описана жестокая драма жизни политических заключённых; есть книги, написанные в соавторстве членами одной семьи (например, Надежда Улановская, Майя Улановская «История одной семьи» и т.д.).

Эти трагические повествования созданы советскими и иностранными гражданами - также бывшими заключёнными, среди них были и коммунисты, которые эмигрировали в СССР как первую страну, строившую социализм: по освобождению из лагерей они стали независимыми от советского режима беспристрастными свидетелями. Люди разных профессий, потомки разных сословий дореволюционного русского общества, журналисты, христианские ученые и философы, православные священники, художники, генералы, путешественники, общественные деятели, потомственные дворяне, литературоведы, правозащитники, писатели, артисты. Их объединяет общее лагерное прошлое. Это жертвы репрессий, представители разных национальностей, конфессий, рабочие и крестьяне, участники войны, дети, женщины, старики - никто не был защищен от произвола властей.

Название «лагерная» использовал В. Шаламов в работе «О прозе», [8], с.153, где он определил темы таких произведений, как лагерный жизненный опыт, позднее это понятие оформилось в русской литературе как «лагерная проза» и стало использоваться для эпических произведений 50х-90х гг. XX в.

В официальной литературе и лагерной прозе изложение одних и тех же событий, которые имели место в один и тот же период истории в одной и той же советской стране, отличается взаимоисключающим содержанием.

В тридцатые годы под редакцией Максима Горького вышла коллективная монография 36-ти советских писателей, в ней воспевалось благотворное влияние труда на исправление преступников на строительстве Беломорско- Балтийского канала им. Сталина [3], «осуществленного по инициативе тов. Сталина под руководством ОГПУ». Восторженность авторов соответствует духу времени, что наглядно демонстрируется уже в лексике оглавления («правда социализма, враги, ГПУ, проект, инженеры, заключённые, чекисты, каналоармейцы, темпы и качество, добить классового врага, история одной перековки, имени Сталина, товарищи, первый опыт»). Завершается книга прославлением вождя, который превратил труд «в дело чести, доблести, славы», в «радостное содержание счастливой жизни»: «Принятая Государственным политуправлением исправительно-трудовая политика, сведенная в систему воспитания проповедью единой для всех спасительной правды социализма и воспитания общественно-полезным трудом — еще раз блестяще оправдала себя».

Главное управление лагерей - в 30-е годы изобретение В.Р.Менжинского, главы ОГПУ, писателя, одного из организаторов сталинских репрессий. Берия, Ежов и др. были практиками, организовавшими ГУЛАГ. «Бесстыдными» называет А. Солженицын формулировки прокурора Верховного Суда СССР А.Я. Вышинского о том, что "... успехи социализма оказывают свое волшебное влияние и на борьбу преступностью", само прилагательное «волшебное» несет значение нереального, выдуманного, сказочно прекрасного.

И. Авербах в книге, изданной под редакцией А.Вышинского [1], так охарактеризовала советскую исправтрудполитику - «превращение наиболее скверного людского материала в полноценных активных сознательных строителей социализма» [1], с.7.

Авторы произведений лагерной прозы называли этот период иначе. «Век-властелин, век-зверь, век-волкодав, век ночи и неправды» - это определение О. Мандельштама. Риторический вопрос задаёт В. Шаламов в «Колымских рассказах»: «Неужели эти пытки подарила мне моя земля? Неужели есть такая вина, чтобы человека подвергнуть такой казни - обесчеловечивания, превращения в зверя?»

Лагерная проза представлена следующими жанрами: документальный роман, рассказ, эпистолярный жанр (переписка), мемуары, что обуславливает её автобиографичность, документальность, простоту и лаконизм. Если литература, отображая жизнь, обращена к сознанию читателя и воздействует на него, то публицистика оказывает прямое воздействие на читающего. Этим объясняется обращение авторов к документально - публицистическому изложению.

Человек в лагерях переносит физические и нравственные страдания, необходимо приспособиться и уживаться со всем и всеми, одна мысль терзает его – где добыть еду. И так каждый день, на протяжении многих лет: борьба за физическое выживание, за сохранение в себе нравственности, противостояние уголовникам и давлению начальствующего состава, принуждающего к доносу. О любви сюжетов почти нет. Авторы – политические заключённые, свидетели, исследователи архивных документов попытались осмыслить катастрофу, участниками которой стали. Общее у этих произведений – тема жизни заключённых в условиях советской пенитенциарной системы (тюрьма, лагерь, зона); автобиографичность повествования;

историческая достоверность; авторская позиция; жизнь в двух противоположных плоскостях: материк как свободная жизнь и лагерь как отдельное существование, остров обреченных на муки как воплощение античеловечности.

Авторская позиция также выражена по-разному: если у А. Солженицына это трагическое восприятие и вместе с тем маленькие радости (Иван Денисович рад, что не наказали, сосед дал докурить окурков и т.д.), то у О. Волкова - прощение, у В. Шаламова - ожесточение, хотя и у него есть символический светлый образ - стланик, род кедра. Для писателя это дерево надежды, неприхотливое, стойкое северное растение, оно помогло автору выжить, не растерять свои идеалы в жестокой реальности.

Профессионал, историк - архивист Элен Каплан, директор Тургеневской библиотеки в Париже, составила список произведений по теме лагерной прозы [9]. Книги изданы в Софии, Нью-Йорке, Париже, Лондоне, Москве. Среди авторов С.Мельгунов, Б.Солоневич, Д.Руссе (ввел в язык французских СМИ термин ГУЛАГ), И.Д.Левин, Р.Конквест, П.Якир, П.Флоренский и другие.

Скорбное содержание определяется по лексике названий: красный террор, большой террор, концлагерь, ГУЛАГ, концентрационный мир, сталинские чистки, показания, Сибирь, детство в тюрьме, крестьяне-толстовцы, соловецкие письма, венец из колючей проволоки. Представлены советские реалии и топонимы: история одной зэчки, зекамерон XX века, архипелаг ГУЛАГ, Марийский лесоповал, Лубянка - Экибастуз – Голгофа; укрой, тайга; за решеткой и колючей проволокой, вагон, хранить вечно; Соловки: коммунистическая каторга или место пыток и смерти. Часто встречаются тематические слова: со значением «память» (М. Ильясова «Воспоминания», также названы книги И.Ковалева, В.Лисянского и др.), есть в названиях слова «дневники, свидание с памятью, незабытое, семейная хроника»; тема письма (М. Абрикина «Письма издалека», А.Радыгин «Послание на волю», «Письма русского путешественника»; тема вынужденной дороги (А.Амальрик «Нежеланное путешествие в Сибирь», другие авторы: «На трассе лежат дороги», «Дорога с пересидками», «Тропой верности», «Путешествие в страну зека»); прямые ссылки на статью закона, по которой было осуждено большинство невинных граждан – «58 ½» (В. Фрид. 58 ½ или записки лагерного придурка), уголовные дела (По материалам архивно-следственного дела №603) и др.

Труд заключённых использовался на стройках социализма в самых тяжёлых производствах, горнодобывающей промышленности и строительстве железнодорожных, водных трасс, в шахтах, на лесоповале, отсюда названия, содержащие топонимы: «солнечный Магадан», Карелия (лесоповал), Норильский комбинат, Североникель, Актюбинский (хром), Дзезказганский (медь) комбинаты, Волгострой (Угличская и Рыбинская гидроэлектростанции), Соликамск, Караганда (сельскохозяйственный лагерь, швейные производства в женских лагерях), Долинка, Юринский лесоповал Лагеря были выгодны власти как возможность использовать рабский труд осуждённых на стройках социализма и изолировать несогласных членов общества и ложно обвинённых, а на их примере держать в покорности свободное население.

Частотны аббревиатуры: ГУЛАГ, БАМлаг, трасса БАМа, Севвостлаг, АЛЖИР, ЧСИР, Белбалтлаг, ОсобЛАГ, ВятЛАГ, СЛОН (Соловецкий лагерь особого назначения), ВМН (высшая мера наказания), ИТЛ (исправительно – трудовые лагеря) и др.

Также используются сложные слова: исправительно – трудовые лагеря, исправительно-трудовая политика, общественно-полезный труд, лесоповал,

Волгострой, Беломор-канал, путешествие, исправтруд-политика, каналоармейцы (неологизм официальных советских писателей, так названы заключённые - строители Беломорско-Байкальского канала) [3], и др.

Лексика (словарный состав языка) отражает исторические реалии государства, его политику и экономику, науку, право и культуру, менталитет народа.

В тридцатые годы XX века в СССР сформировался лексический фонд, основной функцией которого было обеспечение политической сферы, это был язык социалистических лозунгов и репрессий, с употреблением оборотов и терминов официально-делового стиля из текстов декретов, приказов, постановлений правительства (лагеря, принудительные работы, ОГПУ, статья 58, контрреволюционные преступления, измена родине, особые совещания, террористические организации, вредительство, диверсии, цифровка, тройки, НКВД, процессы военных, троцкистов и т.п., кулаки, подкулачники, исправительно–трудовые лагеря, закон о трёх колосках, Шахтинское (и другие) дело, шпионаж, диверсии, саботаж, вредительство, антисоветская агитация, заговор, буржуазная литература, репрессии, колония строгого режима для

особо опасных преступников и т.д.). Это лексика официальных документов, приведём пример: оперативный приказ НКВД Союза СССР от 15 августа 1937 года №00486 «О начале репрессий в отношении жен изменников Родины, членов правотроцкистских и диверсионных организаций, осужденных Военной Коллегией и Военной тройкой по I и II категориям» (выделено мною). В приказах использовались специальные термины, например «окраска», для обозначения контрреволюционных преступлений по классификации националистические, диверсионно-вредительские, фашистско-шпионские, панисламистские и др., арестованных членов политических партий обвиняли по окраске как эсеров, сионистов, алашординцев и т.п. Подобные термины применялись для нормативного обеспечения государственного террора против собственных граждан, в приказах и распоряжениях НКВД подробно указано, каким должен быть ход операций по аресту граждан разной «политической окраски», социального статуса и национальности.

Широко употребляются лозунги: зодчий, ведет к победе коммунизма, от победы к победе, вождь, первый ученик Ленина, отец народов (о Сталине), «Труд есть дело чести, дело славы, дело доблести и геройства» и др; бюрократы, лжекоммунисты и т.д.; употребляются слова и выражения из газет (политические бандиты, двурушники, социальный процесс; в 50-х годах - сироты 37 года, космополиты, железный занавес, холодная война и т.д.). В официальной литературе прославляется пролетарская диктатура, частотны выражения «сказочная деятельность масс, культурная революция, волшебное влияние» на преступность успехов строительства социализма, исправтрудполитика, продразверстка» и др.; о чекисте Ягоде – «скромность, государственный, социалистически полезный труд».

В лагерной литературе также представлена общественно-политическая жизнь 30-50-х годов XXв., в которой получила широкое распространение лексика уголовного права, протокола и приговора и лексика ограниченного употребления, обычно не используемая в книжной речи – просторечная, жаргонная, аргю.

Употребляются иноязычные слова «лагерь, диверсия, шпионаж, пролетарский, интернационализм, социализм, контрреволюционные элементы» и т.д.

Минимально использование средств художественной выразительности, к примеру, встречаются метафоры на библейские

мотивы: о лагере – Голгофа, ад, венец из колючей проволоки; «Зекамерон» (название книги [5], автор – австриец, отбывавший срок в Колымском лагере, находит юмористические стороны в лагерной жизни, юмор использован как средство выживания, окказионализм «зекамерон» образован по аналогии с «Декамерон» Дж.Боккаччо, противопоставляет эпоху Возрождения и жестокость XX века).

Контингент заключенных лагерей представлен разными социальными слоями. Уголовники, которые содержались вместе с политзаключёнными, занимали особое положение, начальство лагерей относилось к ним как к классово близким, в отличие от чуждых «врагов народа». В зонах на протяжении десятилетий сложился новый жаргон, сформированный под влиянием лексики и фразеологии воровского аргота как порождение лагерного речевого коллектива. Лагерный жаргон стал языком не только уголовных преступников, но и интеллигентов и рабочих, находившихся в заключении, лексика лагерного жаргона социальна и политизирована, отражает жизненные реалии того времени.

Лагерный жаргон употребляется в обществе и в наше время, видоизменяясь в соответствии с современными условиями, корни этого явления - в прошлом реальной жизни советского общества и в экспрессивности жаргона.

В лагерной прозе наблюдаются многочисленные факты использования аргота. Это названия бандитов и воров (урки, уркаганы, блатные, воры, карманник, щипач, кант - временно отдыхающий, исполняет лёгкую работу; придурки, наблюдатель - те, кто выполняет лёгкую работу - дневальные, десятник); названия лагерного начальства (кум), сокамерника (кент); названия по выполняемой функции (кивалы - народные заседатели); названия помещений (Индия - бараки и камеры закоренелых профессиональных уголовников); названия действий (хорошо исполняет – о ловком шулере, припухает, припух на сегодня – отдыхает весь день; стучать - доносить; понт - показуха, делать напоказ; шмон - обыск); названия напитков, посуды (железная миска – шлёнка, крепкий чай-чифирь) и т.д.

Аргот отражает особенности мышления его носителей. Словообразование в лексике лагерной прозы строится согласно правилам литературного языка, преобладает аффиксация (фарцовщик, придурки), сложение основ, создание аббревиатур (ВОР - великий вождь Октябрьской революции, циничное

переосмысление советского лозунга). Арготическая лексика отличается экспрессивностью, это порождение лагерного контингента, вынужденного сосуществования с уголовным миром, неизбежный результат репрессий и неотъемлемый атрибут жизни зоны.

В рассматриваемых текстах языковые средства выполняют функции социальных символов лагерной жизни, приведем примеры:

- лагерь: зона, спецзона, вышки, колючая проволока, фонари, номера зеков (Щ-854 - первоначальное название рассказа «Один день Ивана Денисовича»);

- труд (антогонистическое официальным источникам содержание понятия). Если социалистический труд - труд радостный, полный энтузиазма, труд на благо общества, тунеядцы и лентяи подвергаются осмеянию, то труд заключённых рабский, принудительный, синоним пыток, унижений и смерти, люди часто используются как тягловый рабочий скот: «В лагере не говорят: «водили на работу» или «ходили на работу», а говорят: «выгнали, выгоняли, гоняли на работу». Так и так говорят все – и начальство, и сами «з/к», работу ненавидели» [8], с. 480;

- заключенные: з/к, зеки, зечки, туземцы, арестанты, Щ-854, каторжанки, уклонисты, кулацкая угроза, опасность справа, правый уклон, шпион, каналоармейцы;

- правила поведения: шаг влево, шаг вправо - расстрел, ходили колонной под охраной, под конвоем;

- болезни: туберкулёз, малярия, дистрофия и др.;

- транспорт: чёрный ворон, вагон, воронок;

- детские учреждения: деточаги, детприёмники, детплощадка, дома ребёнка, ремесленные училища (для детей заключённых), трудовые колонии для несовершеннолетних, заключённые - малолетки, детская исправительная колония – тюрьма;

- помещения для осуждённых: барак, штрафной изолятор, нары, шконка,

- еда, питьё, посуда: пайка, баланда, чифирь, миска, шлёнка - металлическая миска;

- начальственные должностные лица: вертухай (надсмотрщик, вертухай - это человек, который постоянно вращает, трясет ключами) [10], десятник, бригадир, вольные, конвой, конвоиры, надзиратель, помначкар, РУР (рота усиленного режима), ШИЗО (штрафной изолятор);

- официальная лексика: построение социализма в одной отдельно взятой стране, чистка, исправтрудполитика, шифровка, шпион, индустриализация, Конституция, коллективизация, коллаборационизм (обвинение депортированных народов), контрреволюционная деятельность, нарком внутренних дел, особое совещание, ВМН, перековка человека, буржуазные специалисты, красные директора, красная интеллигенция, трудовые книжки (введены с 1932г.), система прописки и др.;

- образ врага: сопротивление линии партии, уклонисты, заговор, классово чуждые элементы, враждебные элементы, буржуазные националисты, сионисты, троцкисты, шпионаж, саботаж, фракционер, антисоветский и т.д.

Лексика лагерной прозы отражает исторические реалии жизни советского общества 30-50х гг. XX века, с широким распространением лексики политического дискурса эпохи строительства социализма и советского уголовного права, а также лексики ограниченного употребления (просторечий, жаргона и аргю).

Список использованных источников:

1 Авербах И.. *От преступления к труду.* //Новый мир.1989. №8.с.7 (С.Залыгин. Вступительная статья).

2 *Автобиографическая проза / сост. подгот. текста, прим. И. Сиротинской.* – М.: ТЕРРА- Книжный клуб, 2005. – 640 с.С.480

3 Горький М., Авербах Л., Фирина С. *Беломорско-Балтийский канал имени Сталина. История строительства. 1931 - 1934 гг.* Москва: ОГИЗ. 1998г.

4 *Виноградов В.В. Язык художественной прозы.- М., 1980*

5 *Кресс Вернон. Зекамерон XX века.*

6 *Крысин Л.П.. О русском языке наших дней. (Изменяющийся языковой мир).* Пермь, 2002г.

7 *Старикова С.. Культурный концепт «Социалистический труд» и его наполнение в лагерной прозе второй половины XX века (В. Шаламов, С. Довлатов, В. Максимов).* Вестник КемГУ 2014 № 1 (57) Т. 2С.167-172

8 *Шаламов В.Т. [О Колыме] // Шаламов В.Т. Собрание сочинений: в 6 т. – Т. 4: Автобиографическая проза / сост. подгот. текста, прим. И. Сиротинской.* – М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2005. – 640 с.

Электронные ресурсы.

9 Список Элен Каплан. <http://urokiistorii.ru/node/52717>.

10 Слово «вертухай». <http://fb.ru/article/299458/vertuhay---eto-kto-otkuda-poyavilos-slovo-i-chto-ono-oznachaet>

С.А.Диқанбаева

ЛАГЕРЬ ПРОЗАСЫНЫҢ ЛЕКСИКАСЫ: ЛАГЕРЬ ӨМІРІНІҢ ӘЛЕУМЕТТІК СИМВОЛЫ

***Аңдатпа.** Мақала авторы ГУЛАГ туралы шығармалардың лексикалық ерекшеліктерін қарастырады. Автор «лагерь прозасы» терминінің шығу тегін, саяси тұтқындар еңбектерінің сипаттамасы, ресми әдебиет шығармалары мен лагерь прозасы арасындағы ашақтықты, саяси дискурстың терминдері мен лексикасы белсенді қолданылатын социалистік құрылыс дәуірі мен кеңестік қылмыстық құқық, сонымен қатар шектеулі қолданыстағы лексиканы (ауызекі сөз, жаргон, арго) анықтайды*

***Түйінді сөздер:** лагерь прозасы, қуғын-сүргін, лагерь прозасы жанрлары, лагерь прозасының лексикасы.*

S.A.Dikanbayeva

LEXIS OF CAMP PROSE: SOCIAL SYMBOLS OF CAMP LIFE.

***Abstract.** The author of the article considers the peculiarities of lexis of works on the Gulag. The author points to the origin of the term "camp prose," to the discrepancy between the descriptions of the labor of political prisoners in the works of official literature and in the camp prose, where the vocabulary and terms of the political discourse of the era of building socialism and Soviet criminal law are actively used, as well as the vocabulary of limited use (vernacular, argo).*

***Keywords:** camp prose, repression, genres of camp prose, lexis of camp prose.*

Єремєєва К.А.

Український державний університет залізничного транспорту

Харків, Україна

Eremeevaea@gmail.com

НЕЗРУЧНА ТЕМА: КРИМСЬКІ ТАТАРИ ТА ІНШІ ДЕПОРТОВАНІ НАРОДИ В РАДЯНСЬКІЙ ЕТНОГРАФІЇ

***Анотація.** В дослідженні розглядається відображення долі кримських татар та інших депортованих народів в журналі «Радянська етнографія». Виявлена динаміка частоти пригадування депортованих народів в цьому виданні. Досліджені механізми обминання теми насильницького переміщення народів. Порівняно висвітлення долі кримських татар та інших депортованих народів. Встановлено, що протягом радянського періоду депортовані народи найчастіше з'являлись в контексті історичних нарисів, або оглядів дореволюційних етнографічних досліджень. Інколи етнонім «кримські татари» підміняли узагальнюючим поняттям «татари». Виявлено, що в період перебудови відбулось повернення кримських татар та інших депортованих народів до наукового дискурсу, так само як і факту їхньої депортації.*

***Ключові слова:** депортація, «Радянська етнографія», науковий дискурс, кримські татари, контент-аналіз, заборонені теми, контекст, історичні нариси.*

Невід'ємною частиною будь-якої культури завжди були заборони [2]. Вони формували, в тому числі кордони наукових дисциплін [15, с. 55]. Табуйовані теми стали невід'ємним фактором формування офіційного дискурсу в радянському суспільстві. Велика кількість тем, які неможна було обговорювати, була ознакою проникнення офіційної ідеології в усі сфери життя радянських громадян, через що Питер Кенез назвав СРСР пропагандистською державою [26]. В повсякденні радянські громадяни знаходили засоби піднімати заборонені теми [26, с. 164], втім в офіційному дискурсі табуйовані питання зазвичай просто обходили.

Особливо багато таких заборонених тем походило з періоду сталінізму. Наприклад: Голодомор 1932-1933 рр.[5], доля іноземних військовополонених в Радянському Союзі [18, с. 159], тощо. Серед них також – депортація та подальша доля таких народів, як кримські татари, українці, німці, поляки, чеченці та інш. [10]. Втім, в деяких випадках обійти цю тему було доволі важко.

Одним з приводів вимушеної актуалізації теми депортованих народів були, наприклад, енциклопедичні словники, які мали охоплювати ряд понять, що відтворювали загальне знання про конструйовану реальність. Але й в цьому випадку заборонені об'єкти «випадали» з цієї реальності. Наприклад, у Великій радянській енциклопедії стаття «Кримські татари» взагалі відсутня. Але є стаття про кримськотатарську мову [14]. В ній зазначається, що це «мова татар, які мешкали до 1944 року в Криму й живуть в основному на території Узбецької РСР. Отже, ми бачимо механізм обходу теми депортації тоді, коли її оминати тяжко. По-перше, можна не пояснювати з яких причин кримські татари опинились в основному на території Радянського Узбекистану. По-друге, робився акцент на тому, що «кримськими» татар робило їхнє перебування на території Кримського півострову. Опинившись на території Узбекистану, вони стали просто татарами, які колись мешкали в іншому місці.

Етнографічні дослідження ставали ще одним контекстом, коли депортовані народи мали потрапляти в поле зору вчених. Виникає кілька питань, пов'язаних із цією проблемою. Чи досліджувались депортовані народи вченими-етнографами? В контексті яких дослідницьких завдань вони пригадувались? Яким чином оминалась тема депортації? Для вирішення поставлених питань ми проаналізували публікації одного з провідних радянських наукових журналів «Радянська етнографія», який виходив з 1926 року (до 1932 року під назвою «Етнографія»). Для виявлення всіх випадків пригадування депортованих народів в журналі, була використана програма для контент-аналізу MAXQUADA10. Окрім частоти пригадування певних категорій в тексті, дана програма дозволяє встановлювати контексти, в яких з'являлись депортовані народи, зв'язок між поняттями, тощо.

Більшість дослідників, вивчаючих історіографію досліджень кримських татар зазначає, що після насильницького переміщення цього етносу, його вивчення завмерло [20, с. 102; 24, с. 11]. Проведений контент-аналіз показав, що протягом періоду

сталінізму в «Радянській етнографії» після 1944 року, депортовані народи практично не згадувались. Наприклад, кримські татари з'являлись лише в назві публікації Б. Куфтїна 1926 року, на яку посилались в контексті дослідження жител корінного населення Молдавської СРСР. При цьому, в самому тексті кримські татари жодним чином не пригадуються, а будівлі, про які писав Б. Куфтін, називаються будівлями Лівобережжя [19, с. 217].

Наступним контекстом пригадування кримських татар протягом періоду сталінізму були історичні нариси, в яких мова йшла про Кримське ханство, стосунки українського та кримськотатарського населення чи порівняння традиційної культури різних народів. Наприклад, В. Момонов в своєму дослідженні, порівнюючи українські традиційні землеробські знаряддя праці з білоруськими, російськими та інш. аналогами, побіжно наводить малюнок кримськотатарського сабану [16, с. 86]. Дуже схожим контекстом були розповіді про ранню російську етнографію. Наприклад, в публікації 1952 року кримські татари з'являються в наведеній цитаті дипломата XV-XVI ст. Д. Герасимова, який залишив по собі етнографічний нарис, в тому числі о тюркських народах. Отже, історичне «додепортаційне» минуле кримських татар було майже єдиним дозволеним контекстом, в якому на науковому рівні зрідка відбувалось пригадування окремих фактів про цей народ.

Інші депортовані народи також стали табуованою темою в журналі. Наприклад, німці, які мешкали на території СРСР в період сталінізму взагалі не пригадувались. Єдиними випадками, коли дослідники говорили про щось німецьке, була агресія фашистських загарбників у 1941-1945 роках [22, с. 174] або цитування «Німецької ідеології» К. Маркса та Ф. Енгельса. Подібне виключення німецького населення СРСР з наукового дискурсу можна пояснити поєднанням табуованої теми депортації німців та утвердження міфу про Велику Вітчизняну війну як про друге народження СРСР, що, в свою чергу, супроводжувалось використанням в пропаганді образу ворога з німецьким обличчям. Інший депортований народ, чеченці, в період сталінізму мали таку ж долю в журналі «Радянська етнографія», що й кримські татари: чеченці з'являлись здебільшого в контексті історичних нарисів. Втім, якщо кримські татари згадувались лише побіжно, то чеченцям присвячували цілі підрозділи наукових публікацій, як, наприклад, в статті М. О. Косвена, присвяченої шлюбно-сімейним стосункам

Кавказу [12]. Можливою причиною такої різниці могло бути те, що кримських татар було депортовано з колись окупованої території. Окупація створила умови, в яких частина територій вийшла з-під зони радянського ідеологічного впливу, існували випадки колабораціонізму, зменшення лояльності до радянської влади, тощо [6]. Схильність радянської ідеології до генералізації ставила під підозру мало не все населення, яке перебувало на окупованих територіях. Тому, можливо, кримські татари підпали під особливу опалу й цілковите замовчування в офіційному дискурсі.

Тенденція не пригадувати сучасних кримських татар зберігалась й протягом 1950-1980-х років. Історична нариси та джерела залишались одним з прийнятних контекстів, коли цей народ потрапляв до наукових етнографічних публікацій. Так, наприклад, Г.Г. Громов, який досліджував давні етнографічні візуальні джерела, описує зображення кримських татар, вміщене у рукописній збірці XVII ст. [8, с. 136-137].

Шукати шляхи обминання «незручної теми» депортованих народів, в тому числі й кримських татар, доводилось передусім дослідникам Далекого Сходу та Сибіру. Наприклад, Н. А. Томілов, намагаючись показати складність етнічних процесів цих регіонів, говорить, що «Сучасне населення Західного Сибіру складалось протягом тривалого часу; до нього увійшли як корінні мешканці та і колишні жителі Європейської частини Росії, так і більш пізні переселенці із різних кутків нашої країни» [23, с. 12]. Таким чином, словом «переселенці» автор об'єднав різні групи населення, в тому числі депортовані народи, та етноси які з інших причин розселялись Західним Сибіром.

Іншим засобом оминати тему депортації кримських татар було їхнє змішання із татарами, які здавна могли населяти ці регіони. В цьому випадку ймовірних кримських татар називали просто татарами. Наприклад, в статті про двомовність мешканців багатьох радянських республік, зазначається, що в Узбекистані як другу мову часто обирають татарську [3, с. 24]. Втім, хто це робить не вказується: чи татари, які могли мешкати тут раніше, чи депортовані кримські татари. До речі, дослідження двомовності радянських громадян були контекстом пригадування не тільки депортованих кримських татар (або просто татар, як їх називали), а й українців, німців, поляків, які чомусь опинились на території Казахстану, Узбекистану, Алтайського краю та інш. регіонів.

Ще одним контекстом, в якому з'являлись депортовані народи, були міжнаціональні стосунки. Наприклад, в статті, В.Л.Хомича констатується, що більшість республік в СРСР є багатонаціональними [25, с. 82]. Це, а також відсутність національних антагонізмів, взаємозбагачення культур різних народів та їхня спільна праця сприяє зміні або втраті національної самосвідомості. Як приклад автор наводить національний склад Узбецької РСР, до якої входили й представники депортованих народів (татари, українці, німці, поляки та інш.). Але серед причин, чому республіка стала такою багатонаціональною, автор, звісно, не називає насильницькі переміщення цілих народів.

Протягом 1960-1980-х років, на відміну від періоду сталінізму, сучасні кримські татари інколи згадувались. Наприклад, в статті С. І. Брука та В. І. Козлова наведена таблиця, в якій кримські татари визначаються як одна з груп татарського народу. Окрім цього, наприкінці свого дослідження автори закликають дослідників звернути особливу увагу на сучасних татар, адже до їхнього складу «включають багато тюркомовних груп, розселених на величезній відстані одне від одної й які відрізняються мовою, культурою та походженням» [4, с. 15]. Враховуючи те, що доля кримських татар СРСР ретельно замовчувалась, цей незначущий випадок можна кваліфікувати як майже унікальний для «Радянської етнографії».

Набагато краще складалась ситуація протягом зазначеного періоду із іншими депортованими народам СРСР. Наприклад, після періоду сталінізму, етнографи повертаються до дослідження німців. Найчастіше об'єктом дослідження ставали німці, які мешкали, наприклад, в Закарпатті [7] або в НДР. Достатньо часто з'являлись в контексті історичних нарисів (наприклад – німецькі колоністи в Азербайджані [9, с. 69]). Втім, на сторінках «Радянської етнографії» розповідали, наприклад, про експедиції, присвячені дослідженню німецько-російських та польсько-російських культурних зв'язків Сибіру [11]. Окрім німців та поляків, наприклад, достатньо часто досліджувались колись депортовані народи Північного Кавказу, звісно без пригадування їхньої насильницького переміщення. Наприклад, в 1961 році в статті «Ленінським переможним шляхом» розкривався процес входження в 1936 році Чечено-Інгушської автономної області до РСФСР на правах автономної республіки, отримання її населенням перспектив світлого майбутнього, які були перекреслені нападом гітлерівської армії [17, с. 15]. Щоправда поруч із вказівками на героїзм народу Північного Кавказу під час

війни та післявоєнної відбудови, відсутня інформація про депортацію, наприклад, чеченців в 1944 році та скасуванні Чечено-Інгушської АРСР.

Політика гласності в період перебудови сприяла актуалізації колись табуйованих тем в суспільному дискурсі. Це можна побачити на прикладі використання поняття «депортація» в «Радянській етнографії». Так, до кінця 1980-років, це поняття використовувалось лише для характеристики «злочинної політики» зовнішніх ворогів СРСР (наприклад – депортація арабів з Гази у 1971 році [21, с. 60]). Наприкінці періоду перебудови поняття депортації почало застосовуватись до насильницького переміщення радянських народів. Для обговорення цього питання та подальшого його вирішення збирались конференції, огляди яких вміщувались в «Радянській етнографії» [13, с. 18]. Наприклад, в 1989 році була зібрана така конференція за участі громадських діячів, вчених-тюркознавців, українських істориків, які із доповідями про українсько-татарські відносини в Криму (наприклад – Я. Р. Дашкевич). Проведення такої конференції немов легалізувалось активним його обговоренням в пресі та громадськими організаціями, про що було сказано на початку огляду заходу. Судячи з цього, науковці, нажаль, не виявляли ініціативу у вирішенні цього болісного питання через роки вимушеного його замовчування. Втім, відтепер на науковому рівні лунали поняття справедливості, права народу на національно-територіальну автономію. Зазначалось, що це питання «нарешті» почали обговорювати, що кримські татари були позбавлені своєї культури й немає в СРСР жодного етнографа, який б їх вивчав [1, с. 134]. Так само почали говорити про депортацію й інших народів (німців, інгушей, поляків, українців та інш.). Поруч із раніше забороненими словами почали лунаати такі поняття як «етнічний плюралізм».

Таким чином, депортація кримських татар та інших народів в СРСР була табуйованою темою. Радянським етнографам інколи доводилось стикатись із цією проблемою, коли досліджувались міжетнічні стосунки в Радянському Союзі (особливо в Сибіру), міжетнічні шлюби, двомовність, строкатий етнічний склад деяких республік. Втім, навіть в цьому випадку науковці замовчували тему депортації та не намагались пояснити причини, наприклад, значного відсотку татар, німців чи українців в Узбекистані. Ще одним засобом оминати факт депортації кримських татар було їхнє

змішання із іншими татарами. Найчастіше депортовані народи з'являлись на сторінках «Радянської етнографії» в контексті свого додепортаційного минулого. Саме кримські татари найбільше потерпали від ігнорування в офіційній етнографії протягом періоду сталінізму та стали предметом найбільш активних обговорень наприкінці перебудови. Активне замовчування фактів про кримських татар могло бути через підозріле ставлення в радянській історичній пам'яті до населення, яке перебувало під нацистською окупацією.

Список використаних джерел:

1 Анчабадзе Ю.Д. Всесоюзная научная сессия по итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1988-1989 гг. Учреждение советской этнографической и антропологической ассоциации // Советская этнография. – 1990, №6, С. 128-156.

2 Богданов К. Запрет как культурный механизм // Новое литературное обозрение. – 2013, №1, С. 51-52.

3 Брук С.И., Грубогло М.Н. Двухязычие и сближение наций в СССР (по материалам переписи населения 1970 г.) // Советская этнография. – 1975, №4, С. 18-32.

4 Брук С.И., Козлов В.И. Этнографическая наука и перепись населения 1970 года // Советская этнография. – 1967, №6, С. 3-20.

5 Голод 1932-1933 років на Україні: очима істориків, мовою документів. – К., 1990.

6 Гриневич В. Між війни та війна мітів // Критика. – 2005, № 5,

http://ukrcenter.com/!FilesRepository/Literature%5C_Upload3/54de1803-eca7-484d-9725-9e4bc048fd5a.pdf.

7 Гроздова И.Н., Филимонова Т.Д. Венгры и немцы советского Закарпатья (по материалам полевых исследований 1968-1969 гг.) // Советская этнография. – 1970, № 1, С. 135-143.

8 Громов Г.Г. Древнейшие в России этнографические рисунки // Советская этнография. – 1965, №5, С. 134-139.

9 Джавадов Г.Д. Орудия боронования в Азербайджане (XIX – начало XX века) // Советская этнография. – 1977, №4, С. 68-78.

10 Зінченко Ю.І. Кримсько-татарська проблема: історія та сучасність (до 60-річчя депортації); Кривицька О. Конфліктний вимір етнонаціонального розвитку України.

11 Коротко об експедиціях // Советская этнография. – 1973, №5, С. 154-157.

12 Косвен М.О. *Очерки по этнографии Кавказа* // Советская этнография. – 1946, №2, С. 111-144.

13 Крупник М. И., Мастюгина Т. М., Носенко Е. Є. *Заседание секции социологии национально-политических отношений по проблеме будущего национального устройства Крыма* // Советская этнография. – 1989, №3, С. 18-28.

14 Крымско-татарский язык // Большая советская энциклопедия. <http://bse.sci-lib.com/article066814.html>

15 Малинов А.В., Троицкий С.А. *Русская философия под запретом (к 90-летию «Философского парохода»)* // Новое литературное обозрение. – 2013, №1, С. 53-66

16 Мамонов В.С. *Старинные орудия обработки почвы из с. Старолесье на Днепре* // Советская этнография. – 1952, №4, С. 67-90.

17 *По ленинскому победному пути (к 40-летию советских республик Кавказа)* // Советская этнография. – 1961, №1, С. 3-19.

18 Потильчак О. *Інтерновані японці в радянських таборах для військовополонених (1945-1956): історіографія проблеми*, С. 158-170.

19 Салманович М.Я. *Жилище коренного населения Молдавской ССР* // Советская этнография. – 1947. – 4, С. 209-233.

20 Соболева О.С. *Висвітлення весільної обрядовості кримських татар* // Етнічна історія народів Європи. – 2007, С. 99-104;

21 Теплинский Л.Б. *Расизм в политике израильских сионистов* // Советская этнография. – 1972, №3, С. 55-65.

22 Терентьева Л. *Дружба русского и эстонского народов по данным этнографии и истории (выставка в музее народного быта в Эстонской ССР)* // Советская этнография. – 1951, №3, С. 174-178.

23 Томилов Н.А. *Современные этнические процессы в южной и средней полосе Западной Сибири*. – 1978, №4, С. 9-21.

24 Узунова Л.В. *Відродження традиційних свят та обрядів в сучасних умовах культурного життя Криму. Автореф. дисерт. канд. мистецтвознавства*. – К., 2003, 25 с.

25 Хомич В.Л. *О содержании понятия «этнические процессы»* // Советская этнография. – 1969, №5, С. 79-87.

26 Шліхта Н. *Історія радянського суспільства: Курс лекцій*. – 2-е вид., переробл. і доп. / Н. Шліхта. – Харків: Акта, 2015, 252 с.

27 Kenez P. *The Birth of the Propaganda State: Soviet Methods of Mass Mobilization, 1917-1929* / P. Kenez. – Cambridge and NY: Cambridge University Press, 1985, 324 p.

К.А.Еремеева
ҚОЛАЙСЫЗ ТАҚЫРЫП: КЕҢЕСТІК ЭТНОГРАФИЯДА
ҚЫРЫМ ТАТАРЛАРЫ ЖӘНЕ БАСҚА
ДЕПОРТАЦИЯЛАНҒАН ХАЛЫҚТАР

Аңдатпа. Зерттеуде Қырым татарлары мен басқа да жер аударылған халықтардың «Кеңестік этнография» журналы беттерінде пайда болу жағдайлары қарастырады. Бұл басылымда депортацияланған халықтар еске алу жиілігінің динамикасы анықталады. Халықтарды мәжбүрлеп ауыстыру тақырыбын айналып өту механизмдері зерттеледі. Кеңестік кезеңде, жер аударылған халықтар тарихи очерктер немесе революцияға дейінгі этнографиялық зерттеулерді шолу тұрғысында контексте айтылып келгендігі анықталған. Кейде сөз «Қырым татарлары» этнонимі жалпылама «татарлар» қымымен алмастырылған. Қырым татарлары және басқа да жер аударылған халықтардың тағдыры салыстырыла көрсетілген. Ол қайта құру кезеңінде Қырым татарлары және басқа да депортацияланған халықтарды ғылыми дискурста, сондай-ақ олардың депортациялану фактісін қайтару мәселелері анықталады.

Түйінді сөздер: депортациялау, «кеңес этнографиясы», ғылыми дискурс, Қырым татарлары, мазмұнды талдау, тыйым салынған тақырыптар, контекст, тарихи очерктер.

К.А.Еремеева
НЕУДОБНАЯ ТЕМА: КРЫМСКИЕ ТАТАРЫ И ДРУГИЕ
ДЕПОРТИРОВАННЫЕ НАРОДЫ В СОВЕТСКОЙ
ЭТНОГРАФИИ

Аннотация. В исследовании рассматриваются случаи появления крымских татар и других депортированных народов на страницах журнала «Советская этнография». Выявлена динамика частоты упоминания депортированных народов в этом издании. Исследованы механизмы обхода темы насильственного перемещения народов. Установлено, что в течение советского периода, чаще всего депортированные народы появлялись в контексте исторических очерков или обзоров дореволюционных этнографических исследований. Иногда этноним «крымские татары» подменяли обобщающим понятием «татары». Было проведено сравнение освещения судьбы крымских татар и других депортированных народов. Установлено, что в период перестройки состоялось возвращение крымских татар и других депортированных народов в научный дискурс, так же, как и факт их депортации.

Ключевые слова: депортация, «Советская этнография», научный дискурс, крымские татары, контент-анализ, запретные темы, контекст, исторические очерки.

К.А.Yeremieieva
AN UNCOMFORTABLE TOPIC: CRIMEAN TATARS AND
OTHER DEPORTED PEOPLE IN THE SOVIET
ETHNOGRAPHY

Annotation. The study deals with the occurrence of Crimean Tatars and other deported people in the pages of the magazine "Soviet Ethnography." This edition reveals the dynamics of the frequency of mentioning of the deported peoples and explores the mechanisms for circumventing the topic of the forced displacement of peoples. According to the article, during the Soviet period, deported peoples most often appeared in the context of historical essays or surveys of pre-revolutionary ethnographic studies. Sometimes the ethnonym "Crimean Tatars" was substituted for the generalized concept of "Tatars." The edition compares and studies the Crimean Tatars and other deported people. As it was established, "perestroika" returned the Crimean Tatars and other deported peoples to the scientific discourse, as well as to the fact of their deportation.

Keywords: deportation, "Soviet ethnography," scientific discourse, Crimean Tatars, content analysis, forbidden topics, context, historical essays.

В.М.Ковальчук

Інститут української археографії та джерелознавства ім. М.С.
Грушевського НАН України, Галузевий державний архів Служби
безпеки України, Київ, Україна

kov_v@ukr.net

ДЕПОРТАЦІЯ ПОЛЯКІВ ДО КАЗАХСТАНУ В 1930-Х РОКАХ У СВІТЛІ СВІДЧЕНЬ ЖИТЕЛІВ ПІВДЕННО-СХІДНОЇ ВОЛИНИ

Анотація. В статті досліджуються кількісні показники депортації поляків із української Південно-Східної Волині до Казахстану в 1930-х роках. Актуалізуються спогади кількох волинських поляків, яким вдалося повернутися із заслання назад і стати довгожителлями. Їх записано в Шепетівському районі Хмельницької області. Одна з цих сімей – Окуневичі – дуже похилого віку, досі мешкає в с. Хуторі на Шепетівщині. Також проаналізовані свідчення тих, кому загрожувала депортація, або котрі стали її свідками. Ці відомості збереглися в звітних документах українського Народного комісаріату внутрішніх справ, що оприлюднюються вперше.

Ключові слова: депортація, поляки, Південно-Східна Волинь, Українська РСР, Казахська РСР, спогади, переселенці, старожили, радянська влада

Започатковане сталінським режимом переселення представників польської національної меншини, яка традиційно населяла терени вздовж українсько-польського кордону, «вглиб» СРСР, зокрема, на терени Казахської РСР, стало дегуманізаційним вираженням державної політики з так званого зміцнення прикордонних територій. Адже міждержавні стосунки Країни Рад із Другою Річчю Посполитою впродовж 1930-х років стрімко погіршувалися, відтак, ці практики «відбилися» й на ставленні радянської країни до своїх власних громадян-поляків.

Попри те, що згадана проблематика висвітлена як в українській [6; 11; 14; 16; 17], так і в польській [18; 19] та російській [2] історіографіях, існують ґрунтовні археографічні видання [9; 12; 13; 15], навіть огляди публікацій [1] і джерел [7], низка тем усе-таки

опрацьована недостатньо. Зокрема, на наш погляд, варті більшої дослідницької уваги усні свідчення поляків, котрі компактно заселяли українську Південно-Східну Волинь, про примусові «подорожі» до казахських степів у середині 1930-х років, дорогу назад і подальше життя. Адже, як показали результати наших нещодавніх «польових» експедицій у Шепетівський р-н Хмельницької області, деякі з уродженців тамтешніх сіл, яким у 30-х випала доля пройти через горнило депортації, живуть до цього часу, хоча їм далеко за 90-й десяток [10]. Зрештою, відомості згаданих осіб, що стали фігурантами депортацій, присутньо доповнює й інформаційний потенціал низки неопублікованих радянських документів, які нам вдалося виявити серед матеріалів фонду 16 «Секретаріат ДПУ УСРР – КДБ УРСР» Галузевого державного архіву Служби безпеки України [3; 4; 5].

Отже, за станом на 1935 рік в УРСР мережа польських навчальних закладів, культосвітніх установ, польськомовних друкованих органів почала зменшуватися, «як шагренева шкіра» [14, с. 132]. Наприкінці 1935 – на початку 1936 років політбюро ЦК КП(б)У приймає низку рішень щодо фізичного переселення поляків із прикордонної смуги держави (охоплювала й низку районів, які адміністративно належали до Вінницької й Київської областей, але історично були та є частиною Південно-Східної Волині). «Двері в Казахстан» тамтешньому польському населенню «відкрило» друге з рішень політбюро. Хоча попервах звідти до Казахської РСР належало переселити дві тисячі польських господарств, лише за 20 днів травня-червня було вивезено 2047 сімей [11, с. 123-124]. Процес продовжився восени. Загалом після «весняного» та «осіннього» етапів переселення з теренів Південно-Східної Волині у Новоград-Волинському р-ні поменшало на 222 поляка, Ізяславському – на 299, Старокостянтинівському – на 300, Полонському – на 401, Баранівському – на 404, Ляховецькому – на 500 [12; с. 250, 252].

Шість літ тому, 2011-го, в м. Шепетівці Хмельницької обл. нам вдалося відшукати та поспілкуватися з однією із жертв депортаційних акцій 1930-х років – 89-річною Марією Іванівною. Пані Марія повідомила, що на момент вивезення до Кокчетавської області Казахської РСР вона проживала в с. Романові Берездівського р-ну (нині Шепетівський р-н Хмельницької обл.). На той момент була школяркою. Вже в Казахстані шкільну освіту завершила. Влаштувалася там на роботу польовим обліковцем.

Після закінчення радянсько-німецької війни переїжджає назад, у рідний Романів. По-сусідству, в с. Климентовичах, мешкав чоловік, із яким пов'язала свою долю, – Микола Петрович Мазяр. Наприкінці 1940-х років молодята побралися. У 1947 році сім'я Мазярів переїжджає на постійне проживання до Шепетівки. Подружжя не нажило дітей, тож на схилі літ, в 2000-х, опинилося в скрутному матеріальному становищі. Отож, Мазярами опікувалися соціальні працівники [8]. Подальша доля цієї сім'ї нам невідома.

У 2016 році в с. Хуторі Шепетівського р-ну ми познайомилися ще з одним колишнім переселенцем до Казахстану. Наразі цьому довгожителю Людвігові Окуневичу – 97 літ. Як повідомив чоловік, його силоміць вивезли в Казахстан у 1936-му. Чому так сталося? «Влада Країни Рад» намагалася очистити прикордонні терени від національних меншин», – припускає дідусь. Тоді, в міжвоєнний період, від Шепетівки до лінії кордону між УРСР і Другою Річчю Посполитою було всього-лише 40 км. Людвіг Окуневич зазначив, що на якійсь казахстанській станції його з батьком і матір'ю «вивантажили» з вагону в голий степ. Попервах жити не було де. Для порівняння, навіть поселенцям із сусіднього Баранівського р-ну велося краще – «оселили» в намет. І це при тому, що в Казахстані чимало місць із різкими перепадами денних і нічних температур. Незадовго до початку радянсько-німецької війни «хутірський» дід Людвіга дав йому «виклик». А відтак, чоловік зміг переїхати до рідного села з міста Нижній Тагіл, у якому на той момент мешкав. Коли почалася війна, на фронт чоловік не пішов. Отож, пам'ятає чимало реалій нацистської окупації. У Хуторі представники Третього Рейху змушували людей безкоштовно працювати в «громгоспах». Тих, хто не бажав, безжалісно били гумовими кийками, вивозили на примусові роботи до Німеччини. За кілька днів до закінчення війни, 1 травня 1945-го, Людвігові Івановичу прийшла «похоронка» про загибель тата-фронтовика під час звільнення Берліна від нацистів. Цей документ довгожитель зберігає донині. Але за горем прийшло і щастя. Того саме 1945 року Людвіг побрався з Яніною Іванівною, нинішньою своєю дружиною (жінка, як етнічна полька, пережила депортацію в Східну Україну). Відтак, ця подружжя пара вже разом 72 роки. Спершу чоловік та жінка працювали в хутірському колгоспі, затим перейшли на роботу до місцевого лісового господарства й багато літ там трудилися. Нині Окуневичі ледь пересуваються, можуть хіба що на подвір'я коло своєї дерев'яної хати вийти. Проте старенькі й далі жваво цікавляться життям села, райцентру, подіями в країні та світі [10, с. 6].

Пізніше, у 1937-му, деяких поляків Південно-Східної Волині не вивозили у Казахстан, а заарештовували «на місці». Приміром, саме так сталося із сім'єю Савіцьких із Шепетівки. Слюсара-наладчика місцевого цукрозаводу Антона Савіцького 1885 року народження в жовтні 1937-го забрав «воронок». Під час допитів у Кам'янці-Подільському (там знаходився обласний осередок НКВС) чоловік зійшов із розуму. За звинуваченням у шпигунстві на користь Польщі суд засудив його до розстрілу. Вирок виконано в Кам'янці-Подільському 25 грудня того саме року [16, с. 9; 17, с. 3].

Спогади жителів Південно-Східної Волині, кому судилося пережити депортацію в Казахстан, і навіть дожити до кінця ХХ – початку ХХ століття, варто доповнити оціночними судженнями щодо причин, ходу та наслідків депортацій, які висловили інші їхні земляки в середині 1930-х. Ці відомості «по гарячих слідах» зафіксували в своїх звітних документах працівники НКВС УРСР.

За станом на 1936-й серед волинських поляків навіть траплялися такі, хто «у відповідь» на «солодкі» обіцянки радянської влади про краще життя у Казахській РСР закликав до повстання. «Ми, всі поляки, готові за першим сигналом використати вила та лопати. Нам нічого більше тут не залишається, лише це», – зазначав переселенець зі с. Забаро-Давидівки Городницького р-ну Войцех Нежинський [3, арк. 123].

Втім, все-таки переважали просто словесні звинувачення ініціаторів переселення в абсурдності їхніх «прожектів». «Ви мене тут розстріляйте, але я нікуди не поїду. Про те «добро», яке ви мені обіцяєте в Казахстані, я давно знаю. Ви пограбували мене тут до останньої нитки, а тепер везете туди на голодну смерть», – висловився в травні 1936 р. переселенець із с. Сусли Новоград-Волинського р-ну Інжиєвський [3, арк. 124]. Подібні настрої того саме місяця демонструвала громадянка Кв'ятківська, мешканка рідного для Марії Мазяр села Романова Берездівського р-ну: «У колгоспі працювати не потрібно, все одно нас відправлять у заслання. Пишуть і кажуть, що колгоспники повинні бути заможними, але радянська влада робить навпаки, так, аби ходили обдертузами» [4, арк. 40].

Житель с. Лучиці Городницького р-ну, думка якого зафіксована в спецповідомленні Київського облуправління НКВС УРСР від 5 вересня 1937 р., пов'язував рішення політбюро партії про переселення місцевих поляків і німців до Казахської РСР зі специфікою зовнішньополітичної обстановки. «Радянська влада

напередодні війни з іноземними державами. ...прикордонну смугу очищають, аби, якщо почнеться війна, всередині країни не піднялося повстання» [4, арк. 46-47].

Інший селянин – колгоспник Давид Кіт, мешканець с. Мокляки Ємільчинського р-ну, – влітку 1937-го вважав, що, організувавши переселення поляків до Казахстану, радянська влада увиразнила своє нерівне ставлення до народів, які заселяли СРСР. «Таких чудових людей, як поляки, відправляють у заслання, багато хто загинув і на Біломорканалі. А от євреї живуть, у кожного – домробітниця, ніхто їх не чіпає. Якщо радянська влада розповідає про рівноправ'я націй, то чому так тиснуть на поляків?» [5, арк. 49], – розмірковував чоловік.

Таким чином, усні свідчення етнічних поляків, яким довелося в середині 1930-х покинути рідну Південно-Східну Волинь і побувати в Казахській РСР, є цінним джерелом з вивчення історії проявів сталінської окупаційної політики на теренах УРСР. Навіть тепер, коли від тих подій нас розділяє понад 80 років, подекуди у північних районах Хмельниччини (історично – частина Великої Волині) ще живуть особи, які на собі зазнали тягар депортації у 1936 р. Спогади цих старожилів, як і відомості, зібрані працівниками НКВС УРСР під час вивчення настроїв переселенців до Казахстану та їхніх односельців (збереглися в ГДА СБУ), слід ретельно фіксувати та використовувати при написанні історичних праць.

Список використаних джерел:

1 *Баженов Лев. Репресії проти етнічних поляків Волині-Житомирщини 30-х - початку 50-х рр. ХХ ст. у сучасних наукових і краєзнавчих дослідженнях // Українська полоністика. - 2004., №1., С. 37-46.*

2 *Бугай Н.Ф. Л. Берия - И.Сталину: «Согласно Вашему указанию...» - М.: Наука, 1995, 320 с.*

3 *Галузевий державний архів Служби безпеки України (далі - ГДА СБУ). Ф. 16. Оп. 1. Спр. 55. 294 арк.*

4 *ГДА СБУ. Ф. 16. Оп. 1. Спр. 59. 138 арк.*

5 *ГДА СБУ. Ф. 16. Оп. 1. Спр. 105. 84 арк.*

6 *Єфіменко Г.Г. Переселення та депортації в постголодоморні роки (1933–1936): порайонний зріз // Проблеми історії України: факти, судження пошуки. - 2013., вип. 22. С. 136-165.*

7 Жумашев Р.М., Елеуханова С.В. Депортация поляков в Казахстан в 30-40-е годы XX в.: анализ исторических источников. 2017. <https://articlekz.com/article/8893>

8 Запис розмови з подружжям Мазярів, зроблений В. Ковальчуком у м. Шепетівка Хмельницької обл. (Україна) 15.02.2011 р. Зберігається в приватному архіві автора.

9 Из истории поляков в Казахстане (1936-1956 гг.). Сб. документов: АП РК / Отв. ред. Л.Д. Дегитаева. - Алматы: Казахстан, 2000., 344 с.

10 Ковальчук В.М. На весільний рушник стали у 1945-му / Шепетівський вісник. - 2016., 10 листопада., №89-90., С. 6.

11 Місінкевич Леонід. «Великий терор» 1937-1938 рр. на Хмельниччині // З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ. - 2007., №1., С. 121-135.

12 Польша та Україна у тридцятих – сорокових роках ХХ століття. Невідомі документи з архівів спеціальних служб. Том 8. Великий Терор. Польська операція 1937-1938. Частина 1. - Варшава-Київ, 2010., 1040 с.

13 Реабілітовані історією: У двадцяти семи томах. Житомирська область: У 7 кн. / Головна редколегія (голова П.Т. Тронько, заступники голови О.П. Реєнт, Ю.З. Данилюк та ін.); редколегія тому (голова І.М. Синявська та ін.). - Кн. 1. - Житомир, 2006., - 724 с.

14 Рубльов Олександр, Репринцев Володимир. Репресії проти поляків в Україні у 1930-ті роки // З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ. - 1995., № 1/2., С. 116-156.

15 Сталинские депортации 1928-1953 гг. / Сост. А.Н.Яковлев, Н.Л.Поболь, П.М.Полян. - М.: Междунар. фонд «Демократия», 2005., 904 с.

16 Царик О.П. Послання з 37-го року / Шепетівський телеграф. – 2003. – 7 серпня. – №31. – С. 9.

17 Царик О.П. Відбув у розпорядження УНКВС... навечно / Шепетівський вісник. – 2008. – 31 січня. – №8. – С. 3.

18 Stroński Henryk. Represje stalinizmu wobec ludności polskiej na Ukrainie w latach 1929-1939. Warszawa, 1998., 314 s.

19 Wyszyński Robert. Oddala się szansa powrotu. 2017. <http://www.naszdziennik.pl/mysl/63694,oddala-sie-szansa-powrotu.html>

В.Н.Ковальчук
ОҢТҮСТІК-ШЫҒЫС ВОЛЫНЬ ТҰРҒЫНДАРЫНЫҢ
КУӘЛІКТЕРІ БОЙЫНША 1930-ЖЫЛДАРЫ ПОЛЯКТАРДЫ
ҚАЗАҚСТАНҒА ДЕПОРТАЦИЯЛАУ

Аңдатпа. Мақалада 1930-шы жылдары Украинаның Оңтүстік-Шығыс Волынасынан Қазақстанға депортациялаудың сандық көрсеткіштері қарастырылған. Жер аударудан қайта оралған және ұзақ өмір сүреген бірнеше Волындық поляктардың естеліктері тақырыптың өзектілігін арттыра түседі.

Олар Хмельницк облысының Шепетов ауданында тіркелген. Сол отбасылардың бірі егде жастағы – Окуневичи әлі күнге дейін аталған ауданның Хутор ауылында тұрып жатыр. Сондай-ақ бастарына депортациялау қаупі төнген, депортациялауды өткізудің куәгерлерінің дәлелдері талданды. Украина халық комиссариаты ішкі істерінің есеп құжаттарында сақталған сәйкес ақпараттар алғаш рет жарияланып отыр.

Түйінді сөздер: депортация, поляктар, Оңтүстік-Шығыс Волынь, Украин ССР-ы, Қазақ ССР-і, естелік, жер аударылғандар, көне көздер, кеңестер өкіметі.

В.Н.Ковальчук
ДЕПОРТАЦИЯ ПОЛЯКОВ В КАЗАХСТАН В 1930-Х ГОДАХ
ПО СВИДЕТЕЛЬСТВАМ ЖИТЕЛЕЙ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ
ВОЛЫНИ

Аннотация. В статье исследуются количественные показатели депортации из украинской Юго-Восточной Волыни в Казахстан в 1930-х годах. Актуализируются воспоминания нескольких волынских поляков, которым удалось вернуться из ссылки назад и стать долгожителями. Они записаны в Шепетовском районе Хмельницкой области. Одна из этих семей - Окуневичи - весьма преклонного возраста, до сих пор живет в с. Хуторе упомянутого района. Также проанализированы свидетельства тех, кому угрожала депортация, а также свидетелей ее проведения. Соответствующие сведения, что сохранились в отчетных документах украинского Народного комиссариата внутренних дел, публикуются впервые.

Ключевые слова: депортация, поляки, Юго-Восточная Волынь, Украинская ССР, Казахская ССР, воспоминания, переселенцы, старожилы, советская власть.

V.N.Kovalchuk
DEPORTATION OF POLISH PEOPLE TO KAZAKHSTAN IN
THE 1930S ACCORDING TO THE TESTIMONY OF
SOUTHEAST VOLHYNIA RESIDENTS

Summary. The article examines the quantitative indicators of deportation from Ukrainian Southeast Volhynia to Kazakhstan in the 1930s. The memories of several Volynian Polish people, who managed to return from the exile and become long-lived, have been updated. The testimony were recorded in Shepetovsky district of Khmelnytsky region based on the memories of one of those families - Okunevichi – elderly, who still have been living in the village *Khutor* of the mentioned above area. The evidence of the threats with the deportation and its conduct have been also analyzed. The relevant information, preserved in the reporting documents of the Ukrainian People's Commissariat of Internal Affairs, has been published for the first time.

Keywords: deportation, Polish, South-East Volhynia, Ukrainian SSR, Kazakh SSR, memories, settlers, old-timers, Soviet authorities.

ӘОК 94.908

Г.А.Мухатаева

Е.А. Бөкетов атындағы Қарағанды мемлекеттік университеті,
Қарағанды, Қазақстан Республикасы
gauhar-mukhataeva@yandex.kz

ОРТАЛЫҚ ҚАЗАҚСТАНҒА ДЕПОРТАЦИЯЛАНҒАН
ХАЛЫҚТАР ТАРИХЫНАН (ҚАРАҒАНДЫ ОБЛЫСЫНЫҢ
МАТЕРИАЛДАРЫ НЕГІЗІНДЕ)

Аңдатпа. Жұмыстың өзектілігі кеңес тарихының қайғылы беттерінің бірі Сталин тарихындағы Кеңес Одағының халықтарын Қазақстан территориясына, оның ішінде Қарағанды облысына күштеп депортациялау мәселесіне арналғандығымен анықталынады. Мұрағат құжаттарын меңгере отырып қазіргі таңдағы Қазақстан Республикасының этникалық құрамының әркелкілігін қалыптастырған сол кездегі қиын күндерге тағы да бір үңіле аламыз.

Түйінді сөздер: депортация, тоталитаризм, сталиндік тәртіп, Солтүстік Кавказ халықтары, Орталық Қазақстан, Қарағанды облысы, арнайы көшірілгендер, мұрағат құжаттары

XX ғасырдың 30-40 жылдары – КСРО мемлекетінің құрамында болған барлық халықтар тарихында қасіретті. XX ғасырда қалыптасқан мемлекет қоғамды басқаруға өзгерістер алып келгендігімен шектелмей, халықтар тағдырына зор алапат апаттар алып келді. Тоталитарлық мемлекеттің жүйесі мен саяси мәселелердің одан әрі ушығуы көрініс тапты.

Біз бүгінде тоталитаризмнен демократияға өткен мемлекетте өмір сүре отырып, шын мәнінде өткен жүйенің қаншалықты қасірет әкелгенін түсінеміз. Қоғам өміріне еніп жатқан жаңа ойлар мен идеялар жылдар бойы кеңестік насихаттаулар арқылы қалыптасқан сананы бір мезетте өзгертпейді. Ұрпақтар сабақтастығы, тәуелсіз ел жастары ғана барлық адамзатқа тән құндылықтарды қалыптастырып, жаңаша жүйеге өту арқасында бұл міндет аясынан шықпақ. Тоталитаризмнің жасаған ең ауыр қиянаты - саяси қуғын-сүргінді қолға алды. Саяси жазалау тоталитарлық жүйенің ұлттық рухты жаншуға арналған бағыты болды. Кеңестік, оның ішінде Қазақстандық тарихтың беймәлім беттері «партия мен Кеңес өкіметінің өз халқымен күрес жүргізген», Қазақстанның тұтастай концентрациялық лагерлер өлкесіне айналдырылған жылдары болды. Бұл қайғылы оқиғалардың оның Ұлы Отан соғысының ең ауыр кезеңімен тұспа-тұс келгендігінде. Ұзақ жылдар бойы КСРО-ға халықтарды депортациялау мәселесі қоғамдық пікір үшін де, ғылыми сараптау үшін де жабық тақырып болды.

Елбасы Н.Ә. Назарбаев өзінің сөзінде егемендік кезеңінде кеңес заманынан кейінгі дамушы елдердің көбіне қарағанда, біз қоғам ішіндегі тура конфронтацияны болдырмай, жағдайды тұрақтандыра алдық деп бірнеше рет атап өтті [1, 2 б.].

Орталық Қазақстанның көпұлтты бейнесі бірнеше жылдар бойы қалыптасты. XX ғасырда оның дамуына қуғынға ұшыраған халықтардың күштеп қоныстануы үлкен әсер етті. Қарағанды облысының территориясына 30-жылдардан бастап жер аудару науқаны жүргізіле бастаған. Бірінші кезеңі ұжымдастыру кезеңімен байланысты болса, екінші кезең 30-жылдардың II жартысында Кеңес үкіметінің халықтарды депортациялау саясаты жаппай тарала бастаған оқиғалармен сәйкес келеді.

Әуелде күштеп депортациялау ескі жүйеге қызмет еткен жекелеген адамдарға бағытталса, кейін БК(б)П қарсыластарына, содан кейін тұтастай халықтарға бағытталды. Сөйтіп сталиндік қуғын-сүргін жылдары орын алған саясат депортацияланған халықтарды ұлттық болмысы мен тілінен, мәдениетінен айырып, негізсіз кінә тағып, қатал жазалады. Бұл кеңестердің ұлт саясатының заңдылығын бұзуының жарқын белгісі еді. Бірінен кейін бірі шыққан сол мерзімдегі заң актілері депортацияланған ұлттардың дамуына, болашағына қиянат жасады. Қандай халық болмасын депортация – қуғын-сүргіннің аса қиянаттысы. 1944 жылғы тау халықтарының жаппай көшірілуі халықтарды депортациялау кезеңінің аса қайғылы беттері. 1944 жылдың ақпанында Берия И.Сталинге телеграф арқылы хабар береді: «Көшірілуге жататын 459486 адам тізімделді». Кейін 1944 жылдың 7 наурызында И.Сталинге жолдаған мәліметі бойынша осы кезге дейін шығыс аудандарға жер аударуға байланысты үш мәрте жүргізілген операция барысында Одақтың әр түрлі аймақтарына 650 мың шешендер мен ингуштер жаңа жерлерге орналастырылды. Осылардан Қазақстанға 124 эшелон тиелген 344584 адам тасымалданды, алып келген бойда түгелдей санап шығып, есепке алған. «Құпия» белгісі бар 20 мамыр 1944 жылы шыққан «Қарағанды облысындағы күштеп көшірілген шешендер мен ингуштар туралы анықтамада» Қарағанды облысында 9 036 отбасы, 36 702 адам, Қарағанды қаласында 2 240 отбасы, 10 042 адам тіркелінген [2, 6 б.]. Қазақстан мен Орта Азияға күштеп жер аудару кезінде де жаппай өлім орын алған. Себебі, адамдар вагондарда өлді, біреулері сырқаттанса, екіншілері климатқа шыдамады, үшіншісі аштықтан көз жұмды. Адам тасуға арналған жүк вагондарында жағдай болмады, жол да тым қиын болды. Олар адам төзгісіз жағдайда бір-біріне көмектесіп, асқан шыдамдылық танытып, биік рухын түсірмеген, жабайылыққа бармаған және ауру мен азаптан көз жұмған. Бұл құрбандардың саны нақты белгісіз, шамамен 400 мың шешен ұлты өкілдерінің 131 мыңдайы қырғынға ұшыраған [3, 21 б.].

Қуғындалған халықтардың ішінде әртүрлі халықтар, әлеуметтік топтар, тіптен тұтас ұлттар да болды. Бұлардың барлығы толықтай тоталитарлық тәртіптің құрбандарына айналды, құқықтары аяқ асты етілді. Қазақстанға депортацияланғандардың тұрмыс жағдайын көшірілген жердегі Ішкі істер министрлігінің (ІХК) арнайы комендатуралары бақылауға алды және бақылауда ұстады.

Сол себептен жолда жағалып кеткен туысқандарына іздеу салуға, ем-дом алуға және басқа да жеке басқа қатысты мәселелер бойынша арнайы комендатураның рұқсатын алулары міндетті болып саналды. Тұрақтары мен жұмыстың өзгеруі сияқты мәліметтерді арнайы комендатурадағыларға үш күндік мерзім ішінде мәлімдеуі міндетті болды. Арнайы көшірілгендердің жаңа жерде саяси жағынан да, құқықтық жағынан да жағдайлары ауыр болды. Олар ешқайда кетуге еркі болмады.

Күштеп депортациялағандарды «арнайы көшірілгендер» деген, барлық құқықтары шектеулі болды. Қарағанды облысының территориясында лагерлер мен арнайы поселкілердің бірнеше жүйесі құрылған. Арнайы қоныстандырылғандар көмір бассейнінде еңбек еткен, өнеркәсіп орындарының және тұрмыстық құрылыстарды салуға қатысқан, Қарағанды облысының қалалары мен поселкілерінің салынуында үлес қосқан. Мұндай мобилизацияның қажеттілігі туралы мұрағат құжаттарында 18 қазан 1943 жылғы «1000 адамды арнайы қоныстандырылғандың ішінен Қарағанды көмір бассейнінің жұмысына мобилизациялау туралы» Қазақстан БК(б) бюросының Қарағандылық обкомының Атқару комитетінің қаулысында көрсетілген [4, 5 б.].

Қазақстанда депортацияланған халықтарды комендатуралық жағдайда ұстау да аса қиын тағдырдың нышаны ретінде болды. 1 тамыз 1949 жылғы мәлімет бойынша облыс аумағында 39990 отбасы – 117043 арнайы қоныстандырылған әртүрлі ұлт өкілдері тұрып жатты. Есеп жүргізу мақсатында облыста ІІМ-нің 113 арнайы комендатуралары іске қосылды [5, 28-138 бб.].

Арнайы жер аударылғандар жаңа жерде көптеген қиындықтарға душар болды. Шектеулер көп болған. Арнайы жер аударылғандардың ісімен айналысатындардың құжаттарына сәйкес әрбір көшірілген адам Қазақстанға келген соң өз елінде қалған мүлкі үшін, киім-кешек, шаруалық пен ақшалары үшін өтемақы алу қарастырылған, шын мәнінде ол болмаған еді. Көбіне қағаз жүзінде тіркелінген де, депортацияланғандардың қолында ештеңе болмаған. Тек жатын орындарға қатысты бөлу, орнықтыру шаралары жүрген. Бірақ адам тұра алмайтын жағдайлар «ұсынылған». Тұрмыстық жағдайлары төмен деңгейде болған. Егер бір адамға 3 шаршы метрден келу қажет болса, кейбір пунктарда арнайы қоныстандырылғандар 2-3 отбасы болып бір пәтерде тұрған, 1 адамға 2 шаршы метрден артық жер бөлінбеген жағдайлар да

тіркелінген [6, 144 б.]. Көктем шыққан соң, жердің қары еріген бетте адамдар жерастындағы үйлер қазған, тек содан кейін ғана үй көтерген. Келесі қыстарын үйге пошымы келетін, ақысы төленген үйлерде тұрған, бірақ оларда ешқандай тұрмысқа қажетті заттар болмаған, мысалы, Балқаш мыс зауыты, №517 зауыт, Өспен руднигі және т.б. [7, 107 б.].

Арнайы жер аударылған шешен-ингуштарды ауылшаруашылығы өндірісінің ең ауыр участоктарында қолданған. «Жаңа жер аударылғандарды» қатаңдатылған бақылаумен, күзетшінің тікелей қадағалауымен, қуғын-сүргін жазаларын қолданып құрылысқа, оның ішінде үй салуға, кеніш жұмыстарына тартқан және егістіктегі жинау жұмыстарына апарған [8, 46 б.]. Қарағанды облыстық атқару комитетінің құжаттарында 70-тен аса өнеркәсіп, өндіріс орындарының тізімі келтірілген. Өз қызметтерін асыра пайдаланып, Солтүстік Кавказ халықтарын кемсіткен, қор қылғандар да коменданттар арасында болған. Сонда да рухы жығылғанмен, тегін еңбек еткендеріне қарамастан олар үлкен көрсеткіштерге жетіп отырған, мысалы Осакаров ауданындағы «Комсомол» және «Октябрь» колхоздарында 500-600 еңбек күндерін өтеген Хамидов Дамес, Одаев Трухан, Юсупов Акм және тағы да басқалар [9, 324 б.].

Орталық Қазақстанға күштеп қоныстандырылған шешендер мен ингуштер алғашқы күннен бастап Қарағанды көмір бассейнінің кеніштерінде жұмыспен қамтылды. Қарағанды облысының кейбір пунктарындағы емхананың медпунктары қажетті деңгейде медқызметкерлермен қамтамасыз етілген, мысалы №20 Май-Құдық еңбек поселкісінде дәрігердің қабылдауына орта есеппен 75-80 адам келіп отырған. Белгілі бір бөлінген уақыттың ішінде тек 30-40 адамға қызмет көрсетілген. Осакаров комендатурасының үш поселкісіне поселкілерден 9-18 шақырым қашықтықта орналасқан бір медпункт қана болған [10, 62-63 бб.].

Депортацияланғандардың жартысынан көбі айналдырған бес жылдық мерзімде қайтыс болған, Қарағанды жерінде жатыр [11, 5-15 бб.]. Өлімнің себебі негізінен кәрілік, безгек, инфекциялық аурулар және көп жағдайда аштықтан да қайтыс болған [12, 149 б.]. Сонымен қатар ол жылдары ашаршылық, қуаңшылық, аязды қыстар көп орын алғаннан өлім-жітім өте көп болды. Жылы киім мен аяқкиіммен қамтамасыз ету де нашар жүрген. Мысалы, мектеп жасындағы 4350 баланың 1595-і ғана мектепке бара алған [13, 103 б.], қалғандары болса киім мен аяқкиімнің болмауынан бармауға мәжбүр болған.

Тамақ пен тұтыну өнімдерімен қамтамыз ету де Ұлы Отан соғысы жылдарында халықтың басқа категорияларына қарағанда анағұрлым төмен болған. «Ильич жолы», «Чкалов», «Пар.Коммуна», «1-Май» атты колхоздарда жағдай өте төмен болған. «Калинин», «Қызыл Жұлдыз», «Тельман» сияқты колхоздарда ай сайын берілетін азық-түлік уақытылы берілмеген болса [14, 68-69 бб.], 1944 жылдың сәуірінен мүлдем берілмейтін болған. Облыс аумағында 1945 жылдың қаңтар айынан шілде айына дейін 100-50 граммнан беріліп отырса, ұн мен жарма бір адамға күніне 4,5 кг. ғана берілген [15, 100 б.].

Рұқсатсыз орын ауыстыруға болмаған. Адамдар бір-бірімен байланыса алмаған, көрші ауылдағы туыстарымен қатынас мүмкін болмаған, себеп жеке құжаттарының болмауымен түсіндірілген. Бұны қадалаған арнайы комендатура болды. Тек қана 50-жылдардың ортасынан ғана депортацияланған халықтарға деген өкімет саясаты өзгере бастады.

Сөйтіп, өз халқына қарсы соғыс жариялаған, өз елін, өзіне жау еткен сұрқия саясат Қазақстанды жаппай көшірілгендер лагеріне, ГУЛАГ, концлагерлер аймағына айналдырды. Бірақ қазақ халқы фашизмге қарсы күресті сталинизм саясатының құрбанына айналған халықтарға қамқорлық жасаумен ұштастыра білді, олардың қайғы-мұңына ортақтасты.

Тарихи естелікті сақтау, тарихи сананы қалыптастырудың, ұлттық біртұтастықты нығайтатын, біріктіретін факторларды іздестіру – жас буын үшін, олардың тарихи мұраға құрметпен қарауы үшін маңызы зор [16, 21 б.].

Қолданылған дерек көздері:

1 Назарбаев Н.Ә. Тәуелсіздіктің он жылы: Бейбітшілік, прогресс және келісім. Қазақстан Республикасының Президенті Н.Ә.Назарбаевтың Қазақстан Халықтары Ассамблеясының сегізінші сессиясындағы баяндамасы //Егеменді Қазақстан. 2001, қазан.

2 Әбдіраш Ә. Күштеп көшіру – содыр саясаттың сұрқия саясаты // Мысты өңір, 2010, 28 мамыр (№22), 6 б.

3 ҚОММ. 341 қ. Оп.1. 13-іс. 21 б.

4 ҚОММ. 14 қ. Оп.1. 843-іс. 5 б.

5 Калыбекова М.Ч. Казахстан как объект переселения народов //Научный мир Казахстана, 2009, №1. С.128-138.

6 ҚОММ.18 қ. Оп.1. 843-іс. 144 б.

7 Михеева Л.В. *Иностранцы военнопленные и интернированные II мировой войны в Центральном Казахстане (1941-нач.1950-х гг.). – Караганда, ЦКУ «МГТИ-Лингва», 2010. - 107 б.*

8 ҚОММ.18 қ. Оп.1. 843-іс. 46 б.

9 ҚОММ. 18 қ. Оп.1. 1107-іс. 324 б.

10 ҚОММ. 18 қ. Оп.1. 327-іс. 62-63 бб.

11 ҚОММ. 14 қ. Оп.1. 843-іс. 5-15 бб.

12 ҚОММ. 3п. қ. Оп.1. 187-іс. 149 б.

13 ҚОММ.18 қ. Оп.1. 843-іс. 103 б.

14 ҚОММ. 1п. қ. Оп.7. 133-іс. 68-69 бб.

15 ҚОММ.18 қ. Оп.1. 843-іс. 100 б.

16 Назарбаев Н. *Тәуелсіздікпен - әлем кіндігіне қуатты секіріс //Президент және халық. 2009, №51 (225).*

Г.А.Мухатаева

**ИЗ ИСТОРИИ ДЕПОРТИРОВАННЫХ НАРОДОВ В
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КАЗАХСТАН (НА МАТЕРИАЛАХ
КАРАГАНДИНСКОЙ ОБЛАСТИ)**

Аннотация. Актуальность работы определяется одной из самых печальных страниц советской истории Сталина - историей принудительной депортации населения Советского Союза, направленного на территорию Казахстана, в Карагандинскую область, в частности. Изучив архивные документы, мы можем еще раз окунуться в события тех трудных дней, которые сформировали многообразие этнического состава Республики Казахстан.

Ключевые слова: депортация, тоталитаризм, сталинский режим, народы Северного Кавказа, Центральный Казахстан, Карагандинская область, спецпереселенцы, архивные документы.

G.A.Mukhataeva

**FROM THE HISTORY OF THE DEPORTED PEOPLE TO
CENTRAL KAZAKHSTAN (ON THE MATERIALS OF THE
KARAGANDA REGION)**

Summary. The relevance of the work is recognized as one of the saddest pages of Stalinism - the history of the forced deportation of the deportees of the Soviet Union, who had been expelled to the territory of Kazakhstan, to Karaganda region, in particular. Having studied the archival documents, we could plunge into the events of those difficult

days that had formed the diversity of the ethnic composition of the Republic of Kazakhstan.

Keywords: *deportation, totalitarianism, the Stalin regime, the peoples of the North Caucasus, Central Kazakhstan, Karaganda region, special settlers, archival documents*

УДК 93/94

Т.В.Пастушенко
Институт истории Украины НАНУ
Киев, Республика Украина
tetiana_p@ukr.net

УКРАИНСКИЙ ОБРАЗ ГУЛАГА В КАЗАХСТАНЕ: ТЕМАТИЧЕСКИЕ ДОМИНАНТЫ НАЦИОНАЛЬНОГО НАРАТИВА

Аннотация. *Тема пребывания украинских узников в лагерях на территории Казахстана является одной из наименее исследованных в историографии. В этой статье, на основе опубликованных воспоминаний и интервью с очевидцами, будут представлены основные темы в рассказах о ГУЛАГе, которые придадут этому нарративу с одной стороны украинский характер, с другой – указывают на географические и культурные особенности Казахстана. А именно: национальная идентичность и солидарность, христианская вера, Кенгирское восстание как пример отстаивания человеческого достоинства, описания местных жителей и природы. В статье показан огромный эпистемологический потенциал нарративных источников, созданных бывшими украинскими узниками советских лагерей и спецпоселений в Казахстане.*

Ключевые слова: *ГУЛАГ, политические репрессии в СССР, Организация Украинских Националистов, Западная Украина, Карлаг, Казахстан*

Тема политического террора в советской Украине относится к одной из наиболее изучаемых тем в современной исторической науке. На 2007 год насчитывалось около 5500 названий

монографий, статей, сборников документов, изданных учеными, журналистами, общественными деятелями в СССР и постсоветских странах [10]. Тем не менее, многие аспекты еще остаются в тени исследовательского интереса. К таким малоизученным вопросам относится пребывание украинцев в местах заключения и ссылки в Казахстане. Обычно, сталинские репрессии в украинской историографии изучаются по национальному и территориальному принципу, то есть исследователя интересует то, что происходило непосредственно в Украине. Андрей Портнов в этой связи говорит о «территориализации темы» ГУЛАГа, вынесение ее за пределы исследования, за границу. То есть арестовали, осудили, вывезли – все, а дальше – это не наша история [12].

Своеобразным исключением является исследование Тамары Вронской «Заложники тоталитарного режима» (2009) о репрессиях против жен и детей «врагов народа» [3;4]. Значительное место в своей работе она уделяет условиям быта и принудительного труда в местах заключения и ссылки непосредственно в Казахстане. Это история Акмолинского отделения КАРЛАГа, больше известного как «АЛЖИР», а также спецоперация НКВД против участников УПА по депортации семей из Западной Украины в Казахстан.

Еще одна тема, связанная с историей каторжных лагерей ГУЛАГа в Казахстане, – это восстание узников в Кенгирском отделении Степлага. Наиболее обстоятельно описаны события восстания и судьбы некоторых известных его участниц и участников в диссертации Леси Бондарук «Украинское движение сопротивления в советских концлагерях 1940-е – 1950-е годы» (2010) [1].

Вопрос о «не героических» повседневных практиках узников, специфике украинского опыта в ГУЛАГе долгое время практически отсутствовал в научной наррации. Книга львовского антрополога Оксаны Кись «Украинки в ГУЛАГе: выжить значит победить» [6] (2017) впервые на основе феминистических подходов представила различные стороны повседневной жизни украинских политических узниц. Но она не акцентирует внимание на особенностях мест заключения, специально не выделяет опыт узниц лагерей в Казахстане.

Каким увидели, запомнили и описали места заключения в Казахстане депортированные сюда жители Украины является главной задачей этой статьи. Если мемуары русскоязычных узников сталинских лагерей Александра Солженицина, Евгении

Гинзбург, Ольги Адамовой-Слиозберг, Руфи Тамариной давно стали литературной классикой и практически сформировали общепринятые представления о советской лагерной системе, то воспоминания, написанные на украинском языке, остаются мало известными даже для читателя в Украине. Тем не менее познавательный потенциал этих источников значительный, и введение их в научный оборот покажет историю политических репрессий с позиции ее жертв из Украины.

«Верим, что будущее поколение достойно оценит нашу борьбу»

Основным источником для этого исследования стали воспоминания очевидцев – рукописные и устные. Всего мне удалось отыскать на данный момент 20 свидетельств. Не так и много, как ожидалось, учитывая количество репрессированных. Это три опубликованные литературные документальные повести, воспоминания, размещенные на сайте московского и киевского обществ «Мемориал» [2;13;5], 11 устных историй из цифрового архива мемориального музея «Территория террора» во Львове. Несколько интервью было найдено в частных коллекции моих украинских коллег-историков [15;16].

Воспоминания были созданы в разное время и при разных обстоятельствах. Повесть депортированной в 1940 году из Львова Уляны Старосольской (лит. псевдоним Любович) «Расскажу вам про Казахстан» была опубликована в 1969 году в Канаде, сразу после ее эмиграции из Польши [7]. Воспоминания участников Кенгирского восстания Василия Паливоды [9] и Владимира-Игоря Порендовского [11] «ждали» своего часа до начала 2000-х годов. Сотрудники мемориального музея «Территория террора» начали записывать интервью с 2009 года [17]. Из 108 видеозаписей этой коллекции удалось найти 7 свидетелей, отбывавших наказание в Карлаге, Джебказгане, Кенгире, Балхаше. Три очевидца были вывезены из Львова в Казахстан 13 апреля 1940 года. А Теклю Тихан арестовали повторно, после ее возвращения из спецпоселения.

Как видим, почти все свидетели родом из Западной Украины. Их преобладание среди авторов воспоминаний о лагерях Казахстана объясняется не только численно большим количеством по сравнению со спецпоселенцами и узниками из других областей Украины, а также относительно «поздним» арестом, под конец эпохи сталинизма в 1944–1950-х годах. Они принадлежат, как

писала Ирина Щербакова, к «последнему призыву узников ГУЛАГа»[14]. Важную роль сыграла их последовательная антисоветская позиция. Они не были гражданами ни Российской империи, ни СССР, поэтому советская власть, которая их репрессировала, никогда не была для них «своей». Написание и публикация своих воспоминаний часто было символическим актом продолжения борьбы с этой советской властью за независимую Украину.

Тематические доминанты в рассказах украинцев о ГУЛАГе

Исследователи обращают внимание на определенную однотипность рассказов о ГУЛАГе, существование «кочующих сюжетов» - описание похожих историй в типичных ситуациях. Основными моментами в описаниях лагерной повседневной жизни является: арест, следствие, пересылка, жилищные условия, труд, быт, голод, способы добычи дополнительного питания. Но есть аспекты, которые отличают воспоминания жителей Галиции от других групп украинских узников ГУЛАГа, это акцент на своем национальном происхождении. Принадлежность к «украинцам», «западенцам», «бандеровцам» во многих случаях была поводом для ареста, дополнительной причиной лагерной сегрегации, издевательств со стороны других, в первую очередь русскоязычных, узников. «Больше всего вагонная верхушка ненавидела жителей Западной Украины, мы для них были бандеровцами, буржуазными националистами, предателями и бандитами», – вспоминал Василий Паливода об этапе в Казахстан. Неоднократно к нему, 20-летнему парню, приставали старые зеки с вопросом: «А ну рассказывай, бандеровский щенок, сколько ты убил советских солдат!?!». Такое отношение было не только к украинцам. «Между узниками не было единства, была ненависть, поляки ненавидели украинцев, чехи – венгров, а все вместе – немцев» [9,40].

Преимущественно национальность, место рождения было тем принципом, по которому среди узников формировались сплоченные группы – землячества, связи взаимопомощи и солидарности, помогавшие выжить в трудных лагерных условиях или в ссылке. Анализ личных воспоминаний бывших украинских узников позволяет проследить некоторые закономерности в межэтнических отношениях среди узников, способы установления и поддержки связей внутри и за пределами лагеря. Ульяна Любович (Старосольская) описала в своей книге интересный момент, как

сотрудник дорожной конторы, где ей удалось найти работу, однажды стал напевать мелодию из оперы «Наталка-Полтавка» и таким образом дал ей понять, что он тоже украинец, что он ей друг. А открыто общаться с ней, спецпоселенкой и «капиталисткой», он не мог [7, 71-77].

Важными культурными маркерами национальной идентичности был язык. Обычно, в многонациональном лагерном социуме «начальство» и узники говорили исключительно на русском языке. Более того, дочь репрессированного Василия Дымнича вспоминала, что они перестали говорить на украинском даже дома, так как «помнили, что отец был обвинен в национализме» [8,102]. Но в Кенгирском лагере, где было почти половина узников - бывшие оуновцы, сложилась уникальная ситуация, когда «западные украинцы, которых было после войны много в лагере, пользуясь тем, что их понимали, не хотели говорить по-русски, а только по-украински. Иностранцы и жители Средней Азии, совсем не знавшие русского языка, постепенно обучались их языку, считая его русским. В общем, большинство заключенных лагеря говорило на дикой смеси из слов разных языков, которую они принимали за русский» [13].

Второй особенностью украинских узников было соблюдение религиозных обрядов, за которые ждало суровое наказание. Параска Тымчук вспоминала, что ее и подружек посадили в карцер за то, что они запели в бараке украинскую колядку на Рождество [15]. Владимир-Игорь Порендовский описал, как в 1952 году украинские узники инициировали совместное тайное празднование Рождества в бараке Кенгирского лагеря, в котором принимали участие все другие невольники разных национальностей и вероисповеданий. Они сделали из нар длинные столы, на которых разложили нехитрые угощения из лагерного киоска, прочитали молитву и спели несколько колядок. «Этот Свят-вечер очень сильно помог нам в интеграции лагерного сообщества. А это позволило нам выдержать 40-дневную забастовку в 1954 году» [11].

С достоинством выдержать жизненные испытания

Почти во всех воспоминаниях бывших узников, были ли это литературные записи, предназначенные для публикации, или доверительный разговор «под диктофон», главным лейтмотивом жизненных историй было показать, что человек с честью справился со всеми жизненными испытаниями. Событие, которое стало символом борьбы с тоталитарной системой, примером отстаивания

своего человеческого достоинства, началось именно в Казахстане – это восстание в Кенгирском лагере. Серия восстаний в каторжных лагерях весной-летом 1954 года неожиданно наполнила смыслом все перенесенные страдания и смерти близких и друзей не только для его непосредственных участников и свидетелей, но и для узников по всей бескрайней империи ГУЛАГа. С точки зрения нашего исследования – Кенгирское восстание есть героическим символом сборного украинского образа ГУЛАГа в Казахстане.

Образ Казахстана в воспоминаниях узников-украинцев

Важным действующим лицом в воспоминаниях о Казахстане была суровая степная природа и местные жители. В рассказах узников спецлагерей очень мало упоминаний об окружающей их природе, только как дополнительные обстоятельства усугублявшие их страдания – мороз, ветер, много снега – зимой, палящее солнце – летом. Бывшие спецпоселенцы чаще описывают смену времен года. Уляна Старосольская записала свои мысли, когда она шла ранним утром бороновать колхозные поля: «Я, может быть даже и любила б вот так идти в предрассветном полусвете, среди цветущих кустов каранника и весенних запахов, которыми веяло из степи. Невольно поддаюсь тем чарам, которые несла и здесь природа. Но подсознательно я не могла лишиться внутреннего беспокойства перед тем, что меня ждало» [7, 54].

Яркое впечатление на депортированных украинцев оставило знакомство с местными казахскими жителями. Почти все вспоминают как впервые увидели пастухов в традиционной национальной одежде. «За пять лет пребывания в Кенгире картину перегона стад овец мы имели возможность увидеть только два раза, когда многотысячная масса лагерников наткнулась на стадо овец. Было это летом. Температура достигала сорока градусов, а казахские чабаны, старые люди с седыми бородами, были одеты в теплые бушлаты-халаты и огромные лисьи шапки. Как досадно мне было, когда с колонны узников посыпались надоедливые насмешки в адрес «чорнозадых», которые в жару ходят в кожухах. Я уже тогда знал от казахов, которые работали со мной в Кенгире, что теплые халаты и лисьи шапки спасают чабанов от летней жары» [11, 50].

Влияние феминистических взглядов прослеживается в истории казашки по имени Карис, описанной Уляной Любович, которая была активной участницей организации Пласт (украинский вариант скаутов), а в эмиграции – главой Союза украинок Америки. Она

обращает внимание на трансформацию положения женщин в казахском обществе за годы советской власти и стойкое сохранение в их самооценке традиционной неполноценности. Писательница размышляет о двух одиноких женщинах «с разных миров, рас и культур, но, которых связывала печаль и страх за их близких – у нее за мужа, который воевал в далекой Европе, у меня за моих родных, которые карались здесь в лагерях. Две женщины должны были бороться за кусок хлеба, топливо, за свое собственное физическое выживание и при этом жили воспоминаниями и должны были сохранить надежду, чтобы жить дальше» [7, 101-102]. Выжить и сохранить надежду – эти слова могли быть девизом для миллионов людей, которые принудительно оказались в степях Казахстана в сталинские времена.

Трудность конструирования национального нарратива о лагерях ГУЛАГа состоит в том, чтобы сохранить свою идентичность во время заключения и после выхода на свободу. Массовость репрессий против жителей Западной Украины, их компактное проживание в ссылке и нахождение в лагерях, создало условия, когда украинские узники представляли многочисленную группу и смогли «не раствориться» в многонациональном социуме ГУЛАГа. В этом коротком сообщении было представлено несколько характерных тематических доминант воспоминаний узников казахских спецлагерей. Это национальность и религиозность, готовность к сопротивлению и отстаивание собственного достоинства. Что увидели, как запомнили и рассказали о Казахстане и его жителях бывшие заключенные из Украины – это еще один аспект его украинского образа.

Список использованных источников:

1 Бондарук Л.В. *Український рух опору в радянських концтаборах у 40-х - першій половині 50-х років ХХ ст. [Текст] : дис. ... канд. іст. наук : 07.00.01 / Бондарук Лариса Василівна ; Київ. нац. лінгв. ун-т. - К., 2010. - 229 арк*

2 Бутковський Онуфрій. *Шлях через Голгофу (Спогади учасника Кенгірського повстання 1954 року.) [Режим доступу] <http://www.memorial.kiev.ua/genocyd-ukrajinciv/koncentracijni-tabory/164-shljah-cherez-golgofu-spogady-uchasnyka-kengirskogo-povstannja-1954-roku.html>*

3 Вронська Т. *Заручники тоталітарного режиму: репресії проти родин «ворогів народу» в Україні (1917—1953 рр.) / НАН*

України. Інститут історії України; Служба безпеки України. Інститут дослідження проблем державної безпеки. — К.: Інститут історії України, 2009. — 486 с.

4 Вронська Т. Упокорення страхом: сімейне заручництво у каральній практиці радянської влади (1917—1953 рр.). — К.: Темпора, 2013. — 624 с.: іл.;

5 Даниленко Марія. «Стерегли как золото, а цениди как г...» // Казахстан – Украина: дороги и перекрестки. 1917 – 2008 гг. Сборник воспоминаний и документов. – Алматы: Print Express, 2009 – С. 108 – 117.

6 Кісь Оксана. Українські жінки в ГУЛАГу: вижити значить перемогти: монографія. – Львів: Інститут народознавства НАН України, 2017 – 288 с.

7 Любович Уляна. Розкажу вам про Казахстан. Нариси з пережитого. – Вінніпег-Торонто: Новий шлях, 1969. – 194 с.

8 Найбургер Наталья «Сумую я сердцем в горах Казахстану» // Казахстан – Украина: дороги и перекрестки. 1917 – 2008 гг. Сборник воспоминаний и документов. – Алматы: Print Express, 2009 – С. 98 – 107.

9 Паливода Василь. Спогади українського повстанця та багаторічного в'язня таборів ГУЛАГу. – К.: Смолоскип, 2001.

10 Політичні репресії в Україні. (1917–1980ті рр.). Бібліографічний покажчик / Авт. вступ. статей: С. Білокінь, Р. Подкур, О. Рубльов; Упоряд.: С. Калитко, О. Рубльов, Р. Подкур, Л. Шевченко. К., 2007. – 456 с.

11 Порендовський Володимир-Ігор. У кігтях СТЕПЛАГУ (Кенгір 1949-1954). Спогади. – Львів: видавництво «Сполом», 2005. – 272 с.

12 Портнов Андрей. Украинский образ ГУЛАГа: Лагерный социум. Механизмы памяти и способы описания / дискуссия 14/11/2011. ГУЛАГ дискуссия память о прошлом проработка прошлого репрессии в СССР [Режим доступа] : <http://www.urokiistorii.ru/memory/conf/2578>

13 Фельдман А. Е. Рядовое дело. – М.: «Мемориал», 1993. – 63с. [Режим доступа]: <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=page&num=10111>

14 Щербакова И. память ГУЛАГа. Опыт исследования мемуаристики и устных свидетельств бывших узников. [Электронный ресурс] Уроки истории XX век. [Режим доступа]: <http://urokiistorii.ru/node/153>

15 Интервью с Тимчук Параской. 1925 г.р. от 23 февраля 2013 г. Архив Центра устной истории при Историческом факультете Киевского национального университета имени Тараса Шевченка.

16 Интервью с Дионисием П., 1924 г.р. от 7 марта 2007 г. Личный архив Оксаны Хомьяк

17 Интервью на сайте мемориального музея тоталитарных режимов «Территория террора» [Электронный ресурс]: <http://territoryterror.org.ua/uk/archive/video-archive/>

Т.В.Пастушенко

**Украина Ұлттық ғылым академиясының тарих институты
Киев, Украина
tetiana_p@ukr.net**

ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ ГУЛАГ-ТЫҢ УКРАИНДЫҚ БЕЙНЕСІ: ҰЛТТЫҚ

СИПАТТЫҢ ТАҚЫРЫПТЫҚ ДОМИНАНТТАРЫ

Аңдатпа. Тарихнамада украин тұтқындарының Қазақстан аумағындағы лагерлерге келу тақырыбы бірден-бір көп зерттелген тақырып болып табылады. Бұл мақалада, кугерлермен сұхбат және жарияланған естеліктер негізінде, бір жағынан украин сипатына тән мінездер ГУЛАГ әңгімелерінің негізгі тақырыбы ретінде ұсынылады, екінші жағынан - Қазақстанның географиялық және мәдени ерекшеліктері көрсетіледі. Атап айтқанда: христиан сенімінің ұлттық бірегейлігі мен ынтымақтастығы, жергілікті тұрғындар мен табиғаттың сипаттамасы, Кеңгір көтерілісі адамдық құндылықтарды сақтаудың үлгісі ретінде танылады.

Мақалада бұрынғы кеңестік лагерьлер мен Қазақстандағы арнайы лагерьлердегі украин тұтқындары жасаған дерек көздерінің зор эпистолярлық әлеуеті көрсетілген.

Түйінді сөздер: ГУЛАГ, КСРО-дағы саяси қуғын-сүргін, Украина ұлтшылдарының ұйымы, Батыс Украина, Қарлағ, Қазақстан.

T.V. Pastusheko

UKRAINIAN IMAGE OF GULAG IN KAZAKHSTAN: THEMATIC DOMINANCE OF NATIONAL ANALYSIS

Summary. The topic of the presence of Ukrainian prisoners in the Kazakhstani camps is one of the least researched in historiography. This

article represents the main themes in the stories about the Gulag, based on published memoirs and interviews with eyewitnesses, attached the utmost importance to the narrative a Ukrainian character on the one hand, and geographical and cultural peculiarities of Kazakhstan, on the other side. Namely: national identity and solidarity, Christian faith, Kengir uprising relate to the examples of upholding human dignity, description of local people and nature. The article shows the huge epistemological potential of the narrative sources created by former Ukrainian prisoners of Soviet camps and special settlements in Kazakhstan.

Keywords: Gulag, political repression in the USSR, Organization of Ukrainian Nationalists, Western Ukraine, Karlag, Kazakhstan.

УДК 81:0/9

Т.С.Кульпеисова
ЧУ Академия «Болашак»
Караганда, Республика Казахстан

ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ СИТУАЦИЯ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

Аннотация. В развитии языковой политики Казахстана выделяется четыре этапа. Первый этап (1920-1938 гг.) характеризуется паритетным казахско-русским двуязычием; второй этап (1938-1987 гг.) характеризуется доминированием русского языка и периферизацией казахского языка, сложившегося в результате эвакуации, депортации, миграции различных слоев населения Советского Союза в Казахстан и жесткой государственной политики в отношении языков коренного населения; третий этап (1987-1995 гг.) характеризуется форсированным повышением статуса казахского языка за счет административных мер, четвертый этап (1995 г.- по настоящее время) характеризуется сбалансированной языковой политикой, основанной на государственном статусе казахского языка и фактическом признании доминирующей роли русского языка в социальной и общественной жизни.

Ключевые слова: лингво-культурная ситуация, межнациональное общение, языковая политика, межкультурный диалог, толерантность.

Языковая политика Республики Казахстан последних двух десятилетий направлена не только на возрождение и развитие казахского языка, но и на обеспечение эффективного диалога между всеми культурами и языками, сосуществующими на территории Казахстана. Среди них особенно тесное взаимодействие демонстрируют две культуры – русская и казахская – культуры двух народов, в течение длительного времени проживающих рядом на одной земле, прошедших вместе непростой путь исторического развития, взаимно обогативших друг друга. Суверенитет Казахстана привёл к тотальному изменению этнодемографической ситуации в стране. Эмиграция населения из Казахстана в Россию и страны Европы снизила население страны на 9,1 %. За годы суверенитета численность абсолютного большинства народов Казахстана значительно сократилась. За 1989 – 1999 гг. численность немцев уменьшилась на 63,1 %. Численность русского населения снизилась на 28,6 %, украинцев – на 38,9 %, татар – на 24,1 %, белорусов – на 38,7 %, корейцев – на 3,5 %, азербайджанцев – на 13,1 %, поляков – на 21,1 % и т.д. Снизилась также численность чеченцев, башкир, молдаван, ингушей, мордвы, армян, греков, киргизов, болгар, лезгин, туркмен и абсолютного большинства других народов Казахстана. За период с 1989 по 1999 годы заметно возросла численность казахов, увеличившись на 22,1 %, кроме того увеличилась численность узбеков – на 11,6 %, уйгур – на 13,5 %, дунган – на 22,4 % и курдов – на 28,8 %. Согласно данным Всесоюзной переписи 1989 года, неказахское население только в двух из 19 тогдашних областей Казахской ССР составляло менее 1/4 всего населения: в Кызыл-Ординской (17,3 %) и Чимкентской, ныне Южно-Казахстанской (23,5 %). В семи областях на долю этой части нетитульного населения приходилось от 2/3 до 4/5 всего населения: Кокчетавской, Павлодарской, Восточно-Казахстанской, Целиноградской (Акмолинской), Кустанайской, Карагандинской и Северо-Казахстанской. В остальных областях эта доля колебалась в пределах от 27,5 % в Гурьевской (ныне Атырауской) до 47,1 % в Семипалатинской. В 1999 в Казахстане была проведена первая национальная перепись населения, показавшая, что доля казахов во всем населении республики поднялась с 40,1 % до 53,4 %. Наибольшую прибавку как к

абсолютной численности казахов, так и к их удельному весу дали южные и западные области. На севере и востоке доля казахов также увеличилась во всех областях. Наиболее сильными были изменения в национальном составе населения Астаны (бывшей Акмолы): с 1989 абсолютная численность казахов в населении этого города возросла в 2,6 раза, удельный вес – примерно в 2 раза, так что их доля в населении новой столицы составила 41 %. Тесное взаимодействие отмечено и среди языков населяющих Казахстан народов. Ранее не знакомые реалии и некогда иноязычные наименования постепенно становятся знакомыми и привычными для слуха. Такие слова, как джигит, юрта, батыр, бешбармак, айран, акын, домбра и многие другие уже не нуждаются в пояснении, так как находятся в постоянном употреблении у русскоязычных жителей Казахстана. Что же касается русского языка, то, как известно, на протяжении значительного исторического периода он являлся языком межнационального общения, и в сегодняшней межкультурной коммуникации он также играет роль своего рода «гармонизатора» общения представителей разных лингвокультурных традиций. Это справедливо и для живого диалога, и для письменной коммуникации. Русский язык стал проникать на территорию современной Республики Казахстан в конце XVIII – начале XIX веков, когда казахские жузы один за другим вошли в состав Российской империи. В середине XIX века было ликвидировано ханское правление, делопроизводство и общественная деятельность стали вестись на русском языке, вытесняя, в результате, казахский язык в сферу частного, семейного общения. Длительный период Казахстан находился в составе Российской империи, а затем и СССР. Тогда основополагающим на всей территории Союза и законодательно закреплённым государственным был русский язык, до середины 1980 годов скачкообразно (в 1939, 1957, 1969, 1983) велось сворачивание делопроизводства на казахском языке в сельских районах (в городах делопроизводство изначально было на русском языке), закрытие школ с казахским языком обучения. До конца 1980-х годов только в Конституциях трёх закавказских республик – Азербайджанской, Армянской и Грузинской ССР – было понятие «государственный язык», следующей союзной республикой стала в 1989 году Молдавская ССР, где в качестве государственного провозглашен молдавский (румынский) язык, а русский определен как «язык межнационального общения». В принятом 22 сентября 1989 года Законе о языках в Казахской ССР было введено понятие

«государственный язык», а казахскому языку был придан статус государственного, за русским языком был закреплен юридически статус «языка межнационального общения». Позднее, поправками в Конституции Республики Казахстан определено, что «наравне с государственным официально применяется русский язык». К моменту распада СССР по оценкам некоторых политологов совокупная численность так называемых русскоязычных в Казахстане превышала численность титульного населения. Согласно данным переписи 2009 года наиболее распространённым языком в Казахстане был русский язык: 94,4 % населения страны указали, что понимают устную русскую речь, 84,8 % населения умеют и читать и писать по-русски, 3,4 % только читать. В то же время понимают казахскую устную речь 74 % населения страны, умеют читать и писать по-казахски 62 % населения, а 2,9 % только читать. Среди различных этносов Казахстана наблюдаются существенные различия в степени владения языками. Так, среди славянских этносов понимают устную казахскую речь 25,3 % русских, 21,5 % украинцев, 19 % белорусов и 20,9 % поляков. Сходный уровень владения казахским языком демонстрируют и немцы – 24,7 %. О том, что способны читать и писать по-казахски заявили 6,3 % русских, 5,2 % украинцев, 4,8 % белорусов, 6,6 % поляков, 7,9 % немцев. О том, что по-казахски умеют только читать заявило от 2 до 2,9 % представителей этих национальностей. В то же время высокий процент понимающих устную казахскую речь наблюдается среди собственно казахов – 98,4 %, а также ряда тюркских народов: узбеков – 95,5 %, уйгуров – 93,7 %, киргизов – 92,7 %. Но если среди казахов умеют читать и писать по-казахски 93,2 %, то среди других перечисленных тюркских народов это умеют 61-63 %, а еще 8-12 % заявили, что могут только читать по-казахски. Степень владения русским языком среди славянских народов и немцев составляет около 99 %, а читают и пишут по-русски 97 %. Из всех этнических групп, по которым опубликованы сведения, меньше всех по-русски понимали этнические таджики – 85,2 %, у них же самая низкая доля умеющих читать и писать по-русски – 56,6 %. Из всех остальных этносов Казахстана понимают по-русски от 92,1 % (собственно казахи) до 98,4 % (татары), а умеют читать и писать по-русски от 68,3 % (узбеки) до 95,5 % (корейцы). Среди казахов умеют читать и писать по-русски 79,1 %. После обретения независимости в Казахстане в рамках процесса возрождения языка, культуры и обычаев казахского народа издаётся большое количество самой разнообразной литературы.

Это и современная казахская проза, и поэзия, и ранее не известные широкому кругу читателей произведения реабилитированных казахских писателей, и исторический эпос казахского народа, и книги для детей, и журналы, например «Изучаем казахский язык» и др. Многие из новых изданий выходят на двух (русском и казахском) или трех (также английском) языках. С момента создания суверенного государства в республике было объявлено о подготовке к переводу делопроизводства на казахский язык. Но существовали определенные трудности: в первую очередь, казахи сами слабо владели государственным языком, по большей части только на бытовом уровне, во-вторых, не существовало приемлемого учебно-методического комплекса для изучения языка нетитульными этносами, в-третьих, понятийный аппарат казахского языка был слишком ограниченным и не смог бы обеспечить функционирование государственной системы. За годы независимости правительство смогло укрепить позиции титульного этноса, а, следовательно, и языка. С середины 1990-х гг. постоянно обсуждались на страницах прессы языковые проблемы молодого независимого государства. С 1994 г. начала работать Государственная терминологическая комиссия, которая осуществляла перевод терминов с русского языка на казахский. Выпускались новые словари, учебники, пособия для переводчиков. Терминологическая комиссия систематически вносила поправки в ранее утвержденные термины, которые и сейчас публикуются на страницах «Казахстанской правды». Обилие новых терминов, множество редакций словарей, изменения в самой структуре языка в течение столь непродолжительного отрезка времени в некоторых случаях могут вызывать затруднения при использовании современного казахского языка в делопроизводстве, письменной речи, общественной жизни. Несмотря на определенные трудности, в государстве после 2005 года в заметном количестве были подготовлены квалифицированные кадры, призванные преподавать государственный язык. В развитии языковой политики Казахстана выделяется четыре этапа. Первый этап (1920-1938 гг.) характеризуется паритетным казахско-русским двуязычием, второй этап (1938-1987 гг.) характеризуется доминированием русского языка и периферизацией казахского языка, третий этап (1987-1995 гг.) характеризуется форсированным повышением статуса казахского языка за счет административных мер, четвертый этап (1995 г. - по настоящее время) характеризуется сбалансированной языковой политикой, основанной на государственном статусе

казахского языка и фактическом признании доминирующей роли русского языка в социальной и общественной жизни [Базарбаева 2002; Косубаев 1999]. На первом этапе после установления советской власти в Казахстане новые органы управления с целью сохранения своего влияния на местное население должны были найти возможности взаимодействия с окраинными народами бывшей Российской империи. Для достижения этой цели была избрана модель союза национальных государств, подчиненных определенной политической системе. Поэтому одной из главных задач политики советского государства в отношении народов Средней Азии и Казахстана стало устройство национальных административных единиц, основывающихся на этнолингвистических критериях. Именно в это время предпринимаются конкретные действия государственных органов по укреплению статуса казахского языка, составлению и выпуску первых учебников, внедрению казахского языка в делопроизводство, подготовку национальных кадров. Сразу после образования Казахской АССР были предприняты шаги по обеспечению совместного функционирования русского и казахского языков в различных сферах общественной жизни. Подобные действия объясняются языковой политикой, проводимой государством на данном этапе становления советской власти и необходимостью привлечения представителей коренной национальности к процессу создания советской государственности. До конца 30-х годов наблюдается равноправное функционирование языков - русского и казахского. Впоследствии в республике складывается несколько иная демографическая и лингвистическая ситуация. В 1938 г. был принят ряд постановлений, например, «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей» (13 марта 1938 г.). Постановления, касающиеся изучения русского языка, принимались также в 1948, 1967, 1978, 1983 гг. [Базарбаева 2002; Гарковец 1990; Косубаев 1999; Кушербаева 1996; Сборник документов 1997]. Статус русского языка как государственного закрепляется документально. Репертуар функций казахского языка фактически сужается, хотя этот факт не получает прямого отражения в государственных постановлениях. В последующие годы ситуация усложняется за счет фактора многоязычия, сложившегося в результате эвакуации, депортации, миграции различных слоев населения Советского Союза в Казахстан и жесткой государственной политики в отношении языков коренного населения. Особо следует сказать о массовых репрессиях,

следствием которых было уничтожение видных деятелей казахской национальной культуры. С конца 1930-х годов Казахстан в составе СССР переживает новый этап языковой политики, под влиянием которой функции русского языка значительно расширяются, а сферы применения казахского языка сужаются. Увеличивается количество носителей русского языка и в результате приобщения местного населения к индустриальным формам производства, способствующего включению жителей республики в соответствующую социальную и культурную среду.

В период становления новой казахской государственности ощутимой стала необходимость в разумной языковой политике. Был разработан и принят в 1989 году Закон о языках [Сборник документов 1997]. Принятие этого закона способствовало решению ряда национальных и языковых проблем. Закон о языках, определивший третий этап в развитии языковой политики в Казахстане, установил статус языков: казахский язык получил статус государственного языка, русский - языка межнационального общения. Казахский язык обладает определенной традицией, дающей основание для выполнения им функций языка государственного. Начиная с 1989 г. был принят ряд мер, направленных на укрепление этого статуса и роли казахского языка в общественной жизни. С 1995 г. начинается отсчет четвертого периода развития языковой политики в государстве. В августе 1995 года принята новая Конституция Казахстана, которая максимально сблизила статус двух языков, провозгласив казахский язык государственным, русский - официальным [Конституция Республики Казахстан 1995; Сборник документов 1997]. Новые конституционные положения, отражающие демократическое решение вопросов, связанных с экономическими, политическими, социальными, этническими проблемами государства, в значительной мере стабилизировали социально-политическую обстановку в республике. В ноябре 1996 г. была одобрена Концепция языковой политики [см.: Сборник документов 1997], стратегически направленной на сохранение паритета языков в переходный период и одновременное осуществление задач государства по созданию условий для развития казахского языка как государственного.

В июле 1997 г. принимается новый Закон о языках в Республике Казахстан. Данный Закон подтвердил статус казахского языка как государственного, углубил правовые основы функционирования языков, определил обязанности государства по

созданию условий для их изучения и развития [см.: Сборник документов 1997; Казахстанская правда, 15 июля 1997]. В Законе подчеркнуто, что одним из важнейших аспектов государственной идентичности является наличие государственного языка и следование языковой политики определенным приоритетам. Документ достаточно адекватно отражает языковую ситуацию, сложившуюся в Казахстане, и реально защищает интересы всех народов, проживающих в республике. Казахстан - это полиэтническое государство со своим культурным и историческим наследием, и многовековым опытом специфического лингвокультурного общества. Последствия тоталитарного советского режима определенным образом сказываются на языковой ситуации, однако нельзя забывать о том, что в процессе длительного совместного проживания, русский язык выполнял свою основную функцию - служил не только средством общения, но и средством интеграции разных этносов в единый народ. В этой связи вспомним высказывание Олжаса Сулейменова: «У нас весь XX век в трудах, драмах и великих свершениях вырабатывалось много общего, в том числе и язык межнационального общения. Это ценность, от которой нельзя отказываться, запираясь в скорлупу национальных границ. Благодаря русскому языку в национальные культуры вошел весь мир. И вот полтора десятилетия после развала Союза область распространения русского языка сжимается, как шагреновая кожа. И уже только 40 % азербайджанцев могут читать и разговаривать по-русски. В Армении, Прибалтике - на порядок меньше. В мире пять тысяч наречий, и только шесть из них признаны официальными языками ООН. Русский язык в том числе. И если казах в качестве второго знает и русский - это достоинство, от которого не надо отказываться, это было бы бесхозяйственно. Если узнает и третий, и четвертый язык - браво. Прибавлять новое, но не отказываться от того, что уже имеешь, - вот девиз новых поколений» [Сулейменов 2005: 3].

Думается, что разумная языковая политика, направленная на защиту интересов носителей языков, проживающих в полиэтническом государстве, может снять острые углы лингвистических противоречий. Время показало, что в Казахстане найден целесообразный лингвистический баланс, созданы условия для развития триединства языков. Одним из важнейших аспектов происходящей в казахстанском обществе экономической и социальной модернизации выступает политика в области языка. Внимание Лидера нации к этой составляющей

государственной политики очевидно и заслуживает самого пристального изучения и анализа, поскольку именно в нашей республике реализуется уникальный проект, инициированный Главой государства, — **триединство языков**. В современном мире, полиязычном и мультикультурном, как никогда актуальна проблема сопряженности языков, поиск эффективных и жизнеспособных программ в области языков по консолидации обществ. В связи с этим значимость и актуальность полиязычного образования, являющегося результатом внедрения идеи Президента о триединстве языков, не вызывают сомнения.

В своих выступлениях и обращениях Президент страны Нурсултан Абишевич Назарбаев неоднократно говорил о важности и значимости развития полиязычия для многонационального казахстанского общества. Идею триединства языков в Казахстане Президент впервые озвучил ещё в 2004 г., впоследствии неоднократно к ней возвращаясь. Так, в октябре 2006 г. на XII сессии Ассамблеи народа Казахстана Глава государства вновь отметил, что знание, как минимум, трех языков важно для будущего наших детей. А уже в 2007 г. в Послании народу Казахстана «Новый Казахстан в новом мире» Глава государства предложил начать поэтапную реализацию культурного проекта «**Триединство языков**». Именно с этого момента и начинается отсчёт новой языковой политики независимого Казахстана, которая сегодня может служить примером для других стран мира по степени популярности в обществе и уровню своей эффективности. Гармонично войдя в процесс духовного развития народа, языковая политика неотделима от общей политики масштабной социальной модернизации. Президент считает, что для успеха модернизации очень важно, чтобы каждый гражданин был полезен своему Отечеству. Модернизация нужна всем казахстанцам. Только при таком понимании может быть достигнут широкий общественный консенсус и успех [1].

«Казахстан должен восприниматься во всем мире как высокообразованная страна, — неоднократно подчёркивал Президент, — население которой пользуется тремя языками. Это: казахский язык — государственный язык, русский язык — как язык межнационального общения и английский язык — язык успешной интеграции в глобальную экономику» [2]. Благодаря инициативе Президента наше государство приступило к реализации концепции полиязычия в образовании, потому что именно полиязычие послужит укреплению конкурентоспособности Казахстана.

Культурный проект «Триединство языков», предложенный Президентом Республики **Казахстан** Н.А. Назарбаевым, в полной мере можно считать одной из долгосрочных стратегий развития Казахстана. Реализация данного проекта во многом обусловит становление нового поколения казахстанцев, владеющих несколькими языками, имеющих широкие возможности позитивного роста своих сущностных сил и формирования конкурентоспособности как в профессиональной сфере, так и в личностной самореализации.

Сейчас сложились благоприятные социальные и экономические условия для перевода казахской графики на латиницу. И казахстанское общество должно понять, что реализация предложения по переводу казахского алфавита с кириллицы на латиницу в итоге еще больше сплотит нацию, приблизит нас к современным достижениям научно-технического прогресса и приведет к дальнейшей интеграции Казахстана в современные коммуникационные процессы.

Список использованных источников:

1. Назарбаев Н.А. Новый Казахстан в новом мире // Казахстанская правда. — № 33(25278). — 2007. — 1 марта
2. Назарбаев Н.А. Социальная модернизация Казахстана: Двадцать шагов к Обществу Всеобщего Труда // Казахстанская правда. — 2012. — № 218-219.
3. Базарбаева Г.А. Становление и развитие языковой политики в Республике Казахстан: Автореф. дис. канд. филос. наук. Алматы, 2002. - 27 с.
4. Гарковец А.Н. Принципы национальной политики и языкового строительства. Алма-Ата, 1990. - 76с.
5. Косубаев А. Становление этнополитики Республики Казахстан в переходный период: Автореф. дис. канд. филос. наук. Алматы, 1999. - 26 с.
6. Сборник документов. Алматы, 1997. - 45 с.
7. Сулейменов О. Не стоит бежать за Розой и Померанцем // Аргументы и факты. 2005. №11. - С.2-3
8. Конституция Республики Казахстан. 1995.
9. Газета «Казахстанская правда», 15 июля. 1997.

Т.С.Кульпеисова
ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНДАҒЫ ЛИНГВО-МӘДЕНИ
ҚАРЫМ-ҚАТЫНАС

Адаптама. Мақалада Қазақстан Республикасындағы лингво-мәдени қарым-қатынас туралы баяндалады. Уақыттың өзі Қазақстан Республикасында тиісті лингвистикалық баланстың анықталғандығын көрсетіп отыр. Үш тілділік нағыз мәдени аралық диалогты қолдайды.

Түйінді сөздер: Лингво-мәдени жағдай, ұлтаралық қарым-қатынас, тіл саясаты, мәдениетаралық диалог, төзімділік.

T.S. Kulpeisova
THE ARTICLE DEALS WITH THE LINGUISTIC AND
CULTURAL SITUATION IN KAZAKHSTAN

Summary: Time has shown that an appropriate linguistic balance has been found in Kazakhstan, conditions have been created for the development of the triune language. National policy has allowed to avoid political tension, to realize the real coexistence of the three languages in Kazakhstan. It is the trinity of the language that supports intercultural dialogue, contributes to the formation of ethnic, social, ideological, communicative and pragmatic tolerance. Kazakhstan in 2025 will completely switch to the Latin schedule. This is due to the peculiarities of the introduction of modern technologies and communications, scientific and educational processes in the 21st century.

Л.І. Рожкова
Сумський національний аграрний університет
Суми, Україна
aluda-6619@ukr.net

ДЕПОРТАЦІЯ ТА ПОВСЯКДЕННЕ ЖИТТЯ У КАЗАХСТАНІ В 1940 – х рр..(ЗА СПОГАДАМИ УЛЯНИ ЛЮБОВИЧ)

Примусові виселення представників окремих етнічних груп з місць постійного проживання було складовою частиною політики царизму у ХІХ – на початку ХХ ст.: встановлення межі осілості для євреїв [1,с.72] або переселення німців та осіб єврейського походження з районів ведення воєнних дій в період Першої світової війни [2,с.126]. Успадкувавши обмежувально-репресивний характер політики царського уряду, більшовицька влада широко застосовувала подібні методи щодо представників окремих соціальних груп або народів, починаючи з 1930-х рр..

«Великий перелом» або ж «сталінська революція з гори», - форсована індустріалізація, примусова колективізація, - супроводжувалися посиленням репресій, зокрема, й висланнями «ворогів народу» - заможних селян, інтелігенції, служителів церкви. Перші партії селян (так званих куркулів та підкуркульників) були вислані на Урал, в Казахстан, до Сибіру, Далекого Сходу в 1930-31 рр.. [3,с.27]. В офіційних документах висланих називали «спецпереселенцями», згодом – «трудопоселенцями» або «спецпереселенцями». Депортації, окрім каральних функцій, відповідали планам компартійної влади заселяти та освоювати величезні території на схід від Уралу, а також сприяли перемішуванню народів і зменшенню «націоналізму».

Після початку Другої світової війни і вступу на територію Західної України Червоної Армії (так званий «золотий вересень» 1939 р.) у регіоні розпочалося утвердження радянського режиму, що супроводжувалося усуненням із суспільного життя представників впливових верств – державних службовців, землевласників, релігійних діячів, інтелігенції, лояльної до польського правління. Протягом 1930-х – 1940-х рр. відбулося декілька хвиль депортацій [4,с.324]. Перша депортація відбулася в

лютому 1940 р. й охопила родини колишніх польських осадників. Через два місяця вивезли родини польських офіцерів, насамперед тих, хто опинився в радянському полоні. Третє вивезення, яке охопило переважно євреїв, організували в літку, а останнє – 1941 р., напередодні початку німецько-радянської війни. За даними польських істориків, загальна кількість висланих становила близько 325 тис. осіб [5,с.271].

Організація процесу депортації населення України та Білорусії була покладена на Народний комісаріат внутрішніх справ і регулювалося Положенням та Інструкцією НКВС про спецпоселення і трудове влаштування осадників від 29 грудня 1939 р. [6,с.280-283]. При виселенні осадникам дозволялося брати із собою речі, продукти харчування, господарські інструменти, гроші та інші речі загальною вагою до 500 кг. на сім'ю. Передбачалося використання пасажирських вагонів місткістю до 30 осіб, під час транспортування вислані мали отримувати гарячу їжу та медичну допомогу. На практиці депортованих та засуджених перевозили, як правило, у «столипінських вагонах» - товарних, призначених для худоби, інколи облаштованих нарами та пічкою. Причеплені один до одного, ці переповнені вагони складали ешелони, які прямували до Сибіру, Казахстану протягом кількох тижнів. На думку американської дослідниці історії ГУЛАГу Енн Епплбом, «депортовані зазнавали таких самих, як і їх відправлені до таборів земляки страждань – коли не більших. У таборах принаймні були пайки і спальні місця. Засланці часто не мали ні того, ні іншого. Влада часто відправляла їх у глухі ліси чи маленькі села – у Північній Росії, Казахстані, Середній Азії – і залишала там самим добувати собі харчі, іноді без жодних засобів для цього» [7, с.332].

Історія депортацій знайшла відображення не лише в офіційних документах. Літературні твори, спогади тих, хто пережив заслання, містять цінні факти та спостереження, допомагають відтворити правдиву картину подій. В автобіографічному документальному романі польського письменника Збігнева Доміно «Сибіріада Польська» розповідається про депортацію польських, польсько-українських і єврейських родин із Західної України до Сибіру, про їхнє важке буття в тайговому краї (1940 – 1946 рр.).

Цікаві спогади про заслання та життя у Казахстані у роки Другої світової війни залишила Уляна Любович (літературний псевдонім У. Старосольської) (1912 – 2011). Донька українського громадського політичного діяча, голови Української соціал-демократичної партії, професора права Володимира Старосольського (1878 – 1942), народилася у Львові, навчалася у

гімназії Українського педагогічного товариства «Рідна школа», музичному інституті ім. М.Лисенка, співробітничала з журналом «Нова хата», «Господарсько-кооперативним часописом»; була активною учасницею пластового руху – членом української патріотичної організації «Пласт». У 1940 р. батько Уляни, на той час – професор права Львівського університету ім. І.Франка, був заарештований НКВС, а згодом – засуджений за «контрреволюційну діяльність» і етапований до сибірських таборів.

У квітні 1940 р. дружину В.Старосольського Дар'ю (уроджену Шухевич) разом з дітьми Улянєю та Ігорем було відправлено на заслання до Казахстану. Через кілька десятиліть Уляна Любович видала спогади про подорож та життя «у країні морозів і буранів» [8]. «Нариси з пережитого» під назвою «Розкажу вам про Казахстан» уперше були опубліковані 1969 р. у канадському видавництві «Новий шлях», згодом видані в США, 2001 р. вийшли друком у львівському видавництві «Каменярь». Позбавлені властивого творам багатьох авторів діаспори викривального пафосу на адресу комуністичної влади, спогади Уляни Любович допомагають зрозуміти, насамперед, що пережили ті, «ті що їх у квітні 1940 року повезли далеко на схід, у різні сторони Казахстану і Сибіру...» [8,с.8].

Пам'ять автора зберегла усі подробиці трьохтижневої подорожі, яка розпочалася 13 квітня 1940 р. на залізничній станції Львів, куди протягом кількох днів вантажними автомобілями привозили родини засуджених, як правило, жінок, дітей, інших родичів. «Нам дозволили збиратися всього кільканадцять хвилин» [8,с.10] і помістили у «вагон-теплушку». Цей примітивний транспорт став символом розриву з колишнім життям і початком нового.

Усім людям у вагоні доля нагло перетяла їхнє життя. Усі малі й великі справи, будована роками доля, була перерізана наче ножем, коли брутальна сила захопила усіх уночі і вкинула до цього вагону. Кожний досі ішов спати з якимсь завтра, а тут цього завтра цього не було. Справи любові і ненависті, гніву, жалю, щоденних турбот і радості, - все залишалось по тому боці заплomboваного вагону. [8,с.11].

Мізерне харчування, нестача води перетворювали транспортування людей на виснажливе випробування.

Ранок починається тим, що з вікна сусіднього вагону все один і той самий дівочий голос зачинав кричати щосили:

– Води, води!

Скоріше чи пізніше, змучені або знуджені тим криком конвоєнти (конвоїри – Л.Р.) отвирають (відчиняють – Л.Р.) один за одним вагони та випускають по дві особи по воду... Інколи приносять нам хліб. [8,с.19].

У дорозі депортовані зазнавали не лише фізичних страждань, але й приниження людської гідності.

Вагон сниться мені завжди таким, яким був він уночі. Може це тому, що вночі кожний з нас вглиблювався у себе, у свої справи. Вночі вагон був навантажений п'ятдесятьма людськими трагедіями. Удень приходили до голосу, набирали значення люди – з їх проблемами їсти, пити і навіть віддихати (справляти природні потреби – Л.Р.), бо і це було проблемою. [8,с.10].

Найважче випробування випали на долю найстарших та хворих:

майже одночасно з нами внесли до вагону на фотелі (кріслі – Л.Р.) стареньку пані. За нею, ридаючи, увійшла друга жінка і внесла якісь старосвітські торби і валізи. Тим самим стали вони нашими сусідами в цій дорозі до пекла. [8,с.21].

Не краще доводилося і маленьким дітям: «Ми всі спимо мало. Тільки діти мають можливість лежати» [8,с.19].

Місцем призначення для засланих з Західної України стала «маленька станція серед степу у цій частині Казахстану, що колись називалася Сибкраєм» [8,с.27]. Ймовірно, родина Уляни Любович була відправлена на поселення до північного Казахстану: автор згадує колгосп Каргали та районний центр – село Жарму:

Стоїть погідний день навіть вітер устав. В'їздимо в Каргали. Широченна, одна вулиця заросла травою. Обабіч стоять хати з невипаленої цегли – саману, з плоскими дахами. Хати боком до вулиці, ні одне віконце не виходить на вулицю. Де-не-де поміж хатами дерева [8, с.33].

Як з'ясувалося, прибулі з Західної України поповнили контингент «чужинців» у казахстанських степах.

На окраїні села був колгосп так званих «спеців». Так скорочено називали переселенців з часів розкулачування. Ці були з під Ленінграду. Вони жили в довгих сірих бараках-хатах [8,с.89].

Депортовані залучалися до важкої фізичної праці у різних галузях промисловості, на лісозаготівлях (як наприклад, герої роману «Сибіріада польська»), будівництві, у сільському господарстві.

Нас поселили у колгоспі і відразу погнали до праці у полі. Була весна, і треба було швидко обсіяти поля. Тож «фахові» робітники, як ми були потрібні [8,с.34].

Не раз сталися у пригоді Уляні набуті у пластунських таборах Прикарпаття вміння триматися верхи і правити конем, а згодом - волами, розпалювати і підтримувати багаття у степу, не занепадати духом за будь яких обставин. В той же час жінку не полишала тривога та хвилювання за близьких.

Постійним товаришем нашого життя в Казахстані був страх, боязнь перед кожною наступною хвилиною, перед тим, що ще може прийти. Поки ми були разом, то ще півбїди разом. Але колись хтось з нас віддалявся, то починалося вичікування, повне не спокою і різних побоювань [8, с.45].

Однак, історія депортації – не лише трагічна епопея людських поневірянь та злочинів сталінського режиму проти багатьох народів. Це також численні свідчення солідарності та інтернаціональної допомоги людей: казахів, корінних сибіряків - бурятів, росіян, життя яких під час війни було не набагато кращим ніж депортованих. Окрім українців, Уляна Любович згадує засланих узбека, «німця з Поволжя», чеченську родину, яку «...вивезли сюди, як і усіх чеченців з Кавказу».

Зі щирою симпатією автор описує місцевих мешканців – представників «вільного і гордого казахського народу», особливо дітей.

Маленькі казачата (казахські діти – Л.Р.) подібні на Будду. Їхні круглі пухкі личка відбирають (зменшують – Л.Р.) гострість вистаючим вилицям. Скисні прорізи додають чару чорним очам. У малого Урусбая була ще й мила посмішка скорого до сміху пустуна [8, с.35].

Добросусідські стосунки склалися між українкою та матір'ю трьох дітей, казашкою Карис, у помешканні якої Уляна Любович прожила тривалий час.

Хата Карис була пересічною казахською хатою...Ця хата була із саману, цебто з невипалених цегляних кісток, наче б цеглин, з плоским вимазаним глиною дахом. Двері, збиті з кількох дощок, вели до великих сіней – стайні. Там стояли дві корови, головне джерело виживлення (харчування – Л.Р.) Карис та її дітей [8,с.102].

Незважаючи на мовні, релігійні, культурні відмінності жінки, які залишились без чоловічої підтримки (чоловіка Карис, Рахман з початком німецько-радянської війни було мобілізовано до Червоної Армії, а брата Уляни – до «трудоармії»), мали разом долати злидні воєнного лихоліття і шукати способів виживання:

Дві самотні жінки, яких ділила фізично стіна хати, а психічно так дуже багато. Дві жінки з інших світів, інших рас, іншої культури. Проте дві жінки, яких в'язала журба і страх за наших найближчих – в неї за чоловіка, що воював десь в далекій Європі, в мене за моїх рідних, що каралися (відбували термін ув'язнення – Л.Р.) десь у лагерьх або були у незаних мені місцях широкого світу. Дві жінки, що мусили боротися за прожиток (фізичне виживання – Л.Р.), за кусень хліба, томливо, за саме фізичне виживання. А притому дві жінки, що жили споминами і мусили мати якусь надію, щоб жити [8,с.104].

Вони ділилися не лише розповідями про народні звичаї та свої родини, але й усім, що мали:

Инколи, коли у мене був хліб, я давала дітям по кусочку. Ні, не думайте, що по скибці – стільки хліба не було. От просто кусничок (шматочок – Л.Р.) завбільшки пів пальця [8,106].

Українки слухали тужливих степових пісень та вчили Карис садити городину і навіть варити борщ.

Повсякденне життя засланих наповнювали не тільки праця, щоденні турботи, взаємна допомога і підтримка. Сили долати труднощі надавала їм надія на кращі часи, на зустріч з близькими та Батьківщиною. Один з героїв «Сибіради польської», Ян Долина, звертається до сина Сташека (Станіслава):

- Обіцяй мені одне, бо ти вже великий і сам розумієш, в житті може бути ще по різному. Дай мені слово, сину, що якби так, не дай Боже, зі мною щось сталося, то ти ніколи, ніколи про Польщу не забудеш! Повернешся до Польщі і Тадзя (Тадеуша, молодшого брата – Л.Р.), до неї забереши. Розумієш мене, сину! Цей мій наказ краще, ніж десять заповідей, запам'ятай собі! [9,с.480].

У спогадах Уляни Любoвич є зворушлива розповідь про відзначення традиційних українських свят у казахському засланні.

Серед боротьби за прожиття, за їжу, за тепло, але ж і за тим, щоб не піддатися без надії та розпачі – не можна було поминути Різдва, не відсвяткувати народження Божого Сина.

Як приготувати Свят-вечір? Хоч не з дванадцяти традиційними стравами, але все таки не в голоді. Були буряки на борщ, була пшениця на кутю, хоч і не солодку. Хтось дістав навіть замерзлу рибу і держав її у природному холодильнику, не опаленій ізбі, так, щоб додержати до свят. Хтось ховав кілька кришталіків сахарини, щоб посолодити – на добру ворожбу [8,с.94].

Турботливі руки жінок виготовили ялинку з книжкових обкладинок, прикрасили її саморобними іграшками та свічками, але бракувало головного – запаху справжньої ялинки і звісток з рідного краю. Але напередодні Різдва Уляна отримала посилку від подруги, в якій, окрім необхідних речей та ліків, була гілочка ялиці (рос. піхта), що нагадала Україну.

Маленька гілочка ялички...наповнила ізбу запахом Різдва і дому, оживила паперову ялинку, що кидала тінь-образ «божого дерева» на холодні стіни хати. І коли ми заспівали старовинну коляду «Бог Предвічний», наші, зовсім не концертні голоси розвалили ізбу, вирвалися з обіймів забутого сибірського сільця і полетіли тисячі кілометрів на захід [8,с.98].

В іншій главі У. Любович згадує про відвідини на Великдень у Семипалатинському шпиталі чоловіка, з яким її пов'язували родинні або дружні стосунки.

Щоденно, разом з гуртом інших:казахів, росіян, азербайджанців, євреїв, поляків, я стояла годинами перед входом до ...будинку, де приміщувався (розміщувався Л.Р.) [8,с.152].

З великими труднощами жінці вдалося дістати борошна і спекти кулич, пофарбувати лушпинням цибулі яйце і, зрештою, передати медсестрою обрядову їжу хворому, що дозволило усвідомити особливу урочистість події усім, хто був до неї причетний.

...Я розказую сестрі, що за давнім звичаєм, ми при поділі яйця складаємо (загадуємо Л.Р.) собі бажання і що ці бажання мають силу здійснитися [8,с.154].

Зрештою, всіх об'єднувало спільне прагнення – дочекатися закінчення війни: місцеві жінки сподівалися на повернення бійців, депортовані – на звільнення та зустрічі з близькими. Листи, що надходили до Казахстану, віддзеркалювали зміни у свідомості фронтовиків.

Воююча Червона Армія здобула Європу, водночас вояки (воїни – Л.Р.), в такий чи інший спосіб, побачили життя людей на здобутих територіях, хоч у луні (відлунні – Л.Р.) пожеж, насилля, але все таки із слідами давнього способу життя. В село приходять листи, в яких напівграмотні люди простими словами виявляють враження про здобутті країни. Правда, був і лист молодого казаха, писаний у прегарному місті Кракові, який жалувався, як дуже тужить за сірим степом Казахстану... Але й були листи, де описано не вулиці, церкви та парки, але просто хати

мешкання, крамниці одяг жінок. І було сказано, що коли повернуться, то будуть жити інакше... Він (воїн - казах – Л.Р.) «заразився» Європою... Мужчини поверталися іншими [8,с.109].

По різному склалися долі депортованих. Колишніх польських громадян наприкінці війни радянським урядом було амністовано, вони отримали можливість повернутися до Польщі. Роки війни, депортація стали суворим випробуванням як для окремих родин, так і для багатьох народів. У 1941 р. в казахстанському засланні померла Дар'я Шухевич-Старосольська, а наступного року в таборі в Кемеровській області обірвалося життя великого патріота України Володимира Старосольського, про що його донька згодом дізналася від прибулого з табору українця. Уляна Старосольська – Любович 1946 р. повернулася до Польщі, закінчила Познанський університет, здобула фах економіста. З 1967 р. мешкала у США, брала активну участь в культурному житті української діаспори.

Заслання залишило невігійний (рос. «незаживающий») слід в душах людей, пам'ять невідворотно повертала в минуле, нагадувала про пережите.

...там, де я була, були інші не лише природа, клімат і люди, але й теж і закони взаємного між людьми відношення, а передусім закони боротьби за життя і за те, щоб у тій боротьбі за існування не перестати бути людиною. Яка ж переоцінка цінностей мусила наступити там, де інша ціна людського життя і де її взагалі немає [8,с.7-8].

Вивчення документів і матеріалів, що висвітлюють історію політичних репресій, депортацій, має не лише пізнавальну цінність. На початку ХХІ ст. тривають локальні та міждержавні військові конфлікти, потребує вирішення проблема повернення на батьківщину вимушених переселенців та біженців. Засудження злочинів тоталітарних режимів, засвоєння історичних уроків минулого сприятиме утвердженню у суспільній свідомості, міжнародно-правовій і політичній практиці демократичних цінностей, унеможливить порушення громадянських і людських прав.

Список використаної літератури

1 Рафальський О.О. Національні меншини України у ХХ столітті: історіографічний нарис. – К.: Поліс, 2000. – 447с.

2 Рожкова Л.І. Благодійна допомога біженцям у роки Першої світової війни//Історико-краєзнавчі дослідження: традиції та

інновації: матеріали II Міжнародної наукової конференції (Суми, 24-25 березня 2016 року). Ч.І (за ред. .В.С.Бугрія)-Суми: ФОП Цьома С.П., 2016. – С.123-127.

3 Куницький М.П. Примусова репатріація радянських громадян до СРСР після Другої світової війни (український вектор). Монографія. – Луцьк: ВАТ «Волинська обласна друкарня», 2007. – 248с.

4 Надольський Й.Сталінська депортаційна політика і зміни етнічної структури населення західних областей України//Друга світова війна і доля народів України:Матеріали 2-ої Всеукраїнської наукової конференції, м.Київ, 30-31 жовтня 2006р. – К.:Зовнішторгвидав, 2007. – 416с.

5 Польща – Нарис історії. За ред. Владзімежа Менджецького та Єжи Брацісевича. Переклад з польської Івана Сварника. – Варшава:Інститут національної пам'яті – комісія переслідування злочинів проти польського народу, 2015. – 368 с.

6 Національні процеси в Україні: історія і сучасність. Документи і матеріали. Довідник (Упор. І.О. Кресіна, В.Ф.Панібудьласка). – Ч.2. – К.,1997.- 480с.

7 Епплбом Енн Історія ГУЛАГу (Пер. з англ. А. Іценка).- К.:Вид.дім «Києво – Могилянська академія», 2006. – 511 с.

8 Любович Уляна Розкажу вам про Казахстан. Нариси з пережитого. – Вінніпег – Торонто, Канада:Вид-во «Новий шлях», 1969. – 192 с.

9 Доміно Збігнев Сибіріада польська: Роман /Пер. укр. С.Савківа; передмова Є.Лук'яненка. – К.:Голов. спеціаліз. ред. мовами нац. меншин України, 2003. – 502 с.

Л.И.Рожкова

ДЕПОРТАЦИЯ в повседневной жизни в КАЗАХСТАНЕ в 1940 - х гг .. (по воспоминаниям Уляны Любович)

Аннотация. Одной из форм репрессий тоталитарного режима по отношению к представителям отдельных социальных групп и народов были принудительные и массовые переселения в отдаленные районы Казахстана и Сибири. После начала Второй мировой войны и присоединения Западной Украины к Советскому Союзу было проведено несколько депортаций, преимущественно, поляков, украинцев, евреев. Эти события нашли отображения в документах и литературных произведениях. На основе воспоминаний украинки Уляны Любович освещается депортация и

различные аспекты пребывания в Казахстане представителей разных народов.

Ключевые слова: репрессии, депортации, Казахстан, повседневная жизнь, тоталитарный режим, украинцы, поляки, казахи.

Л.И.Рожкова

**1940-ЖЫЛДАРДАҒЫ ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ КҮНДЕЛІКТІ
ӨМІРДЕГІ ДЕПОРТАЦИЯ (Ульяна Любович естеліктері
негізінде)**

Адаптама. Тоталитарлық режимнің кейбір әлеуметтік топтар мен халықтардың өкілдеріне қатысты қуғын-сүргін түрлерінің бірі Қазақстан мен Сібірдің шалғай аудандарында мәжбүрлі және жаппай қоныс аудару болды. Екінші дүниежүзілік соғыс басталғаннан кейін және Кеңестер Одағы Батыс Украинаны қосып алғаннан соң, поляктар, украиндар, еврейлерге қатысты бірнеше депортация жасалды. Бұл оқиғалар құжаттарда және әдеби шығармаларда көрініс тапқан. Украиналық Ульяна Любовичтің естеліктеріне сүйене отырып, депортациялау және Қазақстандағы әртүрлі халықтардың өкілдерінің болуының түрлі аспектілері қамтылған.

Түйінді сөздер: репрессия, депортациялау, Қазақстан, күнделікті өмір, тоталитарлық жүйе, украиндар, поляктар, қазақтар.

L.I.Rozkova

**DEPORTATION AND SUSTAINABLE LIFE IN KAZAKHSTAN
IN THE 1940s. (FOR LOYALS ULYANI LYUBOVYCH)**

Summary. One of the forms of repression of the totalitarian regime about representatives of specific social groups of people was forced by mass resettlements to remote areas of Kazakhstan and Siberia. After the outbreak of World War II and the annexation of Western Ukraine, several deportations were carried out to the Soviet Union, mainly Polish, Ukrainians, and Jews. These events have been found in mappings, documents, and literary works. Deportation and various aspects of the presence of representatives of different ethnic groups in Kazakhstan have been covered, based on the memories of Ukrainian Ulyana Lyubovych.

Keywords: repression, deportation, Kazakhstan, everyday life, totalitarian regime, Ukrainians, Polish, Kazakhs.

Б.Т. Рыспекова
Академия «Болашак»
Караганда, Республика Казахстан

ПРОЦЕСС ФОРМИРОВАНИЯ И ИЗМЕНЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ ЦЕНТРАЛЬНОГО РЕГИОНА

Аннотация. В статье отмечаются факторы, повлиявшие на формирование и изменение социальной структуры населения Центрального региона. В частности, изменения демографической ситуации, а именно удельного веса женщин-работниц, молодежи до 30 лет, влияние стихийной миграции, насильственной депортации целых народов в предвоенные и военные годы в Казахстан.

Ключевые слова: экстенсивное развитие экономики, демографические факторы, удельный вес, возрастные группы, социально-демографические и политические катаклизмы, социально-экономическая ситуация, национальный состав региона, стихийная миграция населения, насильственная депортация целых народов, мобилизация, спецмобилизованные, репрессированные, тоталитарный режим, коренное население, многонациональность региона.

Экстенсивное развитие экономики, характерное для тоталитарного государства, базировалось на постоянном приращивании массы дешевого труда.

Количественный рост рабочих кадров сопровождался изменениями в их демографической структуре. Основные социальные характеристики рабочих кадров в значительной степени зависят от таких демографических факторов как пол и возраст. Как видно из данных таблицы 1, до середины 30-х годов наблюдался рост, как абсолютной численности, так и удельного веса женщин, в составе трудовых коллективов Карагандинского бассейна. Во второй половине данного десятилетия, этот процесс затормозился и стабилизировался на уровне 17-18 % женщин от общей численности рабочих. Важно отметить, что среди женщин-

работниц немало было казашек, хотя их удельный вес, как видно из таблицы 3, снизился с 24,3% в 1933 году до 6,6% в 1940 году, а абсолютная численности с 770 до 212 человек. Относительно высокий удельный вес участия женщин в угольном производстве во многом связан с тем, что в бассейне практически не развивались легкая и пищевая промышленность, т.е. социально значимые отрасли, с преимущественным применением женского труда.

Таблица 1. Распределение рабочих в зависимости от пола и принадлежности к казахской национальности в 1933, 1934, 1935, 1939, 1940 г.г. [1]

Состав	1933		1934		1935		1939		1940	
	всего	%	всего	%	всего	%	всего	%	всего	%
Всего рабочих	17100	100	18700	100	22300	100	16111	100	18311	100
в том числе: по добыче угля	8600	50,3	10400	55,6	11400	51,1	12158	75,5	13860	75,7
казахов	6500	38,0	6700	35,8	6650	29,8	2854	17,7	3571	19,5
женщин	3170	18,5	3590	19,2	3880	17,4	2931	18,2	3211	17,5
казашек (в % от общего кол-ва женщин)	770	24,3	774	21,6	530	13,7	180	6,1	212	6,6

1 - ГАКО.-Ф.1.-Оп.1.-Ед.Хр.2151.-Л.179-180; Ед.Х.Р.2395.-Л.31-32; Оп.2.-Д.131.- Л.160; Ф.3.- Оп.1.- Д.115.- Л.178; Ф.596.- Оп.1.- Д.33.- Св.7.- Л.67,70; Д.45.- Св.8.- Л. 1,9.

Расширение участия женщин в производстве, особенно в исследуемый период, когда еще не были полностью изжиты дореволюционные предрассудки - в целом прогрессивное явление, способствующее достижению равенства женщин с мужчинами, обеспечению ими самостоятельности. Но с другой стороны, участие женщин в трудовой и общественной жизни должно сочетаться с необходимыми производственными и социальными условиями для

этого. За весь советский период истории Казахстана они так и не были созданы, не говоря о времени, когда осуществлялась сверхфорсированная индустриализация. В первую очередь это относится к недопустимо тяжелым и вредным условиям труда на производстве. Партийные организации Карагандинского бассейна, проводя большую организаторскую работу по привлечению женщин на производство, недостаточно учитывали специфические особенности угольной промышленности, связанные с подземными работами и в первую очередь преследовали цель выполнения плановых заданий. В Карагандинском бассейне вплоть до конца 60-х годов женщины не были полностью освобождены от подземных работ. Негативные моменты, связанные с участием женщин в угольном производстве, усиливались массой социально-бытовых проблем. В частности, в бассейне система бытового обслуживания находилась в зачаточном состоянии, недостаточно было ясель, детских садов, учреждений здравоохранения и т.д. Тяжелые условия труда и быта отрицательно сказывались на здоровье женщин, вызывали высокий уровень детской заболеваемости и смертности. Поэтому, на наш взгляд, участие женщин в мирное время в угольном производстве следует больше оценивать негативно, чем позитивно.

Анализ таблицы 2 показывает, что в исследуемый период подавляющее большинство рабочих Карагандинского бассейна составляла молодежь до 30 лет. Это было вызвано сложившейся демографической ситуацией в стране, когда воспроизводство населения происходило на базе высокой рождаемости и высокой смертности. Относительно низкий удельный вес рабочих более старших возрастных групп был обусловлен крупными социально-демографическими и политическими катаклизмами первых десятилетий XX века (революциями 1905-1907 годов и 1917 года, первой мировой войной, национально-освободительным движением 1916 года, Гражданской войной, голодом начала 1920-х годов), вызвавшими массовую гибель людей и изменения в возрастной структуре населения страны. Говоря об удельном весе наиболее трудоспособного возраста (30-40 лет), то, как видно из данных таблицы 2, он в 30-е годы оставался относительно стабильным, что обусловлено притоком из крупных промышленных регионов квалифицированных рабочих именно такого возраста. Однако, в годы Великой Отечественной войны наблюдалось значительное снижение удельного веса рабочих этой

возрастной категории (с 23,9% в 1939 г. до 15,2% в 1943 г.), что было обусловлено массовой мобилизацией карагандинских шахтеров в действующую армию, которые, в отличие от рабочих других бассейнов страны, в первые годы войны не имели права на бронь.

Таблица 2. Распределение рабочих по возрасту (в % от общей численности) [2]

Возраст	год					
	1932	1935	1939	1941	1943	1945
до 30 лет	66,1	62,6	61,8	72,8	68,3	61,5
от 30 до 40 лет	28,0	23,4	23,9	15,8	15,2	23,2
от 40 до 50 лет	5,9	11,0	9,2	8,2	11,9	9,7
от 50 до 60 лет	-	2,2	3,8	2,5	4,4	4,8
свыше 60 лет	-	0,8	1,3	0,7	0,2	0,8

2 - По данным личных учетных карточек рабочих.

Тяжелые условия труда и быта рабочих, особенно в годы войны, привели к низкому удельному весу рабочих старше 50 лет. Тем не менее численность и доля этой категории рабочих в течение исследуемого периода несколько возросли (с 3% в 1935 г. до 5,6 % в 1945 г.). Основная причина роста - патриотический подъем пожилых горняков, которые, несмотря на возраст, пришли работать на шахты в годы Великой Отечественной войны. Указанная тенденция оказывала позитивное влияние на социально-экономическую ситуацию в бассейне, так как повышение возраста, увеличивает процент социально стабильных работников.

Одной из важнейших особенностей рабочего класса Карагандинского угольного бассейна является то, что он сразу же начал формироваться как многонациональный. На национальный состав региона оказала влияние стихийная миграция населения из центральных промышленных районов страны, где вплоть до конца 30-х годов существовала огромная безработица, заставлявшая десятки тысяч людей в поисках работы и хлеба уезжать в Казахстан на строительство Турксиба, Карагандинского угольного бассейна, Балхаша и др. Постепенно миграция приобрела организованный характер. Только по линии организованного набора рабочей силы в Казахстан из других районов страны в 1931-1940 годы прибыло 509 тыс. человек, значительная часть которых направлялась в

Карагандинский регион. Важно отметить, что подавляющая часть прибывших после завершения шахтного строительства оставалась, переходя на постоянную работу. Одновременно, как уже отмечалось, в конце 20 - начале 30-х годов в Карагандинский угольный бассейн стали прибывать раскулаченные крестьяне-спецпереселенцы из России, Украины и других республик, которые размещались не только в колхозах и совхозах, но и на промышленных предприятиях, где сразу включались в трудовой процесс.

Как видно из таблицы 3, наибольший удельный вес среди рабочих бассейна приходился на русских. Однако, в дальнейшем их доля значительно снизилась (с 61,8% в 1932 г. до 35,2% в 1945 г.). Это напрямую связано с насильственной депортацией целых народов в предвоенные и военные годы в Казахстан, в том числе и в Карагандинскую область, которая еще в 30-е годы превратилась в своеобразную резервацию для выселенных народов. Одними из первых, кто подвергся тотальной депортации, были корейцы, проживавшие тогда на территории Советского Дальнего Востока. Из отчета о приеме и расселении переселенцев-корейцев в Карагандинский переселенческий участок, следует, что первым эшелонам в 1937 году была привезена 241 семья. Всего же на конец октября 1937 года было вывезено 2558 семей в количестве 15 тыс. человек. Привезли их в восьми эшелонах из Сучанского, Артемовского, Шкотовского районов, города Владивостока [1].

В дороге, в ужасающих условиях они находились более двух недель. Разместили корейцев на шахтах №№ 12, 13, 14, 15/19, 16/20, 17,18, имени Горбачева, в поселках Компанейск, Майкудук, Зеленая Балка, Меньковка, а также в поселках Акмолинской райкомендатуры. Как видно из данных таблицы 5, в результате депортации удельный вес корейцев среди рабочих обследованных шахт достиг в 1939 году - 9,8%.

После присоединения на основе пресловутого "пакта Молотова - Риббентропа" стран Балтии, Западной Украины и Западной Белоруссии и Бессарабии, там началась ударная кампания по советизации и коллективизации этих регионов. В результате по отработанной в 20 - 30-х годах схеме в Карагандинский бассейн стали прибывать так называемые кулаки, а также все неугодные режиму представители данных народов. Причем, они пережили несколько волн переселения, последняя была в 1948-1955 годы. Все это привело к увеличению среди рабочих бассейна украинцев,

белорусов, латышей, литовцев, эстонцев, а также поляков, которые в значительном количестве проживали на территории Западной Украины и Западной Белоруссии (см. Таблицу 3).

Таблица 3. Распределение рабочих в зависимости от национальности (в % от общей численности) в 1932,1935,1939,1941,1943 и 1945 г.г.[1]

Национальность	год					
	1932	1935	1939	1941	1943	1945
Казахи	32,2	25,0	21,9	18,9	12,7	13,8
Русские	61,8	68,0	51,8	54,2	26,8	35,2
Украинцы	2,6	1,7	7,3	10,8	7,8	18,7
Белорусы		0,3	0,6	0,6	0,2	0,6
Немцы		3,1	1,6	3,8	39,6	8,3
Татары		0,3	4,8	2,0	1,0	1,5
Узбеки		0,3	0,1		0,6	0,3
Корейцы	1,7		9,8	3,2	4,4	3,6
Евреи			0,2	1,1	2,6	0,5
Поляки			0,1	0,2	2,7	1,3
Чеченцы			.			1,2
Латыши			0,1			0,2
Эстонцы			0,2	0,6		0,1
другие	1,7	1,3	1,5	4,6	1,6	14,7

3 - По данным личных учетных карточек рабочих.

В связи с насильственной депортацией целых народов расширялась и география регионов, откуда они прибывали в Карагандинский бассейн (см. Таблицу 4). Необходимо отметить, что условия жизни переселенцев были крайне тяжелые. Все переселенцы были лишены гражданских прав. Торговая сеть зачастую не снабжала переселенцев даже самым необходимым - хлебом, топливом, крупой, не говоря уже о теплой одежде, обуви и пр. По линии здравоохранения местные райздравотделы не принимали участие в судьбе поселенцев, надеясь исключительно на Отдел трудпоселения НКВД, который не имел в спецпоселках медсети и не мог обеспечить нормальное медицинское обслуживание. Все это, а также крайняя скученность и

загрязненность спецпоселков вела к росту эпидемических заболеваний и высокой смертности среди депортированного населения.

Таблица 4. Распределение рабочих в зависимости от региона проживания до прибытия в Карагандинский бассейн (в % от общей численности)[4]

Регион выхода	год					
	1932	1935	1939	1941	1943	1945
Казахстан	35,6	31,2	27,6	33,4	33,5	26,5
РСФСР	61,0	64,9	62,3	52,9	42,7	36,2
Украина	1,7	3,1	5,4	7,8	17,0	22,1
Белоруссия	-	-	0,6	0,6	0,5	1,0
Узбекистан	-	-	0,4	0,4	0,7	0,3
Молдавия	-	-	-	0,9	1,1	10,5
Прибалтика	-	-	-	-	-	0,2
Другие регионы	2,3	0,8	3,7	4,0	4,5	3,2

4 - По данным личных учетных карточек рабочих.

В годы войны миграционный поток в Карагандинский бассейн резко усилился, что привело, как видно из таблицы 4, к дальнейшему росту многонациональности региона и снижению удельного веса коренного населения. Шахтерские кадры Караганды значительно пополнились в грозные военные годы эвакуированными горняками Донбасса и Подмосковья. Их первые эшелоны с оборудованием (врубовыми и подъемными машинами, электровозами, отбойными молотками и др.) прибыли в начале осени 1941 года [2].

В порядке эвакуации в Караганду за годы войны было направлено около 5 тыс. квалифицированных горняков и инженерно-технических работников Донецкого угольного бассейна. Из 353 работников, находящихся на руководящих должностях в бассейне, 165 человек были из числа эвакуированных из Донбасса [3].

Осенью 1941 года из Луганска в Караганду был эвакуирован вместе с производственно-техническим персоналом завод угольного машиностроения имени Пархоменко, вскоре начавший выпуск горно-шахтного оборудования и военной продукции. Кроме

десятков тысяч эвакуированного из западных регионов страны населения в Казахстан были депортированы целые народы, автономные образования которых предварительно ликвидировались.

28 августа 1941 года Президиум Верховного Совета СССР принял Указ о выселении немцев Поволжья. Выселили в соответствии со строгим графиком одновременно во всех населенных пунктах около 400 тыс. человек, из которых - 224266 человек - в Казахстан, в том числе более 67 тыс. в Карагандинскую область. В 1942 году всех высланных немцев мобилизовали на трудовой фронт. Мобилизованные направлялись в угольную промышленность Караганды. В начале 1942 года было принято два постановления Государственного комитета обороны СССР: "О порядке использования немцев-переселенцев призывного возраста от 17 до 50 лет" и "О мобилизации лиц призывного возраста от 17 до 50 лет, постоянно проживающих в областях, краях, автономных и союзных республиках".

В соответствии с этими постановлениями, предусматривалась мобилизация мужчин - немцев призывного возраста как в трудколонны при ИТЛ, так и на предприятия тяжелой индустрии, в первую очередь угольной и нефтяной промышленности. Немцы, которые в местах спецпоселений считались местными, в армию не призывались, а попадали под трудмобилизацию. Из-за нехватки рабочей силы 7 октября 1942 года было принято еще одно постановление - «О дополнительной мобилизации немцев для народного хозяйства СССР». Этим документом предусматривалась мобилизация лиц уже иного возраста, т.е. 15-16 лет и 51-55 лет для мужчин и от 16 до 45 лет - для женщин [4].

Мобилизованные мужчины направлялись на предприятия системы Наркомугля, а женщины - в Наркомат нефти. 11 ноября 1942 года Народным комиссаром угольной промышленности и Народным комиссаром внутренних дел СССР была издана специальная инструкция по использованию немцев на предприятиях Наркомугля. Их Наркомугля. Запрещалось допускать мобилизованных немцев к работам на заводах взрывчатых материалов и на взрывных работах в шахтах и карьерах. Мобилизованными немцами полностью укомплектовывались отдельные шахты, участки или предприятия. Формировали их в отряды от 1500 до 2000 человек. Отряды делились на колонны, построенные по производственному принципу с численностью от

250 до 500 человек. Колонна делилась на бригады от 35 до 100 человек, в зависимости от условий производства. В результате, как видно из данных таблицы 5, удельный вес немцев в составе коллективов угольных шахт превысил 30%. Спецмобилизованные немцы - поселенцы проживали в ужасающих условиях в специальных зонах при шахтах. Рабочий день длился не менее 10 часов. В помещениях, где жили трудармейцы, по 2-3 дня не было воды, которая подвозилась с большими перебоями. Во многих общежитиях, где были размещены мобилизованные рабочие, отсутствовало освещение. Многим рабочим не хватало спецодежды, постельного белья и постельных принадлежностей. Например, на шахте №20-бис из 480 мобилизованных рабочих были обеспечены матрацами 252 человека, а на ЦОФ из 350 мобилизованных имели матрацы только 75 человек. На шахте №17 более четырех месяцев рабочие спали на топчанах без постельных принадлежностей.

Труд спецмобилизованных немцев использовался также в тресте "Карагандашахтострой". Трудились они в управлениях новостроящихся шахт, на строительстве угольных разрезов, а также на деревообделочном комбинате, кирпичном и цементных заводах треста.

В 1943 году в Караганду был передислоцирован исправительно-трудовой лагерь Главного управления железнодорожного строительства НКВД СССР для строительства Федоровского угольного разреза, в котором помимо заключенных использовался труд мобилизованных спецпереселенцев. Весной 1943 года в трудармию мобилизовали девушек немецкой национальности из деревень Кокчетавской области на строительство Федоровского разреза. Работали без выходных, без отпусков, по 12-14 часов. Девушки разгружали платформы с породой, укладывали шпалы и рельсы, работали на укладке водопровода от 7-го Кирзавода до станции. Строили железную дорогу от разреза до Большой Михайловки через депо. И все вручную, без механизмов. Разрез был сдан досрочно. По окончании строительства разреза и сдачи его в эксплуатацию часть спецмобилизованных осталась в Караганде и была передана комбинату "Карагандауголь", а более двух тысяч трудармейцев и такое же число заключенных переброшено в Комсомольск - на - Амуре на стройку №500 [5].

С 1943 применялся труд военнопленных, содержащихся в лагере №99 НКВД СССР. В г.Сарани на строительстве и

эксплуатации шахт применялся труд заключенных и трудармейцев филиала "Алтайлага", позднее преобразованного в "Сараньлаг". На строительстве угольных шахт и частично на эксплуатации с 1944 года использовался труд заключенных Песчаного лагеря. В "Карагандажилстройлаге" работали заключенные и рабочие строительных колонн из трудмобилизованных немцев-поселенцев. Организация их труда и быта строилась на основе строжайшей дисциплины и безоговорочного подчинения установленному режиму.

В феврале 1944 года в Среднюю Азию и Казахстан, в том числе в Карагандинскую область, были насильственно переселены чеченцы и ингуши, в марте - балкарцы, в ноябре - турки-месхетинцы, а также крымские татары, карачаевцы и др. народы. Часть представителей этих народов влилась в производственные коллективы угольных предприятий. Так, по данным таблицы 5, 1,2% от общей численности рабочих обследованных шахт составляли только чеченцы.

Таким образом, в исследуемый период в Карагандинском угольном бассейне сформировался многонациональный отряд рабочих. Необходимо отметить, что среди карагандинских шахтеров практически отсутствовали в каких-либо серьезных масштабах трения на основе межнациональных отношений. Истоки современной дружбы и согласия представителей различных народов, работающих на шахтах Караганды, следует искать в тяжелейшие предвоенные и военные годы, когда местное, казахское население оказывало посильную помощь репрессированным тоталитарным режимом народам.

Список использованных источников

- 1 Индустриальная Караганда.-17 апреля.-1996*
- 2 ГАКО.- Ф.18.- Оп.1.- Д.705.- Л. 139.*
- 3 Архив Президента РК.- Ф.708.- Оп.7.- Ед.Хр.74.- Л.94.*
- 4 Индустриальная Караганда.-13 октября.-1993.*
- 5 Индустриальная Караганда.-13 октября.-1993.*

Б.Т.Рыспекова
ОРТАЛЫҚ АЙМАҚТАҒЫ ХАЛЫҚТЫҢ ӘЛЕУМЕТТІК
ҚҰРЫЛЫМЫН ӨЗГЕРТУ МЕН ҚАЛЫПТАСТЫРУ
ПРОЦЕСІ

Аңдатпа: Мақалада Орталық Қазақстан аймағында тұратын халықтың әлеуметтік құрылымының қалыптасу жолдары және өзгеруі қарастырылған. Атап айтқанда, демографиялық ахуалдың өзгеруі, 30 жасқа дейінгі жастардың, әйел жұмыскерлердің үлесі, өздігінен қоныс аударудың әсері, Қазақстанға соғыстан кейінгі және соғыс жылдары бүкіл халықтардың күштеп депортациялау т.б.

Түйінді сөздер: экономиканы ауқымды дамыту, демографиялық факторлар, үлес салмағы, жеткіншек топтар, әлеуметтік-демографиялық және саяси сілкіністер, әлеуметтік-экономикалық жағдай, аймақ халқының ұлттық құрамы, өздігінен көшіп-қону, бүкіл халықты мәжбүрлеп депортациялау, жұмылдыру, арнайы жұмылдыру, қуғын-сүргінге ұшырағандар, тоталитарлық жүйе, байырғы тұрғындар, аймақтың көпұлттылығы.

B.T.Ryspekova
THE PROCESS OF FORMATION AND CHANGE OF SOCIAL
STRUCTURE OF POPULATION OF CENTRAL REGION OF
KAZAKHSTAN

Summary: The article points out the factors that influenced the formation and change of the social structure of the population of the central region. In particular, the article indicates some changes in the demographic situation, such as the proportion of female workers and youth under 30, the impact of spontaneous migration, the forcible deportation of entire peoples in the pre-war and war-years in Kazakhstan.

Keywords: socio-economic situation, the national composition of the region, spontaneous migration of the population, the forcible deportation of entire peoples, mobilization, special mobilized, repressed, totalitarian regime, indigenous people, multinationality of the region.

З.Г.Сактаганова
Карагандинский Государственный Университет им. Е.А. Букетова
Караганда, Республика Казахстан
zauresh@mail.ru

ДЕПОРТАЦИИ НАРОДОВ В КАЗАХСТАН: ЭТАПЫ ИСТОРИИ

***Аннотация.** В статье анализируются депортации народов в Казахстан. Автор освещает три этапа в истории депортации народов в Казахстан: довоенный этап в 1930-1939 годах; второй этап - в 1940-1945 годах и третий послевоенный этап - с 1946 года. Также затрагивается проблема депортации украинских граждан в Казахстан в 1930-40-е годы.*

***Ключевые слова:** депортация народов, история Казахстана, этапы депортации, политика депортации, политические репрессии*

Депортации в СССР осуществлялись по двух основным признакам: социальный, когда насильственному выселению подвергались по определению власти, «социально опасные элементы» (казаки, кулачество и другие), и этническому, когда насильственное переселение охватывало, опять-таки, по определению большевиков, «политически неблагонадежные» народы. В данной статье мы в большей степени остановимся на проблеме этнических депортаций.

Депортации народов в Казахстан осуществлялись в несколько этапов, причем они начались в период с 1930-х годов и продолжались и в следующем 1940-м десятилетии.

Первый этап депортаций охватывает довоенный период (1930-е – 1939 гг.), когда насильственное переселение затронуло финнов, поляков, корейцев, иранцев, курдов и другие народы.

На данном этапе содержание советской депортационной политики вылилось в выселение более десятка народов, прежде всего с пограничных районов СССР, причем осуществлялись эти акции с обвинением в «неблагонадежности» и в качестве превентивной меры.

Концепции о «неблагонадежности» инородцев появляются еще в Российской империи XIX в. Можно согласиться с исследователем П. Поляном, который считает, что подход царского правительства к «враждебно-подданным» во многом предвосхитил страшные черты депортационной политики советского государства [1]. В своей монографии исследователь рассматривает доктрины российских военных по отношению к населению пограничных территорий Российской империи. В частности, он пишет, что «ведущие российские военные статистики конца XIX века – А. Макшеев, Н.Н. Обручев, В.А. Золотарев разработали специфическую доктрину, которую обозначается исследователями как «география неблагонадежности». Она исходила из реальной географии «благонадежного» и «неблагонадежного» населения, а также из их соотношения в конкретной местности: к первой группе относилось преимущественно славянское население, ко второй – евреи, немцы, поляки, народы Кавказа, Средней Азии и т. д. Только те районы считались благоприятными по благонадежности, где русское население составляло не менее 50%. Градиент благонадежности, согласно Золотареву, сокращался по мере продвижения от центра к окраинам Империи» [1].

Далее автор рассматривает методы, с помощью которых государство решало проблемы с «неблагонадежным» населением. «Не ограничиваясь описаниями и рассуждениями, военная статистика зарекомендовала себя и как прикладная дисциплина, исследующая территориальную дифференциацию «неблагонадежности»: места скопления «ненадежного населения» фиксировались и контролировались. На случай войны давались рекомендации по экстренному «исправлению» этого «положения», особенно в приграничных районах. В качестве наиболее эффективных средств назывались взятие гражданских заложников, конфискация или уничтожение имущества или скота, а также депортации по признакам гражданской и этнической принадлежности. Под эту доктрину формировались специальные карательные войсковые соединения, с систематической свирепостью подавлявшие в зародыше или в самом начале любые ростки недовольства или мятежа против русской колонизации окраин Империи, в частности в Средней Азии, причем там крайней мерой были все же не депортации, а убийства гражданских лиц». [1]

На первом этапе депортации в СССР были осуществлены, как уже отмечалось, преимущественно с пограничных территорий страны; началась серия акций «по обеспечению безопасности

границ и приграничных территорий» посредством их освобождения по этническому признаку от «неблагонадежных», с точки зрения советского руководства, элементов. Рассмотрим наиболее крупные акции так называемых «пограничных зачисток».

1 акция – выселение финнов из приграничной полосы (на северо-запад от Ленинграда) по Постановлению Бюро Ленинградского обкома ВКП(б) от 4 марта 1935 г. Депортации подлежали финны, которых выселяли в апреле 1935 г. и направляли в Таджикистан (около 1000 семей), Казахстан и Западную Сибирь (316 семей из Карелии), позже было выселено еще 22 тысячи человек, главным образом в Вологодскую область. Общее число депортированных историки оценивают приблизительно в 30 тысяч человек. [2]

2 акция – весной 1935 г. депортация была проведена на Украине: из бывших тогда приграничными Киевской и Винницкой областей в восточные области республики переселили более 40 тысяч человек, причем около 60% переселенного контингента составляли поляки (35000) и немцы (более 10000). В итоге переселено было 14 048 семей. [3]

3 акция – в июле 1937 г. в Средней Азии и Закавказье на границах были организованы специальные запретные полосы, из которых отселялось население. К освобождению от «неблагонадежного элемента» предназначалось, в общей сложности, 40 приграничных районов Грузии, Армении, Азербайджана, Туркмении, Узбекистана и Таджикистана. В частности, в Киргизию и Казахстан было выселено 1325 «приграничных» курдов. В конце 1937 г. из Армении и Азербайджана в Казахстан (в Алма-Атинскую и Южно-Казахстанскую области) прибыла 1121 семья курдов и армян. [1]

4 акция – депортации корейцев в 1937 г. по границе из Дальневосточного края. 21 августа 1937 г. было издано Постановление СНК «О выселении корейского населения пограничных районов Дальневосточного края». Сфальсифицированная причина: разоблачения японского шпионажа на Дальнем Востоке, «агентами» японцев были названы китайцы и корейцы. К октябрю 1937 г. было выселено 171 781 человек (36 442 корейских хозяйства), 7 тысяч китайцев, 1000 харбинских репатриантов. Большинство депортированных корейцев переселили в Казахстан – 20 789 семей, или 98 454 человек. [4, с. 24]

5 акция – в октябре 1938 г. было принято постановление СНК СССР «О переселении иранцев из пограничных районов в Казахскую ССР» и в ноябре было переселено 2000 семей иранцев (около 6000 человек), оформивших советское гражданство, из пограничных районов Азербайджана в Алма-Атинскую и Южно-Казахстанскую область Казахстана. [5]

Второй этап депортаций охватывает военный период – с началом 2 мировой войны в 1939 до 1945 гг. Для депортированных народов на данном этапе исследователи использовали термин «наказанные народы» [6]. Осуществлявшиеся на данном этапе депортации также носили превентивный характер: превентивные депортации – это наказание даже не за потенциальное предательство, а за «...принадлежность к национальности, с зарубежными соплеменниками которой ведется или может вестись война» [3, с.136]. «Официальной версией применения к отдельным народам тотальных депортаций являлось или возмездие за совершенное ими «предательство», или избавление их от соблазна его совершения. Но несправедливость не в этом, а в самом прецеденте «наказания народа», подменившем судебные разбирательства против конкретных лиц. Независимо от всякой статистики приписывание коллективной вины и применение коллективного наказания по признаку этнической принадлежности является серьезным и бесспорным преступлением против человечности, наравне со взятием и расстрелом заложников и т. п.», считает исследователь П. Полян [1]. На данном этапе возможно выделить ряд крупных депортационных акций.

1 акция – после захвата территории восточных регионов Польши советскими войсками в 1940 и 1941 гг. началось массовое выселение **поляков** (за три операции 1940 г. и одну операцию 1941 г. – от 309 до 321 тысячи тысяч человек). 61092 человека были депортированы в Казахстан. [5, с.163]

2 акция – летом 1941 г. операции по переселению были проведены в Прибалтике, Бессарабии и Северной Буковине (территория Румынии). Павел Полян в монографии «Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР» указывает, что общее число депортированных из западных областей СССР достигало около 380-390 тысяч человек [1]. Регионами вселения стали север Европейской части СССР, Урал, Западная и Восточная Сибирь, Казахстан и Узбекистан.

3 акция – 28 августа 1941 г. вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья». В сентябре 1941 г. была ликвидирована немецкая автономия на Волге. Всего, по данным ряда историков, было выселено 438,7 тысяч человек, в том числе из АССР немцев Поволжья – 365,8 тысяч, из Саратовской области – 46,7 тысяч из Сталинградской области – 26,2 тысяч человек. Вывозили их, главным образом, в Казахстан, а также в Красноярский и Алтайский края, в Новосибирскую и Омскую области. В Казахстан прибыло около 420 тысяч человек. [5, с.196]

Новая волна депортаций охватила несколько крупных акций 1943-1944 гг., когда в Казахстан было депортировано более 507 тысяч представителей Северного Кавказа и Крыма, эти депортации П. Полян классифицирует, как депортации «возмездия»: операции носили уже не профилактический характер, а были как бы акциями «возмездия» за совершенные или несовершенные в годы войны преступления против советского государства [1]. Непосредственно они затронули еще десять народов (карачаевцев, калмыков, чеченцев, ингушей, балкарцев, кабардинцев, крымских татар, турок-месхетинцев, курдов и хемшилов).

4 акция – В октябре 1943 г. вышли указ и постановление о поголовном выселении карачаевцев, ликвидации Карачаевской АО и об административном устройстве ее территории. Большая часть карачаевцев была переселена в Казахстан (более 45 тысяч человек) в основном в Южно-Казахстанскую и Джамбульскую области. [2]

5 акция – в декабре 1943 г. были изданы Указ Президиума Верховного Совета СССР «О ликвидации Калмыцкой АССР и Постановление СНК о выселении калмыков в Алтайский и Красноярский края, в Омскую и Новосибирскую области.

6 акция – в октябре-ноябре 1943 г. стала готовиться операция по переселению чеченцев и ингушей, которая была названа «Чечевица». Эти народы власть огульно обвинила в «активном и почти поголовном участии в террористическом движении, направленном против Советов и Красной Армии». 21 февраля 1944 г. Берия издал приказ по НКВД о депортации чеченцев и ингушей. К 1 марта было отправлено 478479 человек, из них 387229 чеченцев и 91250 ингушей (было среди них и около 500 представителей других народов, в основном, аварцев, выселенных по ошибке). 7 марта 1944 г. была ликвидирована и сама Чечено-Ингушская АССР. По данным российского исследователя Н.Ф. Бугая, подавляющее

большинство переселенцев было направлено в Казахстан (239768 чеченцев и 78470 ингушей) и Киргизию (70097 чеченцев и 2278 ингушей). [7]

7 акция – депортация балкарцев и кабардинцев. В феврале 1944 г. Берия издал приказ по НКВД «О мероприятиях по выселению из КБ АССР балкарского населения». 8 апреля 1944 г. вышел Указ ПВС о переименовании Кабардино-Балкарской АССР в Кабардинскую АССР. Общее число депортированных в места вселения составило 37 044 человека, направленных в Киргизию (около 60%) и в Казахстан. В мае-июне 1944 г. насильственное переселение коснулось кабардинцев. 20 июня 1944 г. были высланы в Казахстан около 2500 членов семей «активных немецких ставленников, предателей и изменников» из числа кабардинцев и, в небольшой доле, русских.

8 акция – в мае 1944 г. по обвинению в «предательских действиях крымских татар против советского народа» начались депортации крымско-татарского населения с территории Крыма, было выселено из Крыма более 47 тысяч семей (191014 крымских татар). 30 июня 1945 года Указом ПВС Крымская АССР была преобразована в Крымскую область в составе РСФСР. [6]

9 акция – весной 1944 г. принудительные переселения были проведены в Грузии (более 600 курдских и азербайджанских семей (3240 человек), в июле 1944 г. было принято решение о переселении 76021 турков-месхетинцев, а также 8694 курдов и 1385 хемшилов. Республики Средней Азии и Казахстана приняли более 110000 человек из 220 населенных пунктов Месхетии, около трети (28 598 человек) прибыло в Казахстан. [5]

Всего в годы войны подверглись переселению народы и группы населения 61 национальности [4]. Возможно, пишет известный ученый Н.Ф. Бугай, что «условия военной (экстремальной) ситуации вызывали необходимость определенных предупредительных действий советского правительства в тылу и на подступах к линии фронта. Но никак нельзя оправдать примененные ко многим народам репрессивные насильственные меры. Ведь суровому наказанию подвергались не только виновные, но и народы в целом. Такие меры не могут быть признаны справедливыми, поэтому они получили решительное и заслуженное осуждение. Это одна из трагических малоизвестных страниц в истории советского государства, которую правительство хранило в глубокой тайне». [7]

И третий этап депортаций охватывает послевоенный период – с 1946 и продолжались в 1950-х гг.

10 акция – депортация украинцев в 1947 г., когда на совещании политбюро Польши было принято решение о полной депортации украинского населения в созданные на бывших немецких землях воеводства. Уже к концу 1947 г. были переселены около 150 тыс. человек, посажено в концлагерь Явотно 3936 человек, убито 655 человек, арестованы 1466 членов украинского национального подполья.

11 акция – депортации в 1950-х гг., когда выселялись так называемые «враждебные элементы». В частности, в марте 1951 г. из Таджикистана в Кокчетавскую область Казахстана было выселено 2795 басмачей и членов их семей. В начале 1951 г. продолжилась «чистка» территории Грузии, например, от иранцев: их переселяли в Джамбульскую и Алма-Атинскую области. Выселению из Грузии подверглись ассирийцы и прочие «враждебные элементы». Депортации осуществлялись и на аннексированных территориях. Так, постановления Совета Министров СССР, принятые в январе-марте 1951 г., предусматривали дальнейшее выселение кулаков с семьями из Западной Украины и Западной Белоруссии, а также выселение из Литвы в Иркутскую область и др. [7]

Граждане Украины разных национальностей также неоднократно подвергались политике репрессий (и по социальному признаку, и по этническому). Если вести речь о депортациях из Украины, то условно можно выделить четыре этапа насильственных переселений в Казахстан:

- Первый этап депортаций, когда в первой половине 1930-х гг. в СССР началось раскулачивание. Так называемая «кулацкая» высылка 1930-1936 гг. забрала снова десятки и десятки тысяч украинцев [8]. В частности, в Карагандинской области основной состав трудпереселенцев-«кулаков» в 1930-х гг. составили русские, украинцы и немцы [9]. Анализируя общую численность депортированных крестьян из различных регионов СССР исследователь П. Полян отмечает, что больше всего раскулаченных за 1930-1931 гг. «поставила» Украина – 63,7 тыс. семей; из них больше половины (32,1 тысяч) выселили на Урал, а еще около 20 тысяч – в Северный край [1].

Второй этап – этап этнических депортаций, из Украинской ССР когда в 1935-1936 гг. началось переселение 15 тысяч семей лиц

польской и немецкой национальностей. Они были выселены из Украины, территорий, прилегающих к польской границе, в Северо-Казахстанскую, Карагандинскую и другие области в 1936 г. Согласно решению ЦК КП(б) и СНК Казахстана «О переселенцах с Украины» от 16 февраля 1936 г., в Южно-Казахстанскую область должно было быть направлено 5500 семей, в Алма-Атинскую и Карагандинскую области – по 3000 семей, в Восточно-Казахстанскую – 2000 семей, в Актюбинскую – 100 семей [4, с.53]. В октябре 1936 г. заместитель начальника ГУЛАГа И.И. Плинер докладывал наркому НКВД СССР Н.И. Ежову, что переселение польских и немецких хозяйств из Украины в Казахскую АССР закончилось и в докладной записке приводил следующий контингент спецпереселенцев: в июне с.г. – 5535 семей(26778 человек), в сентябре – 9465 семей (42505 человек); всего 15000 семейств (69283 человека) [4, с.77].

- Третий этап был связан с 1939 и 1940 гг. после оккупации советскими войсками восточных территорий Польши (западные области «воссоединенных» Украины и Белоруссии). «зачистки» начались и в них. Испытать их на себе теперь предстояло польским, украинским, еврейским и прочим «националистам». Уже осенью 1939 г. первая волна депортации охватила польских «осадников», которые выселялись вместе с семьями. В течение декабря 1939 - марта 1940 гг. из Западной Украины и Западной Беларуси было депортировано более 137 тысяч человек. Их выселяли в северо-восточные области РСФСР, Коми АССР и Казахстана. Вторая волна депортации прокатилась в апреле 1940 г., когда было вывезено зажиточных крестьян - «кулаков» (больше 6 тысячи семей из Западной Украины и Западной Беларуси).

- Четвертый этап депортаций теперь был связан с депортацией украинцев в послевоенном 1947 г. С территории Западной Украины были депортированы и расселены в Казахстане спецпереселенцы-ОУНовцы, пополнив ряды украинцев, переселенных ранее.

Таким образом, процессы депортации изменили судьбы многих народов: десять из них подверглись тотальной депортации, еще около двух десятков также были подвергнуты насильственным переселениям.

Список использованных источников:

- 1 Полян П. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. – М., 2001 // <http://old.memo.ru/history/deport/>
- 2 <https://ria.ru/society/20091114/193419498.html>
- 3 Бугай Н.Ф. Л. Берия – И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...». – М., 1995. – 323 с.
- 4 Из истории депортаций. Казахстан. 1935-1939 гг. Сборник документов. – Алматы: ЛЕМ, 2014. – 740 с.
- 5 Депортированные в Казахстан народы: время и судьбы. – Алматы: Арыс-Казахстан, 1998. – 428 с.
- 6 Некрич А.М. Наказанные народы. – Нью-Йорк, 1978, – 173 с. / <http://radaread.com/?book=91936&pg=173>
- 7 Бугай Н.Ф. Депортация народов // Война и общество, 1941-1945 книга вторая. – М.: Наука, 2004 / https://scepstis.net/library/id_1237.html
- 8 Преступления советской империи. Депортация украинцев / <http://andreistp.livejournal.com/1584553.html>
- 9 Государственный архив Карагандинской области (ГАКО). Ф.239, 259, 1482. Оп. 1. Списки спецпереселенцев

З.Г.Сактағанова

ХАЛЫҚТАРДЫ ҚАЗАҚСТАНҒА ДЕПОРТАЦИЯЛАУ: ТАРИХИ КЕЗЕҢДЕР

Аңдатпа. Мақалада халықтарды Қазақстанға қоныс аудару мәселесі талданады. Автор халықтарды Қазақстанға депортациялау тарихындағы үш кезеңді: соғысқа дейінгі кезең - 1930-1939; екінші кезең - 1940-1945 және соғыстан кейінгі үшінші кезең - 1946 жылдан бастап деп бөліп қарастырады. Сонымен қатар 1930-40-жылдардағы украин азаматтарын Қазақстанға депортациялау мәселелері сөз болады.

Түйінді сөздер: халықтарды депортациялау, Қазақстан тарихы, депортациялау кезеңдері, депортациялау саясаты, саяси қуғын-сүргін.

Z.G.Saktaganova

DEPORTATION OF PEOPLE TO KAZAKHSTAN: STAGES OF THE HISTORY

Summary: This article analyzes the deportation of Soviet people to Kazakhstan. The author indicates three stages in the history of evictions

of people to Kazakhstan: the pre-war stage from 1930 to 1939; the second stage – from 1940 to 1945, and the third post-war stage – from 1946. The problem of the deportation of Ukrainian citizens to Kazakhstan in the 1930s-1940s has been also covered.

Keywords: *the deportation of people, the history of Kazakhstan, stages of deportation, deportation policy, political reprisals*

УДК 94(574)

З.Г. Сактаганова

директор Центра этнокультурных и историко-антропологических исследований

Карагандинский государственный университет им. Е.А.

Букетова zauresh@mail.ru

Караганда, Республика Казахстан

Е.С. Досмагамбетов

Почетный консул Украины

Караганда, Республика Казахстан

erdoskar14@gmail.com

ДЕПОРТАЦИИ НАРОДОВ В КАЗАХСТАН: К ОБСУЖДЕНИЮ ПРОБЛЕМЫ

Аннотация. *Статья посвящена проблеме депортации народов в Казахстан; авторы выделили основные черты депортаций в СССР, которые исполнялись в 1930-х и 1940-х годах. Дается краткий историографический обзор проблемы, выделены основные особенности (признаки) депортаций в СССР.*

Ключевые слова: *депортация народов, история Казахстана, политические репрессии, особенности депортации в СССР.*

Во всемирной истории процессы депортации имели место быть в странах и Европы, и Азии; процессы депортации были характерны как для древности и средневековья, так же в новое и новейшее время. Как одна из форм насильственного переселения эта мера использовалась для решения военных, внешне-, внутривнутриполитических и экономических задач в истории США, Франции, Испании, Великобритании, Германии и других стран.

Использовали как государственный метод решения проблем насильственные миграции и в истории Российской империи. Но в таких масштабах, как эта репрессивная мера применялась в отношении социальных стратов или же больших этнических групп (целых народов), депортации были использованы властью лишь в СССР.

В советской лексике термин «депортация» не встречается ни в одном словаре, в советской историографии эта тема была закрытой.

Сегодня предлагаются различные формулировки этого термина, но принципиальных расхождений в них нет. Этимология термина: слово происходит от латинского корня «deportatio», что означает «увоз, высылка, изгнание». Под депортацией обычно в словарях имеют в виду «изгнание, высылку из страны; насильственное переселение отдельных лиц, групп, народов» [1, с.189]. Сегодня депортации или насильственные миграции называют одной из специфических форм или разновидностей политических репрессий.

Депортировала власть в советской стране по двум основным признакам: социальный и этнический, то есть, как социальные группы (казачество, кулаков и других), так и крупные этнические группы.

Исследователь П. Полян в своей работе «Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР» отмечает, что случаи, когда депортации подвергается не часть группы (класса, этноса, конфессии и т. д.), а практически вся она полностью, называют тотальной депортацией [2]. В СССР тотальной депортации были подвергнуты десять народов: корейцы, немцы, финны-ингерманландцы, карачаевцы, калмыки, чеченцы, ингуши, балкарцы, крымские татары и турки-месхетинцы. Из них семь (немцы, карачаевцы, калмыки, ингуши, чеченцы, балкарцы и крымские татары) лишились при этом своих национальных автономий [2]. Также депортациям в СССР подверглось еще множество других этнических групп советских граждан: поляки, азербайджанцы, курды, русские, иранцы, евреи, украинцы, молдаване, литовцы, латыши, эстонцы, греки, болгары, армяне, кабардинцы и другие. Возможно выделить десять основных общих особенностей (признаков) депортаций в СССР (как формы массовых политических репрессий):

- во-первых, перемещение больших масс людей, то есть, неслыханную прежде масштабность в количестве людей (десятки или сотни тысяч, иногда миллионы человек);

- во-вторых, контингентность или списочность (исследователи употребляет еще такой термин), то есть, направленность не на конкретное лицо, не на индивидуального гражданина, а на целую группу лиц, подчас весьма многочисленную и отвечающую заданным сверху критериям;

- в-третьих, административный, неправовой, внесудебный характер этих процессов;

- в-четвертых, как правило, превентивный характер этих депортаций, то есть, отсутствие реальных причин для осуществления этой карательной меры;

- в-пятых, политика клеветы и огульного обвинения, сопровождавшая все эти депортации;

- в-шестых, отрыв людей от их устоявшейся и привычной среды обитания и перемещение больших масс людей в географически отдалённую, непривычную для них и часто рискованную среду обитания (подчас на тысячи и десятки километров);

- в-седьмых, достаточно короткие сроки, отведенные на начальный этап процесса этих насильственных перемещений (на сборы отводилось от нескольких часов до 10 дней);

- в-восьмых, отлаженную «технологичность» этих процессов и, как следствие, отсутствие активного противостояния (или открытого сопротивления) депортируемых народов;

- в-девятых, установлением жесткого режима террора в местах спецпоселения депортированных народов;

- в-десятых, принудительные миграции были в СССР одной из самых табуированных тем, как в период депортаций, так и весь советский период.

Эти особенности или признаки частично отражены и в исследовательской литературе, и в Законе «О реабилитации репрессированных народов», принятого 26 апреля 1991 года Верховным Советом РСФСР, где репрессированными признавались народы (нации, народности или этнические группы и иные исторически сложившиеся культурно-этнические общности людей, например, казачество), в отношении которых по признакам национальной или иной принадлежности проводилась на государственном уровне политика клеветы и геноцида,

сопровождаящая их насильственным переселением, упразднением национально-государственных образований, перекраиванием национально-территориальных границ, установлением режима террора и насилия в местах спецпоселения.

Первое исследование, посвященное проблеме советских депортаций, появилось в 1960 году (то есть спустя всего три года после начала процесса реабилитации депортированных народов). В США вышла книга Роберта Конквеста «Советские депортации народов» [3], в которой автор создал первую (как отмечают исследователи, «весьма условную и даже не совсем точную» [2]) карту депортаций «наказанных народов» в СССР. В дальнейшем тема «наказанных» в СССР народов становится в западной историографии одной из наиболее разрабатываемых.

В общественно-политической лексике постсоветского пространства термин депортация стал использоваться лишь с начала 1990-х годов, когда появились первые публикации об истории депортаций народов в СССР. Именно тогда, в начале 1990-х годов исследователи и общественность могли читать одну из первых публикаций по данной проблеме – работу Александра Моисеевича Некрич, написанную еще в 1975, опубликованную в 1978 году. В ней А.М. Некрич называет депортацию «насилием и произволом, осуществляемые... над малыми народами» «глумлением над законами СССР» [4], раскрывает механизм проведения операций по насильственному выселению народов, дает сведения об их численности по стране и участии в трудовом производстве.

В российской историографии одними из первых к проблемам депортации отдельных народов обратились в своих трудах историки В.Н. Земсков и Н.Ф. Бугай: они опубликовали ряд документальных материалов, привели данные об численности и географии расселения депортированных народов по областям Казахстана и т.д. [5]. В казахстанской, отечественной историографии пионером в этих проблемах стал академик, директор Института истории и этнологии Манаш Кабашевич Козыбаев. Впервые история депортации народов в Казахстан была освещена им в учебнике по «Истории Казахстана» для средних школ; в «Хрестоматии по истории Казахстана» опубликована большая серия документов, повествующих о трагических судьбах этих народов; продолжена тема была и в ряде других работ [6]. С 1990-х годов проблема депортации народов в Казахстан стала разрабатываться в казахстанской исторической науке: появились

публикации о депортации корейцев, немцев, чеченцев и ингушей, поляков и других народов [7].

Но, как отмечают авторы, многие аспекты остались вне исследовательского поля: недостаточно раскрыто влияние депортаций на изменение национального и социального состава населения районов расселения (то есть, региональный аспект проблемы остается мало разработанным); роль и место в подъеме экономического потенциала страны, например, в трудовой армии; не затрагивалась проблема изучения истории культуры депортированных народов; не исследованы вопросы адаптации депортированных; отношения к ним властей и местного населения; вопросы выживания этносов, взаимовлияния и взаимосвязи культур народов, недостаточно разработан вопрос о взаимоотношении спецпереселенцев с местным населением, не изучены такие аспекты, как учет спецпереселенцев, правовое положение и устройство депортированных народов в послевоенные годы, до снятия ограничений в правовом положении, и сам процесс реабилитации; не рассматривалась и проблема комендантского режима, карательная политика власти по отношению к депортированным в Казахстан народам и т.д. [8]

Проблема, вынесенная сегодня на обсуждение, проблема депортации украинцев в Казахстан, к сожалению, так и не стала специальным объектом исследования казахстанских историков до сих пор. Возможно она ждет своих исследователей.

Список использованных источников:

- 1 Современный словарь иностранных слов. – СПб., 1994. –752с.
- 2 Полян П. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР // <http://old.memo.ru/history/deport/>
- 3 Conquest R. Soviet deportations of nationalities. - London: McMillan and Co Ltd; New York: St Martin's Press, 1960. – 204 p.
- 4 Некрич А.М. Наказанные народы. – Нью-Йорк, 1978, – 173 с. / <http://padaread.com/?book=91936&pg=173>
- 5 Земсков В.Н. Принудительные миграции из Прибалтики в 1940-1950 гг. // Отечественные архивы. – 1993. – №1; Спецпоселенцы (1930-1959 гг.) // Население России в 1920-1959 гг.: численность, потери, миграции: Сб. – М., 1994; Бугай Н.Ф. К вопросу о депортации народов СССР в 30-40-х годах // История СССР. –1986. – №6; Правда о депортации чеченского и ингушского

народов // Вопросы истории. – 1990. – №7; Л.Берия – И.Сталину: Согласно Вашему указанию... – М., 1995.

6 Козыбаев М., Козыбаев И. История Казахстана (учебник для 10 класса рус. школ). 3-е изд., доп. – Алматы, 1992; История Казахстана. Хрестоматия / Сост. М. Козыбаев, И. Козыбаев. – Алматы, 1994; Козыбаев М.К. Историография Казахстана: уроки истории. – Алма-Ата: Рауан, 1990. – 135 с. и др.

7 Кан Г.В. История корейцев Казахстана. – Алматы: Ғылым, 1995. – 208 с.; Хан Г.Б. Прошлое и настоящее корейцев Казахстана (1937–1997 гг.). – Алматы, 1997. – 169 с.; Ким Г.Н. История иммиграции корейцев. Кн.1. Вторая половина XIX в. – 1945 г. – Алматы: Дайк-Пресс. – 419 с.; Будгарт Л.А. Немцы в Восточном Казахстане в 1941–1956 гг.: депортация и жизнь в условиях спецпоселения. – УстьКаменогорск, 1997. – 251 с.; Алдажуманов К.С. Депортация народов в Казахстан // Наука Казахстана. – 1996. – 1–15 февраля; Белая книга (Из истории выселения чеченцев-ингушей 1944–1957 гг.). – Грозный-Алма-Ата, 1991. – 235 с.; Депортированные в Казахстан народы: время и судьбы. – Алматы: Арыс-Казахстан, 1998. – 428 с.

8 Калыбекова М.Ч. Теоретико-историографический анализ проблемы насильственного переселения народов // Вестник Карагандинского университета. Серия История. Философия. Право. – 2010. – №2 (58). – С.13-109

З.Г.Сақтағанова

Е.С.Досмағамбетов

ХАЛЫҚТАРДЫ ҚАЗАҚСТАНҒА ДЕПОРТАЦИЯЛАУ: МӘСЕЛЕЛЕРДІ ТАЛҚЫЛАУ

Аңдатпа. Мақала халықтарды Қазақстанға депортациялау мәселесіне арналған: авторлар КСРО-дағы 1930-шы және 1940-шы жылдары орындалған депортацияның негізгі сипаттарын талдайды. КСРО-дағы жер аударудың негізгі ерекшеліктері көрсетіліп, көтерілген мәселенің тарихнамасына қысқаша шолу жасайды.

Түйінді сөздер: халықтарды депортациялау, Қазақстан тарихы, саяси қуғын-сүргін, КСРО-дағы депортацияның ерекшеліктері.

Z.G.Saktaganova

Е.С.Досмагамбетов

DEPORTATION OF PEOPLE TO KAZAKHSTAN: DISCUSSION OF THE PROBLEM

***Summary:** The article raises the problem of deportation of people to Kazakhstan. The authors distinguish the main features of deportation in the USSR, that were executed during the 1930s and 1940s. A brief historiographical overview of the problem is given, and unexplored stories in the history of deportation of people in Kazakhstan's historiography are marked*

***Keywords:** the deportation of people, the history of Kazakhstan, political reprisals, the distinctive features of deportation in the USSR*

УДК 93/94

К.С.Ускембаев

Карагандинский государственный университет им. Е.А.Букетова

Караганда, Республика Казахстан

Г.А. Мухатаева

Карагандинский Государственный Медицинский Университет

Караганда, Республика Казахстан

gauhar-mukhataeva@yandex.kz

ИЗ ИСТОРИИ ДЕПОРТАЦИИ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КАЗАХСТАН

(по материалам архивных фондов Карагандинской области)

***Аннотация.** В статье приводятся факты тяжелого выживания этнических общностей СССР, среди которых оказались кавказские народы, на территории Карагандинской области в период репрессивной политики государства.*

***Ключевые слова:** депортация, политика депортации, политические репрессии, статус переселенца.*

Одним из печальных уроков прошлого века в истории всех народов можно назвать репрессивную политику государства в отношении этнических общностей СССР. Начав с репрессий в отношении отдельных категорий в 20-е годы, карательная машина

прошла статным катком по судьбам многих тысяч людей самых различных национальностей, среди которых оказались такие кавказские народы как, ингуши и чеченцы.

Депортация является самым тяжелым периодом в истории горских народов. *23 февраля вайнахи отмечают трагическую дату в истории ингушского и чеченского народов. «Черная среда» разделила жизнь их предков на «до» и «после» – 73 года назад они были депортированы в Казахстан и Среднюю Азию.* Перевоска людей сопровождалась массовой гибелью спецпереселенцев. В отличие от других депортированных народов, которые были более или менее компактно расселены, чеченцев и ингушей раскидали мелкими группами по всей республике. До сегодняшнего дня неизвестно точное количество умерших в годы репрессий переселенцев. Предположительно из чуть более 400 тысяч чеченцев погибло не менее 131 тысяч человек [1; С.115-116].

Вынести все тяготы жизни, выпавшие на их долю, а иногда просто выжить помогали местные жители, которые с гостеприимством встречали представителей других национальностей, переселенных в Казахстан. По данным НКВД В 1943-1944 гг., в соответствии с решениями правительства Советского Союза, была учинена расправа над карачаевцами и калмыками, чеченцами и ингушами, балкарцами, крымскими татарами, греками, болгарами и армянами, проживавшими в Крыму, турками – месхитинцами. Все эти народы были представлены изменниками, врагами народа и были депортированы из родных мест. Согласно справке отдела спецпоселений НКВД СССР о количестве спецпереселенцев на октябрь 1946 г., всего на учете находилось 2 436 940 чел., из них мужчин 655 674 чел., женщин – 829084 чел., детей до 16 лет – 979 182 человека. В Казахской ССР было расселено 890698 человек. Значительное число из них было выселено в Карагандинскую область, согласно «Справке о наличии спецпереселенцев чеченцев и ингушей в Карагандинской области», вышедшей 20 мая 1944 года под грифом «совершенно секретно» на территории области проживало 9 036 семей или 36 702 человек [2; С.107].

На территории Карагандинской области была создана целая система лагерей и специальных поселков. Трудились спецпереселенцы в угольном бассейне, участвовали в жилищном строительстве и строительстве промышленных предприятий, были заняты в благоустройстве городов и поселков Карагандинской

области. Примером подобной мобилизации может служить постановление Исполкома Карагандинского Облсовета депутатов трудящихся и бюро Карагандинского обкома КП (б) Казахстана от 18 октября 1943 года «О мобилизации 1000 человек рабочих из числа трудспецперселенцев для работы в Карагандинском угольном бассейне» [3; С.94-95].

С февраля 1948 г., в связи с Указом Президиума Верховного Совета СССР «О направлении особо опасных государственных преступников по отбытии наказания в ссылки на поселение в отдаленные местности СССР», список спецпереселенцев, депортированных из различных регионов Советского Союза и расселенных на территории Карагандинской области, пополнился лицами, освобожденными из Карагандинского исправительно-трудового лагеря МВД и поставленными на учет в спецкомендатуры. Согласно данным, содержащимся в справке Карагандинского обкома КП Казахстана, на 1 августа 1949 г. на территории области проживало в общей сложности 39 990 семей – 11 743 спецпереселенцы различных национальностей.

Для их учета в области было образовано 113 спецкомендатур МВД. Спецпереселенцы столкнулись с массой трудностей на новом месте жительства: голод, болезни, бытовые неустроенность, разобщение семей, смерть близких, унижительное клеймо «врага народа» – все это смогли пережить далеко не все. Их использовали на самых тяжелых участках сельскохозяйственного производства [4; С.46]. Несмотря на фактически безвозмездный труд, они добивались высоких показателей, например: в Осакаровском районе в колхозах «Комсомольский» и «Октябрьский» имеют трудодней от 500 до 600 Хамидов Дамес, Одаев Трухан, Юсупов Аким и многие др. [5; С.96].

Жилищно-бытовые условия спецпереселенцев с Северного Кавказа находились в тяжелом состоянии. Если нормальной нормой жилплощади на человека приходилось 3 кв.м., то в отдельных пунктах расселения имелись факты, когда спецпереселенцы жили по 2-3 семьи в одной квартире и на 1 человека приходилось не больше, 2 кв.м. (трудпоселки – 29, 30 Карагандинской области) [6; С.77-81]. В лучших условиях жили спецпереселенцы в «порядке уплотнения, пригодных для проживания зимой помещениях» [7; С.144].

В отдельных пунктах Карагандинской области больницы медпункты недостаточно были укомплектованы медперсоналом, например в трудпоселке №20 Май-Кудык в среднем являлись на

приеме 75-80 человек. В течение положенного времени обслуживался всего 30-40 человек. На три поселка Осакаровской комендатуры имелся только один медпункт расположенный от 9 до 18 км от поселков [8; С.1-9].

По Карагандинской области из 33 316 спецпереселенцев с Северного Кавказа умерло 1727 человек, в том числе мужчин 511, женщин 426, детей 790 [9; С.94]. Причиной смертности детей в основном были: дифтерия, корь; взрослого населения: старость, тиф, инфекционные заболевания, несомненно отразилось и то обстоятельство, как недоедание [10; С.5-15]. Обеспечение теплой одеждой и обувью выглядело не лучшим образом: например, среди детей школьного возраста из 4350 детей, охвачены школой только 1595 [11; С.103], а остальные не посещают школу из-за отсутствия одежды и обуви.

А что касается обеспечения продовольствием и промтоварами оно было намного ниже, чем для других категорий населения. С января по июль 1945 года выдавалось по 100-50 гр. Муки и крупы на человека в день, а в июле месяце выдавалось продзерно взамен муки по 4,5 кг. на человека [12; С.100].

Статус спецпереселенца характеризовался унижительными процедурами регистрации, перерегистрации и отметок в местных и других органах НКВД. Спецпереселенцы были обязаны строго соблюдать установленный для них режим и общественный порядок в местах поселения и подчиняться всем распоряжениям спецкомендатуры НКВД [13; С.149]. И только с середины 50-х годов политика правительства по отношению к депортированным народам стала меняться. В ней наметилось смягчение и либерализация [14; С.2-7]. По Указу МВД СССР №197 от 18 ноября 1953 года УМВД областей обязаны были принимать все меры к быстрейшему решению вопросов о соединении разрозненных семей спецпереселенцев и выдачи разрешений на временные выезды в командировки, на лечение, учебу, спортивные соревнования и т.п. [15; С.26].

Депортации продолжились и после окончания войны, однако, на территорию Карагандинской области они не имели массового характера.

Список использованных источников:

- 1 Некрич А. Наказанные народы. Нью-Йорк. 1978. – 357 с.
- 2 Михеева Л.В. Иностранцы военнопленные и интернированные II мировой войны в Центральном Казахстане (1941-нач.1950-х гг.). – Караганда, ЦКУ «МГТИ-Лингва», 2010. – 208 с.
- 3 Там же.
- 4 ГАКО. Ф. 1п. Оп.7. Д.296. С.46.
- 5 ГАКО. Ф. 18. Оп.1. Д.843. С.96.
- 6 ЦПСиС при Генеральной Прокуратуре РК. Ф. 16. Оп.1. Д.13. С.77-81.
- 7 ГАКО. Ф. 18. Оп.1. Д.843. С.144.
- 8 ЦПСиС при Генеральной Прокуратуре РК. Ф.16. Оп.1. Д.9. С.1-9.
- 9 ГАКО. Ф. 18. Оп.1. Д.843. С.94.
- 10 ГАКО. Ф. 14. Оп.1. Д.843. С.5-15.
- 11 ГАКО. Ф. 18. Оп.1. Д.843. С.103.
- 12 ГАКО. Ф. 18. Оп.1. Д.843. С.100.
- 13 ГАКО. Ф. 3п. Оп.1. Д.187. С.149.
- 14 ГАКО. Ф.1418. Оп.1. Д. С.144.
- 15 Архив Карлага. Архив 23. Д.4. Т.1. С.26.

Қ.С. Өксембаев, Г.А. Мұқатаева
СОЛТҮСТІК КАВКАЗ ХАЛЫҚТАРЫН ОРТАЛЫҚ
ҚАЗАҚСТАНҒА ДЕПОРТАЦИЯЛАУ ТАРИХЫНАН
(Қарағанды облысының мұрағат қорлары материалдары
негізінде)

Аңдатпа. Мақалада Қарағанды облысының аумағында мемлекеттің репрессиялық саясаты кезеңінде КСРО-ның этникалық топтарының, солардың ішінде Кавказ халықтары бар ауыр жағдайда тіршілік етуінің деректері келтіріледі.

Түйінді сөздер: депортация, депортация саясаты, саяси қуғын-сүргін, саяси репрессия, жер аударылғандар мәртебесі.

K.S. Uskembayev, G.A. Mukhatayeva
FROM THE HISTORY OF THE DEPORTATION OF PEOPLE
OF THE NORTH CAUCASUS TO CENTRAL KAZAKHSTAN
(based on the archival funds of Karaganda region)

Summary. *The article reveals the facts of the severe survival of Soviet ethnic groups, involved Caucasians, in the territory of Karaganda region in the period of deportation policy of the state.*

Keywords: *deportation, deportation policy, political repressions, immigrant status.*

УДК 93/94

Т.В.Цафт

Заместитель главного редактора журнала педагогов Казахстана «Коллеги» и газеты «pedagog.kz», корреспондент немецкой газеты «Дойчланд», руководитель научного общества «Хранители ноосферы», учитель химии, биологии и экологии КГУ ОШ № 134 Караганда, Республика Казахстан
tanya.tsaft@mail.ru

МНОГОЧИСЛЕННЫЕ СУДЬБЫ ДЕПОРТИРОВАННЫХ И РЕПАТРИРОВАННЫХ НАРОДОВ В ГОДЫ СТАЛИНСКИХ РЕПРЕССИЙ*¹

Аннотация. *В статье представлена деятельность научного общества «Хранители ноосферы», ориентированная на исследования депортации, репрессий и репатриации большого количества семей разных национальностей города Караганды. Автор рассматривает данную проблему с учётом личных проблем. К проектным работам научного общества подключено огромное количество средств массовой информации, газеты «Алтын арай», «Индустриальная Караганда», «Наша ярмарка», «Криминальные новости»; журналы «Криминальное чтение», «Домашний мир», «Я и Земля»; сайты «Коллеги» и «pedagog.kz», «Молодые репортёры для окружающей среды», «ЧИЭКО Караганды», «randia.kz», «intel». Автор описывает совместную работу с журналистами телевизионного канала «5 Канал» по теле-проекту «Моя Караганда – прошлое рядом». В статье дается информация по изданому документальному фильму «Возвращение в город, которого – нет».*

¹ *Примечание от редакционной коллегии:* в статье в популярной форме представлен не научный взгляд на проблему учителя-журналиста, который уже несколько лет проводит исследование проблемы депортации в Казахстан вместе со своими учениками. Стиль и изложение автора сохранены.

***Ключевые слова:** журналистика и педагогика, депортация, репрессии и репатриация, научно-практическая деятельность журналистов, публикации и доклады журналистов, изучение истории, краеведение, эко-туризм.*

В годы Великой Отечественной войны Казахстан стал одной из основных территорий депортации малых народов. В 1937 году постановлением ЦК ВКП (б) №1428-326сс “О выселении корейского населения из пограничных районов Дальневосточного края” в Казахстан было депортировано 20789 корейских семей, всего 98454 человека. Их продолжали расселять внутри Казахстана до 1944 года. В первые дни войны началась депортация немецкого населения из западных регионов Советского Союза, из Немецкой автономии Поволжья. В Казахстан прибыло почти полтора миллиона этнических немцев.

Все депортированные народы – немцы, чеченцы, ингуши, калмыки – были зачислены в трудовую армию, приписаны к месту работы. Зарплата им не выдавалась. Люди получали минимальный паёк. Крайнее испытание моральных, физических, нравственных сил, каким была Великая Отечественная война, казахстанское общество выдержало с честью.

Огромное количество депортированных чеченцев, ингушей, украинцев, литовцев, эстонцев проживало в «Старом городе». В простонародье, это был «Копай-город», некогда Центр Караганды.

Из воспоминаний.

Со слезами на глазах, отец рассказывал... «Если бы не суровые зимние дни 1942 года, он никогда бы не попал в Караганду. Судьбу не переделаешь! Почему мои родные не вернулись после войны в Москву, так и осталось семейной тайной. Остались «домыслы» - обрывки фраз о дворянском происхождении, но документально это не подтверждено. На шахте 36/42 (ныне, шахта «Северная», ТОО «Батыр»), к которой можно было добраться от центра «Копай-города» за 10 минут на автобусе № 13 работали мужчины и женщины. Проживали они по ул.Аэропортная, справа от шахтного террикона. Все были депортированные, либо спецпереселенцы. Никто не знал, почему происходят такие катастрофы на шахтах. Никто и предположить не мог - это выброс метана. Жители нашей улицы Аэропортная, обсуждая причину аварии на шахте, говорили о диверсии. После трагедии на шахте сгорел огромный склад дров для мебельной фабрики. Для перевоза дров в другие регионы

города и всего Казахстана. Все думали, что это диверсия. Многих арестовала милиция. Мой отец провёл много времени в КПЗ до выяснения причин пожара. Казалось, 60-е годы... не время сталинских репрессий, но отголоски прошлого заметны. Жители, которых согнали из Украины, Чечни, Литвы оставили в памяти страшные воспоминания: их загоняют в товарные вагоны, привозят в «Копай-город». Там учились дети и внуки оставшихся сосланных трудармейцев. Подругу из Литвы звали Алдона. В отличие от своих старших брата и сестры, она не знала своей страны, родилась уже в Казахстане. В 1968 г. им разрешили вернуться на Родину. На конечной остановке автобуса №13 жили семьи сосланных чеченцев. Они работали на одной шахте. Другой работы на окраине «Копай-города» просто не было.»

Такие воспоминания дали возможность для продолжения изучения страшного последствия депортации и репрессий многочисленных судеб в Караганде. Когда обследовали район КазДрамтеатра, встретили семью депортированных из Чечни братьев Дакаевых. Рядом со строением у них свои дома. Никуда не собираются уезжать. Из личной беседы со старшим братом Заинды Закреевичем выяснилось: семья изгнана из Чечни в 1944 году. С тех пор они охраняют уже не существующее здание КазДрамтеатра. Заинды Закреевич рассказал, что работает на заводе им.А.Пархоменко, где имеется памятник великому герою гражданской войны.

Депортация чеченцев и ингушей.

О факте депортации чеченцев и ингушей известно практически всем, но истинную причину этого переселения знают немногие. Дело в том, что ещё с января 1940 года в Чечено-Ингушской АССР действовала подпольная организация Хасана Исраилова, ставившая своей целью отторжение от СССР Северного Кавказа и создание на его территории федерации государств всех горских народов Кавказа, кроме осетин. Осетин, как, впрочем, и русских, проживающих в кавказском регионе, по мысли Исраилова и его сподвижников, следовало поголовно уничтожить.

Он создавал подпольную организацию с целью поднять восстание против Советской власти в тот момент, когда англичане должны были высадиться в Баку, Дербенте, Поти и Сухуми. Однако с началом войны внешнеполитическая ориентация Исраилова резко изменилась - теперь он начал надеяться на помощь немцев. Представители Исраилова перешли линию фронта и вручили

представителю немецкой разведки письмо своего руководителя. С немецкой стороны Исраилова стала курировать военная разведка.

Во время первой мобилизации чеченцев и ингушей в РККА в 1941 году планировалось сформировать из их состава кавалерийскую дивизию, однако при её комплектовании удалось призвать лишь 50% (4247 человек) от имевшегося призывного контингента, а 850 человек из уже набранных по прибытии на фронт тут же перешли к противнику. На тот же момент, когда был опубликован указ о переселении, в армии находилось лишь 8894 человека чеченцев, ингушей и балкарцев. Через два года после своего первого рейда – 28 января 1942 года Исраилов организовывает ОПКБ – «Особую партию кавказских братьев». Её цель - «создание на Кавказе свободной братской Федеративной республики государств братских народов Кавказа по мандату Германской империи». Позднее партию переименовывают в «Национал-социалистическую партию кавказских братьев».

В феврале 1942 года, когда гитлеровцы заняли Таганрог, бывшим председателем Леспромсовета Чечено-Ингушской АССР Майрбеком Шериповым было поднято восстание в аулах Шатой и Итум-Кале. Аулы вскоре были освобождены, но часть повстанцев ушли в горы. Там проводились партизанские вылазки. Для того, чтобы не допустить захвата бандитами объектов нефтедобычи и нефтепереработки, в республику пришлось ввести одну дивизию НКВД. Поэтому 31 января 1944 года было принято постановление ГКО СССР №5073 об упразднении Чечено-Ингушской АССР и депортации всего населения в Среднюю Азию и Казахстан. 23 февраля 1944 началась операция «Чечевица», в ходе которой из Чечено-Ингушетии отправлено 180 эшелонов по 65 вагонов в каждом, с общим количеством переселяемых 493 269 человек. В 1944 году всех жителей Чечни и Ингушетии депортировали и сослали в Казахстан.

Караганда росла и строилась, «обрабатывая» разделенные участки степи шахтами и рудниками, старыми переселенческими поселками с 30-х годов, где затем были поселения немцев из Поволжья в военные годы. Первым был выстроен «Копай-город», затем поселки 1-го и 2-го рудников, а возле крупных шахт отстроен до конца «Старый город».

После войны со всем размахом стал строиться областной центр - «Новый город». Население Караганды в 30-е годы составляли прикрепленные к угольным шахтам с пометкой "навечно" всё те же

спецпереселенцы, а так же освобождавшиеся со справкой "вечная ссылка в Караганду" – это бывшие узники Карлага. Более двух третей населения города не имело паспортов. Жили ссыльные в темных чуланах, землянках и сарайчиках, и каждые 10 дней они обязаны были отмечаться в комендатурах.

О КарЛАГге посёлка Долинка.

Он был основан в 1909 г. в урочище Коныртобе переселенцами Самарской и Саратовской губерний. Село Долинка получило право самостоятельной поселковой единицы 10 декабря 1909 года. С 1909г. – центр Долинской волости. В 1914 году было 282 дома, 3 мельницы, 2 маслобойки. В селе Долинка находилось управление КарЛАГ.

Музей «Памяти жертв политических репрессий» был создан с целью исследовать и сохранить памятники истории КарЛАГа и увековечить память невинных жертв исправительно-трудовых лагерей, находившихся на территории Казахстана. В 30-50 годы в Советском Союзе осуществлялись массовые политические репрессии. ГУЛАГ (Главное Управление Лагерьей, г.Москва) имел повсюду в СССР сеть ИТЛ- исправительно-трудовых лагерей. Крупнейшим его филиалом был КарЛАГ с центром в поселке Долинка, где располагалось Управление КарИТЛ, влиявшее на всю систему лагерей Казахстана. Одной из главных целей организации Карлага было создание крупной продовольственной базы для бурно развивающейся угольно-металлургической промышленности Центрального Казахстана: Карагандинский угольный бассейн, Жезказганский и Балхашский медеплавильные комбинаты. По всей отведенной лагерю огромной территории существовали поселения казахов, русских, немцев и украинцев.

Казахи испокон веков населяли эти земли, а немцы, русские и украинцы переселились на эти земли в 1906 —1910 гг.. В 1930 — 1931 гг. началось принудительное выселение населения посёлка. Для этой «операции» привлекались войска НКВД. Немцы, русские и украинцы были переселены, главным образом, в Тельманский, Осакаровский и Нуринский районы Карагандинской области. Особенно трагично сложилась судьба казахов: из северной части, отведенной лагерю территории, многие из них были переселены в Караганду и ближайшие районы. Все это совпало с раскулачиванием, с конфискацией большого количества крупного рогатого скота, овец, лошадей и верблюдов.

Нарком внутренних дел Ежов 15 августа 1937 года издал приказ «Об операции по репрессированию жен и детей изменников Родины». Выдержка из архивного документа: «Осужденные социально опасные дети направляются в лагеря, исправительно-трудовые колонии НКВД или дома особого режима Наркомпросов республик...» В Карагандинском исправительно-трудовом лагере дети «врагов народа» отбывали срок наравне с взрослыми. Совсем маленькие, ничего не понимающие, они становились сиротами сразу по прибытии в лагерь – их насильно отнимали у матерей и помещали в «Деткомбинат». То есть в такую же зону с вахтой, воротами, бараками и колючей проволокой. В лагере насчитывалось семь учреждений, где «отбывали наказание» дети от двух до четырех лет.

Деткомбинат находился на территории Центрального полеводческого отделения, рядом с поселком «Долинка». Местные жители называли детскую зону «мамочкин дом». О каком-либо надлежащем уходе за малышами говорить не приходилось. Дети голодали, болели и тихо уходили в «мир иной». Сумевших выжить отправляли в детские дома, где смертность была такой же высокой. В Карлаге наравне со взрослыми отбывали срок и дети «врагов народа». Их брали со школьной скамьи, и никому не приходило в голову считать их неправоответственными за мнимые «преступления» отцов. С 1933 г. вышло Постановление о передаче детей 7-10 лет в Компанейскую колонию для несовершеннолетних детей. (В 1934 г. Компанейский детский дом, а с 1985 года Компанейский детский дом им. Н.К.Крупской).

На 1 января 1938 года среди прибывших 2103 жен «ЧСИР» в Карлаге было 655 беременных и кормящих матерей. В 1941 году прибыло 108 беременных женщин. Все они рожали в лагере. После трех-четырёхлетнего возраста детей отнимали у матерей и направляли в Дом младенца. Дети, находившиеся в детских домах, воспитывались в духе ненависти к своим родителям и часто отказывались от них. Дети осужденных родителей в дальнейшем не имели доступа к определенным видам профессий, и все это время на них висело клеймо «врагов народа». По архивным данным, в Домах младенцев и детских домах Карлага отмечается высокая смертность детей. Так, за 1941 -1944 г.г. умерло 924 ребёнка, а за 1950-1952 г.г. - 1130. Их хоронили на пустынной окраине «Долинки». Позже это место стало называться «Мамочкино кладбище». По достижении трехлетнего возраста детей

распределяли в детские дома. В Карлаге имелось 5 детских домов: Компанейский, Литвиновский, Осакаровский, Пионерский и Каркаралинский (Бесабинский).

В Акмолинском отделении Карлага находилось более 18 тысяч женщин, осужденных Особым совещанием НКВД СССР. Здесь содержались жены руководящих работников партийных и советских органов, военных деятелей, видных ученых и писателей. В лагере отбывали сроки: жена Бухарина, жена, дочь и две сестры М. Н. Тухачевского, жена Блюхера, жена и дочь А.С.Енукидзе, также жены С.Сейфуллина, Б. Майлина, Б.Шанина, Т.Рыскулова, К. Асфандиярова, Н. Нурмакова и многие другие.

Численность женщин – заключенных Карлага стремительно увеличивалась из года в год. Если в 1933 году сюда прибыло 2304 женщины, то в 1938 году – 7511. В 1940 году эта цифра достигла 20000. Среди женщин-заключенных была высокая смертность и инвалидность. Одни умирали от болезней, другие от моральных мук, некоторые не выносили сурового климата Центрального Казахстана. С 1942 по 1944 гг. умерло 540 женщин. Иногда число заключенных росло до 75 тысяч человек. Эти люди, выдержав срок испытаний лагерным режимом, пройдя через моральные и физические перегрузки, унижения, нашли в себе силы не озлобиться за незаслуженно учиненное над ними насилие, за вырванные из жизни лучшие годы. За весь период существования Карлага в нем побывали более 1 миллиона заключенных, которые оставили неизгладимый след в истории Центрального Казахстана. История Караганды тесно связана с лагерями АЛЖИР и КарЛаг. КарЛаг, ставший местом заключения множества деятелей науки и искусства СССР и зарубежья, стал очагом культуры Караганды. Уникальное культурное наследие, оставленное ими, было создано в крайне тяжёлых и трагических обстоятельствах жизни. Силами заключённых проводились концерты и спектакли в честь советских праздников. Художники занимались оформительскими работами. Известно, что в Карлаге даже ставился балет. Всё это было, в основном, высокого профессионального уровня. Именно в конце 30-х годов началась история изобразительного искусства Караганды. Были заложены предпосылки развития нового этапа искусства Казахстана в целом. Многие репрессированные и депортированные остались жить в городе и внесли значительный вклад в его культуру.

Собранные материалы о японских военнопленных.

«Сторожилы» рассказывали, как в «Копай-городе», по ходу движения автобуса № 13 находились старые барачного типа дома. За дорогой, в степи, много могил японских солдат, работающих на шахте «Северная». Большое количество вещей: ремни, ордена и даже японское знамя. Вопрос: как удалось сохранить вещи на месте работы в плену? Знают ли их родные и близкие, где японские солдаты нашли свой последний путь?! В один из летних дней 1967 года приехала делегация. Позже в степи стали откапывать массовые захоронения японских солдат. За грейдером, со стороны нашей улицы не было никаких обозначений, только покрытые бурьяном холмы. Найдено много останков, которые куда-то увезли, но ещё долго находили разрушенные временем человеческие кости, предметы быта, награды и т.д.. Говорить об этом было нельзя! Советская пропаганда действовала беспрекословно: все верили, что здесь захоронены враги. Прикоснуться к вещам японских солдат - нельзя!

С 1930-х годов в степной зоне будущего «Старого города» работал первый Аэропорт. Одна из улиц города будет так названа - Аэропортная. Дома представляли надёжные бараки. Строили японские военнопленные. После 50-х годов в домах проживали семьи шахтёров и спецпереселенцы Литвы, Чечни, Украины и Белоруссии. Они ждали разрешения вернуться на Родину.

Недалеко от этой улицы находилась школа № 69. До войны в этом здании была лётная школа, где учился Нуркен Абдиров. Семья Нуркена Абдирова проживала недалеко от шахты «Северная». В одноэтажном здании школы, построенном депортированными и репрессированными жителями Чечни, Литвы, Украины и Белоруссии были всегда покрашены стены, очень старинные парты и везде весели картины. За территорией школы высажны деревья, кустарники и много-много цветов. Огороды заполнены овощными культурами. Мы часто вспоминали, как жили, работали и дружили, все вместе - казахи, русские, татары, украинцы, литовцы, башкиры и немцы. Все очень радовались, что теперь «не враги народа»! Новая история нашего государства и наших детей заложена в памяти. Читая строки, кто-то напишет воспоминания о другой Караганде: с её замечательными фонтанами, интересной архитектурой, стройными пейзажами городских аллей и парков. Магазины с переполненными от товаров полками. С радостными лицами улыбающейся молодёжи, у которых прекрасное будущее!

Об одном только прошу: историю забывать нельзя, чтобы никакие трагедии не повторились!

Список использованных источников:

1 Бугай Н.Ф. Депортация этнических общностей: проблемы реабилитации в России и Казахстане // Россия и Казахстан: проблемы истории (20 – начало 21 века). – М., 2006.

2 Козыбаев М., Алдажуманов К. Тоталитарный социализм: реальность и последствия. А., 1997.

3 Алдажуманов К.С. Крестьянское движение сопротивления. //Депортированные в Казахстан народы: история и судьбы. А, 1998.

4 Алдажуманов К.С. Открытые судебные процессы в Казахстане. //Материалы «круглых столов» и семинаров. А, 1996.

5 Шаймуханов Д.А., Шаймуханова С.Д. Карлаг. Караганда 1997. Спецпереселенцы в Карагандинской области. Сборник документов и материалов. Караганда 2007.

6 Книга скорби. Расстрельные списки. Том 3. Карагандинская область. Алматы 1997.

7 Е. Кузнецова «Последнее прибежище», «Нива» 2001г. №1

8 Н.Тужикова «Без страха душу растерзал...», «Карагандинская панорама» 12 сентября 1989года.

9 Ю. Попов «Голгофа Веры Ермолаевой» «Панорама» 15 марта 2008год.

10 С. Лебедев «Времена не выбирают, в них живут и умирают» ИК, 17.01.1996г.

11 А. Омарова «Эйфертова башня» ИК, 01.08.2009год.

12 Публикации, статьи, мануалы и сборники, интернет по исследованию «Старого города», пос. «Долинка» и «Компанейск».

Т.В.Цафт

**СТАЛИНДІК РЕПРЕССИЯ ЖЫЛДАРЫНДАҒЫ
ДЕПОРТАЦИЯЛАНҒАН ЖӘНЕ РЕПАТРИЯЦИЯЛАНҒАН
ХАЛЫҚТАРДЫҢ КӨПТЕГЕН ТАҒДЫРЛАРЫ**

Аңдатпа. Мақала Қарағанды қаласындағы әртүрлі ұлт өкілдерінің көптеген отбасыларының депортациясын, репрессиясын және репатрияциясын зерттеуге бағытталған. «Ноосфера сақтаушылары» ғылыми қоғамының қызметі ұсынылған. Автор осы проблеманы жекелеген мәселелерді ескере отырып қарастырады. Ғылыми қоғамның жобалық жұмысына көптеген бұқаралық ақпарат құралдарының, «Алтын арай»,

«Индустриалды Қарағанды», «Біздің жәрмеңке», «Қылмыстық жаңалықтар» газеттерінің, «Қылмыстық оқу», «Үй әлемі», «Мен және жер» журналдары; «Әріптестер» және «pedagog.kz», «Қоршаған орта үшін жас журналистер», «ЧИЕКО Қарағанды», «pandia.kz», «intel» материалдары қосылды.

Автор «5 Канал» телеарнасының «Менің Қарағандым – өткеніміз жақын» теле- жобасында журналистерімен бірлескен жұмысын сипаттайды. Мақалада «Болмаған қалаға оралу» деректі фильмі туралы ақпарат берілген.

Түйінді сөздер: журналистика және педагогика, депортация, қуғын-сүргін және репатриация, ғылыми және практикалық қызмет, журналистердің жарияланымдары мен баяндамалары, тарихты зерттеу, өлкетану, экологиялық туризм.

T.V.Tsaft

**THE MULTIPURENT FATE OF THE DEPORTED AND
REPATRIATED PEOPLE IN THE PERIOD OF STALIN
REPRESSIONS**

Summary. The article presents the activities of the scientific community "Keepers of the Noosphere", focused on the research of deportation, repression, and repatriation of a large number of families of different nationalities in Karaganda. The author considers this problem in view of personal problems. A large number of mass media have been attracted to the project works of the scientific community, the newspapers *Altyn Aray*, *Industrial Karaganda*, *Our Fair*, *Criminal News*; magazines *"Pulp Fiction"*, *"Home World"*, *"The Earth and I"*; websites *"Colleagues"* and *"pedagog.kz"*, *"Young reporters for the environment"*, *"CHIECO Karaganda"*, *"pandia.kz"*, *"intel"*. The author describes the joint work with journalists of the TV channel "5 Channel" on the TV project *"My Karaganda - the past is near"*. The article gives information on the documentary film *"Return to the city, which is not"*.

Keywords: journalism and pedagogy, deportation, repression and repatriation, scientific and practical activity, publications, reports and manuals in the study of history, local history and eco-tourism.

**«ТОТАЛИТАРИЗМ КЕЗЕҢІНДЕГІ ХАЛЫҚТАР
ДЕПОРТАЦИЯСЫ: ТАРИХИ САБАҚТАР»**

**Халықаралық ғылыми-практикалық конференция шеңберінде
дөңгелек үстел
МАТЕРИАЛДАР**

МАТЕРИАЛЫ
**круглого стола в рамках Международной научно-практической
конференции**
**«ДЕПОРТАЦИЯ НАРОДОВ В ЭПОХУ ТОТАЛИТАРИЗМА:
ИСТОРИЧЕСКИЕ УРОКИ»**

M A T E R I A L S
**round table in the framework of the International Scientific and
Practical Conference**
**«DEPORTATION OF PEOPLE IN THE EPOCH OF
TOTALITARIANISM: HISTORICAL LESSONS»**

*Мақалалар авторлық редакцияда басылды.
Статьи даны в авторской редакции.*

Бас редакторы *Нұржігітова М. М.*

Редактор *Букеева А.Б.*

Техникалық редакторы *Борамбаева М.Н.*

Басуға 11.10.2017 қол қойылды. Пішімі 60x841/16. Көлемі 8,6 б.т.

Таралымы 50 дана. Әріп түрі «Times».

*«Болашақ-Баспа» редакциялық-баспа
бөлімінде басылып шығарылды*

Қарағанды қ., Ерубәева 14